

Новалис

ФРАГМЕНТЫ

Novalis

FRAGMENTE

Новалис

ФРАГМЕНТЫ

*Перевод с немецкого
А. Л. Вольского*

Санкт-Петербург
«ВЛАДИМИР ДАЛЬ»
2014

УДК 1/14
ББК 87.7
Н72

Новалис.
Н72 Фрагменты. — СПб.: «Владимир Даль», 2014. — 319 с.
ISBN 978-5-93615-130-9

Фрагмент — основная форма романтической философии, ибо выразить бесконечное в конечном, по мнению романтиков, можно только фрагментарно. Поэтому фрагментарность стала основным приемом романтического мышления.

Книга содержит фрагменты, написанные главным представителем йенского романтизма — Новалисом (настоящее имя — Фридрих фон Харденберг, 1772—1801). Два цикла — «Цветочная пыльца» и «Вера и любовь, или Король и королева» — были опубликованы при жизни Новалиса, остальные — посмертно. Большинство фрагментов переведено на русский язык впервые.

ISBN 978-5-93615-130-9

© Издательство «Владимир Даль», 2014
© А. Л. Вольский, перевод, вступительная статья и примечания, 2014
© П. Палей, оформление, 2014

«ФРАГМЕНТЫ» НОВАЛИСА: ПОЭТИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ УНИВЕРСУМА

Новалис (настоящее имя — Фридрих фон Харденберг, 1772—1801) не был при жизни таким популярным, как Гёте, Шиллер или Генрих Гейне, хотя как-то назвал популярность «высшей целью человека».¹ Впрочем, под популярностью он понимал не известность всем и вся, а сопричастность человечеству, которая начинается в самом человеке, открывающем в себе общечеловеческое начало.

Порыв к популярности не противоречит мысли о том, что духовность, красота, поэзия доступны лишь узкому кругу посвященных, «ученикам в Саисе», что «настоящая тайна исключает профанов» и может быть выражена только с помощью тайного «языка тропов и загадок».² Посвященные призваны к преображению мира. «Мы выполняем миссию, — говорит Новалис в «Цветочной пыли», — мы призваны обустроить Землю» (фр. 32).³

Загадкой является и его личность, которая, если воспользоваться метафорой поэта-символиста Стефана Георге, принадлежит «тайной Германии». Это чутько уловил Т. Карлейль,

¹ Фрагмент 47 из цикла «Цветочная пыльца».

² См. фрагменты 1—3 из цикла «Вера и любовь, или Король и королева».

³ Номер фрагмента соответствует нумерации внутри соответствующего раздела.

один из первых, кто написал о Новалисе. По мнению Карлейля, Новалис не может быть назван ни мистиком, ни поэтическим сновидцем, но принадлежит к «другой категории» — «более высокой и менее известной».⁴

Значение творчества Новалиса было осознано, прежде всего, писателями и философами: сначала друзьями-романтиками — Фридрихом Шлегелем и Людвигом Тиком, потом о нем писали Жерар де Нерваль, Томас Карлейль, Эдвард Мёрике, Вильгельм Дильтей, Рихарда Хух, Стефан Георге, Георг Тракль, Томас Манн и Герман Гессе. Но и менее известные фигуры, например брат Новалиса Карл или его начальник, амтманн А. Ц. Юст, сумели понять и оценить новалисовский гений. Как и к Фридриху Гёльдерлину, слава пришла к Новалису спустя годы. Первоначально Новалис прославился как поэт, автор многочисленных лирических стихотворений, «Гимнов к ночи» и «Духовных песен», а также как прозаик, написавший роман «Генрих фон Офтердинген» и повесть «Ученики в Саисе».

Правда, еще в 1905 г. В. Дильтей в своей работе о Новалисе делает интересное наблюдение. По его мнению, художественная фантазия Новалиса не обладала «энергией конкретной образности». Его высшие образы расплывчаты и эфемерны.⁵ Можно, вероятно, спорить о том, следует ли считать эфемерность в его поэзии недостатком или осознанным приемом. Но то, что в своих фрагментах Новалис умел достигать, по сути, афористической четкости, — факт, в котором может убедиться каждый читатель.

Общая оценка его творчества изменилась с появлением первого критического издания произведений Новалиса, которое было осуществлено в 1928 г. тюбингенским профессором Паулем Клухоном. Клухон установил, что, во-первых,

⁴ Карлейль Т. Новалис // Новалис. Генрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. СПб., 1995.

⁵ *Dilthey W. Erlebnis und Dichtung.* Göttingen, 1965. S. 194.

фрагменты и штудии, черновики и конспекты составляют не менее половины им написанного. Во-вторых, роль фрагментов в совокупном творчестве Новалиса он оценил по-новому. Если раньше фрагменты воспринимались как дополнение к художественному творчеству, как та питательная почва, из которой произрастала «настоящая» поэзия,⁶ то после выхода в свет Собрания сочинений фрагменты приобрели собственный статус. А если еще вспомнить о том, что основные прозаические тексты Новалиса — роман «Генрих фон Офтердинген» и повесть «Ученики в Саисе» — так и остались незавершенными, т. е. фактически являются развернутыми фрагментами, то фрагмент можно признать основной формой его творчества.

Но не только творчества: сама жизнь умершего в возрасте 28 лет Новалиса есть своего рода фрагмент, в котором задуманное, незавершенное, потенциальное превышает осуществленное, завершенное и действительное.

Фридрих фон Харденберг родился 2 мая 1772 г. в городке Обервидерштедт в Саксонии. Он происходил из старинного дворянского рода, идущего из XII века, который имел три линии: две графские и одну баронскую, к которой Новалис и принадлежал. К другой ветви относился его могущественный родственник Карл Август фон Харденберг — государственный канцлер Пруссии. В социальном плане Харденберги — это *Beamtenaristokratie* — чиновная аристократия, служившая отчасти из-за денег, отчасти по убеждениям. Имя Новалис, что значит «возделывающий новину», образовано от «де Новали» — латинизированного перевода старинного родового имени: предки поэта именовались господами фон Роде. Так что псевдонимом это имя можно считать только отчасти. Сам Новалис произносил его

⁶ Т. Карлейль писал, что все созданное Новалисом было отрывками «из того великого плана, до осуществления которого Новалис не дожил» (Карлейль Т. Указ. соч. С. 198).

с ударением на первом, а его друг Л. Тик — на последнем слогѣ.⁷

Отец Генрих фон Харденберг (1738—1814), суровый и аскетический человек, близкий к секте гернгутеров,⁸ был директором соляного производства Саксонии, а мать, Августа Бернардина, урожденная фон Бельциг, воспитывала детей, которых в семье было одиннадцать. Однако только один ребенок пережил своих родителей — остальные умерли очень рано, что, в конце концов, стало причиной физической и душевной болезни матери. Фридрих получил солидное домашнее образование с опорой на классических авторов, а в гимназии фактически только доучивался. В детстве он любил сочинять сказки и рассказывать их своим младшим сестрам и братьям. Когда ему исполнилось тринадцать, семья переехала в Вейсенфельс, городок, находившийся между Лейпцигом, Йеной и Веймаром.

Писать стихи Харденберг начал рано и написал в молодости более 300 стихотворений — в основном в стиле рококо и штюмерства, — больше, чем в годы поэтической зрелости. Большое значение для него имела встреча с известным поэтом-штюмером Августом Бюргером, автором первой немецкой художественной баллады «Ленора», которая произошла в 1789 г.

В октябре 1790 г. Фридрих фон Харденберг поступил в Йенский университет, в ту пору один из крупнейших в Германии. Так начались его годы учения, не прекращавшегося

⁷ Микушевич В. Б. Миф Новалиса // Новалис. Генрих фон Офтердинген. М., 2003. С. 189. (Литературные памятники).

⁸ Гернгутеры — протестантская община, состоявшая из последователей лютеран, кальвинистов и богемских братьев, возникшая в XVIII в. в имении графа Цинцендорфа г. Гернгут, откуда и получила свое название. Целью общины провозглашалось взаимное братское служение, тогда как вопросам вероучения уделялось меньше внимания. Акцент делался на личном внутреннем общении со Христом и нравственности.

практически до конца жизни. Участь на юридическом факультете, он тем не менее много времени проводит на лекциях по философии и истории. Кафедрой философии в Йене в то время заведовал ученик Канта, Карл Леонгард Рейнгольд, а кафедрой истории — Фридрих Шиллер, который в зимний семестр 1790/91 г. читал лекции по новейшей истории и истории крестовых походов.

Харденберг был поражен личностью Шиллера, его нравственным величием и еще до личного знакомства с ним начал писать «Апологию Фридриха Шиллера» — один из первых своих теоретических текстов, в котором отстаивал мифо-историческую концепцию Шиллера, сформулированную, в частности, в стихотворении «Боги Греции».

Когда в 1791 г. Шиллер тяжело заболевает, Новалис ночами сидит у его постели. В одном из писем К. Л. Рейнгольду он восторгается Шиллером, называя его «воспитателем будущего столетия». Шиллер, однако, не распознал в Харденберге (как, впрочем, и в Гёльдерлине) большого поэта. В личных беседах он советовал ему приложить дарования в других, более практических областях. Характерно, что Харденберг внутренне этому не только не сопротивлялся, а, наоборот, искренне считал свое писательство побочным занятием, не целью, а средством образования своей личности. Подлинная цель образования, напишет он позже, есть «овладение своим трансцендентальным Я», т. е. познание высшего начала в себе.

Шиллер оказал на молодого Харденберга не столько эстетическое, сколько этическое влияние. Он помог ему осознать, что вопреки любым внешним обстоятельствам человек внутренне всегда свободен и должен отстаивать свою внутреннюю гармонию и творческую сосредоточенность от хаоса обыденной жизни и даже ударов судьбы.

В 1791 г. он продолжает обучение в Лейпциге. Если в Йене проживало не более пяти тысяч человек, то Лейпциг с его тридцатью тысячами жителей слыл «маленьким Парижем», в котором можно было вести светскую жизнь. В Лейпциге

Харденберг подружился с Фр. Шлегелем, которому принадлежит одна из самых известных характеристик его личности.

Шлегель описывает Харденберга как стройного молодого человека, с приятными, тонкими чертами лица и черными глазами, говорящего, если речь зайдет о волнующем его предмете, втрое быстрее обыкновенного. Его чувственность отличается целомудренностью, которая происходит не от наивности и отсутствия жизненного опыта, а идет из глубины души. Уже при первой встрече Харденберг открыл ему свою философскую идею — освобождение мира от зла и наступление Золотого века.⁹

Что бы потом ни происходило между ними, Шлегель всегда относился к Новалису с внутренним почтением, несмотря на то, что во многом они были противоположны. В своем друге он ценил легкость, возвышенность и чистоту. По словам Р. Хуха, дух земли (Erdgeist) здесь встретился с духом воздуха (Luftgeist).¹⁰ Шлегель обладал достоинствами земного гения — силой ума, феноменальной памятью, иронией, широтой кругозора, игрой мысли, остроумием. С другой стороны — желчностью, холодностью, напористостью, даже наглостью (правда, «возвышенной» (erhabene Frechheit), по выражению самого Шлегеля) и цинизмом, который в нем усмотрел тот же Шиллер. Когда в «Цветочной пыли» Новалис говорит, что остроумие есть диссонанс и «чистые души лишены остроумия», возникает ощущение, что это замечание адресовано Шлегелю.

Фр. Шлегель, который был старше Харденберга всего на два месяца, тем не менее пытался покровительствовать своему другу, полагая, что его пластичный дух примет любую форму. Сам Новалис не видел в таком посягательстве на свою

⁹ Шульц Г. Новалис, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Томск, 1998. С. 51—52.

¹⁰ Huch R. Die Romantik: Blütezeit, Ausbreitung und Verfall. Hamburg, 1985. S. 75.

внутреннюю свободу ничего оскорбительного, воспринимая это как новый интересный опыт. Рецептивная и продуктивная сторона его личности, все в себя впитывающей, проявлялась также в чтении — любую книгу, по свидетельству его начальника и друга Юста, он прочитывал и запоминал с удивительной быстротой, делая чужое творчество исходной точкой для своего собственного.

Связь Новалиса и Шлегеля была не столько душевная, сколько духовная — собственное совместное философствование, которое Шлегель назвал симфилософией, а Новалис — «совместным полетом к возлюбленному предмету», а также чтение Платона и Ф. Гемстергейса.

К лейпцигскому периоду относятся первые штудии и конспекты. Первые тексты Харденберга еще нельзя назвать романтическими фрагментами в полном смысле слова, однако еще к 1791 г. относится небольшой текст (первый из приведенных в настоящем издании), который предвосхищает не только некоторые темы раннего романтизма — магию, мифологическое понимание истории, оппозицию посвященных и непосвященных, но и историко-философские рассуждения отшельника из романа «Генрих фон Офтердинген».

Завершив образование с высшей оценкой в Виттенберге, Харденберг становится актуариусом (подьячим) в окружном управлении в Теннштедте под началом Августа Целестина Юста, который вскоре из начальника превратился в друга, а впоследствии стал его первым биографом. За пределы Саксонии Харденберг практически не выезжает, но зато по службе много ездит по ее городкам: Артерн, Теннштедт, Вейсенфельс, Фрейберг, Шлебен, Грюнинген. В Грюнингене он сходитя с семейством помещика фон Кюн, которое принимает его дружелюбно и тепло.

Там он знакомится со своей будущей невестой — Софией фон Кюн, которой в 1795 г. было двенадцать с половиной лет. Новалис влюбляется в нее с первого взгляда. В одном из писем Шлегелю он говорит, что его невесту зовут так же, как

и его любимое занятие, — Софией. Любовь к Софии была для него практической философией, даже религией (фр. 77), а вступление в брак и брачная ночь воплощением философски искомой истины. Любовь к Софии Новалис ставил очень высоко и отождествлял со своей любимой наукой — Фило-Софией.

Несмотря на свою загруженность, Харденберг решает посвятить свободное время занятиям философией, прежде всего философией И. Г. Фихте. София и Фихте вошли в его жизнь фактически одновременно. В письме брату Эразму в ноябре 1795 г. он сообщает:

Примерно три часа в день я бываю свободен, и, следовательно, могу заниматься тем, чем считаю нужным. Благодаря этим часам будут по большей части выполнены настоятельно необходимые мне для всей моей будущей жизни вводные штудии, восполнены существенные пробелы в моих познаниях и освоены для развития моих умственных сил вообще упражнения.¹¹

Харденберг впервые познакомился с философией Фихте еще на лекциях Рейнгольда в Йене, но подробнее начал изучать ее только в 1795 г., после окончания основного курса обучения. Личное знакомство Харденберга и Фихте произошло летом 1795 г. у профессора Нитхаммера. Кстати, помимо Фихте в доме Нитхаммера был еще и Ф. Гёльдерлин. По-видимому, поэты не проявили большого интереса друг к другу, поскольку впоследствии ни разу не упомянули об этой встрече. Хотя даже при поверхностном сопоставлении их судеб обнаруживается много общего. Харденбергу оставалось жить всего шесть лет, Гёльдерлин через десять лет теряет рассудок. К этому моменту они еще не создали ничего значительного — это были «будущий» Гёльдерлин и «будущий» Новалис. Их творческий взлет был впереди — четырех-

¹¹ *Novalis. Schriften / Hrsg. von P. Kluckhohn. Bd. IV. Leipzig, 1928. S. 115—116.*

летие у Харденберга, с 1797 по 1801 г., у Гёльдерлина этот период примерно в два раза длиннее, однако пик приходится все же на последнее четырехлетие — с 1800 по 1804 г., когда им были созданы поздние гимны.

Иоганн Готтлиб Фихте был властителем дум романтического поколения, наставником братьев Шлегелей, Новалиса, Гёльдерлина, Шеллинга, Гейне. Он был не только создателем новой философской системы, но на своих лекциях демонстрировал живой процесс мышления. О значении Фихте для того поколения можно судить по известному фрагменту Фр. Шлегеля, который причисляет наукоучение Фихте наряду с романом Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» и Французской революцией к главным тенденциям современной эпохи.¹² При всем различии названные Шлегелем тенденции по-разному выражают одну идею — развитие. Если Французская революция представляет собой насильственный путь, то Гёте и Фихте — путь внутреннего развития. У Гёте главный герой развивается под воздействием жизненных обстоятельств, а у Фихте путь развития понимается как путь к своему трансцендентальному Я, осуществляемый благодаря спонтанной деятельности рефлексии.

В основе наукоучения Фихте лежит идея о бессознательном и сверхличном Я, которое полагает самоё себя в качестве субъекта и противопоставляет таковому мир объектов в целом (не-Я). Из этого основополагающего соотношения дедуцируются все остальные категории субъективного и объективного мира. Индивидуальное Я укоренено в бесконечном Я. Приближение к этому Я через осознание не-Я есть цель человеческого существования. Абсолютная цель никогда не может быть достигнута, к ней можно лишь приближаться, достигая промежуточных целей. Жизнь человека должна быть постоянным совершенствованием, преодолением

¹² Ср.: Шлегель Фр. Фрагменты // Эстетика. Философия. Критика. М., 1983. С. 300.

ем природного и грубого начала. Личное Я — тезис, то, с чего познание эмпирически начинается, не-Я — антитезис — это то, чем эмпирическое Я ограничено. В трансцендентальном Я они объединены как в синтезе.

Когда Фихте появился в Йене, ему было чуть больше тридцати. В 1794 г. он получил место профессора и к 1796 г. уже написал свои главные труды: «О понятии наукоучения», «Несколько лекций о назначении ученого», «Очерк специального наукоучения», «Основания естественного права согласно принципам наукоучения». Харденберга привлекали бесконечные возможности, которые философия Фихте открывала для развития внутреннего мира человека. То царство свободы, которое он видел осуществленным в Шиллере, Фихте обосновывал теоретически.

Харденберг рассматривает философские штудии как «вводные штудии ко всей будущей жизни» и верил, что, научившись философствовать в манере Фихте, «фихтизировать», как он однажды выразился, — сможет не только познать остальные науки, но и овладеть принципами организации практической деятельности вообще. Как и писательство, философствование понимается им скорее как средство: своего рода интеллектуальное упражнение, подготовка к более значительному — жизни среди людей.

В его рецепции философии Фихте можно выделить два периода. Первый период (1795—1797 гг.), еще во многом ученический, представляет собой т. н. «фихтеанские штудии» (Fichte-Studien) — около пятисот страниц заметок, конспектов, отдельных интерпретаций философии Фихте, из которых в настоящем издании приведена только малая часть. Если в первый период Новалис искал пути *сквозь* «страшный клубок абстракций», то во второй период — после 1797 г. — он покидает «заколдованный круг» фихтеанской системы, сохраняя тем не менее ее основные принципы, такие как деятельность, трехчастный метод мышления, самопознание, преодоление конечного Я в бесконечном.

Для того чтобы найти собственную философскую позицию, следовало сначала погрузиться в учение Фихте. Основные темы и терминология фихтеанских штудий восприняты у Фихте: тезис, антитезис, синтез, полагание, рефлексия, Я и не-Я, мир, реальное и идеальное, познание, простое бытие и проч. Эти понятия могут сменять друг друга в качестве исходного (ср. фр. 10, 12—15). Как бы ни называлась высшая и исходная сфера, она должна включать в себя мир эмпирического Я и мир объектов. Одним из таких понятий выступает понятие «парение» (Schweben):

Чтобы определить Я, его нужно с чем-то соотнести. Соотнести можно, только различив — положив некую абсолютную сферу экзистенции. Она-то и есть простое бытие или хаос (фр. 4).

Выше была бы только сфера между бытием и небытием — безмолвное парение (Schweben) между ними, здесь мы имеем *понятие жизни*.

В парении как высшем синтезе соединяются бытие и небытие, динамика и статика, покой и поиск, философия и философствование, серьезность и юмор. Обрести истину можно, воспарив не только над конечным, но и над бытием и небытием, простым бытием и хаосом. И можно добавить: над истиной и неистинной. Это понятие связывает истину и игру, бытие и иллюзию (Sein und Schein), поэзию и правду. Эта сфера есть одновременно сфера этики и свободы, каждое свободное действие человека есть приближение к высшей сфере, которая абсолютно может быть достигнута только в вечности (фр. 59, 60).

Другим автором, которого Новалис тогда усердно штудировал, был нидерландский философ-мистик Франц Гемстергейс (1721—1790), идеи которого стали известны в Германии благодаря И. Г. Гаману, И. Г. Гердеру и Ф. Якоби. Основным философским жанром, писавшего по-французски Гемстергейса, был диалог. Гемстергейс развивал идеи о материи как затвердевшем духе, моральном органе, с помощью которо-

го человек способен познавать невидимый мир, и Золотом веке — конечной и высшей точке человеческой истории. Моральный орган способен к развитию и развивается любовью, которая соединяет с трансцендентным бытием, а его языком является поэзия.

Можно предположить, что Фихте и Гемстергейс воплощают как бы две полярные тенденции философствования — логическую и поэтическую, которым предстоит объединиться у Новалиса. Но уже первые философские опыты Харденберга демонстрируют его склонность к поэтизации философской мысли.

Это проявляется, в частности, в отказе от систематической формы изложения и выведения категорий. Мысль Новалиса постоянно вращается вокруг фундаментальной проблемы — первоначала. Ведь начало всякого философского размышления есть результат интуитивного созерцания. Так думал и Фихте. Однако на этом интуитивном фундаменте Фихте возводит свою абстрактную систему. А что если пренебречь анализом, а оставить только интуицию, первый эскиз мысли, гениальное озарение? Не будет ли его онтологическая ценность выше, чем последующая дедукция? В упомянутом выше письме брату Фр. Шлегель говорит, что Харденберг умеет выражать философские идеи в гениальных формулах. В фихтеанских штудиях мы читаем:

Изложение философии должно быть простым перечнем тем, тезисов, антиномий, афоризмов — оно адресовано энергичным, влюбленным в истину людям, аналитический разбор — удел вялых и неопытных — они еще нуждаются в матери, которая научила бы их летать и не сбиваться с курса (фр. 74).

По мнению Харденберга, философу достаточно высказать только тезис, вдохновляющий слушателя к собственной умственной деятельности, которая будет служить антитезисом. Доказывать тезис самому — профанировать его. Тезис, с которым хочется полемизировать, инициирует диалог, позволяет

завязать умную беседу. Но если в классическом философском диалоге наличествуют два собеседника, то во фрагменте второй собеседник существует в возможности.

Помимо концентрированной краткости для ранних штудий Харденберга характерно и большее тематическое разнообразие, размывающее абстрактное одностороннее строение научно-философской системы. Уже в ранних фрагментах возникают специфические для Новалиса темы, которых у Фихте не было: любовь, смерть, жизнь, болезнь, искусство, язык.

Сущность поэзии, связь поэзии с философией, а также роль языка как медиума философской и поэтической мысли являются фундаментальными идеями раннего романтизма, на которых следует остановиться подробнее.

Идею поэзии можно считать квинтэссенцией романтической философии. Сущность поэзии они неустанно пытались выразить в понятии и создали для него множество значений, главным и, пожалуй, самым точным из которых является этимологическое: поэзия есть творчество.¹³ Так, в «Философии искусства» Фр. Шеллинг пишет:

Поэзия по преимуществу именуется поэзией, т. е. «созданием», потому что ее произведения предстают не как некое бытие, но как творчество.¹⁴

Поэтический дух наполняет всякое искусство:

Искусство — это материальная поэзия в звуке, краске и слове. Поэзия есть дух всех изящных искусств.¹⁵

Подражая Творцу, человек непрерывно творит, т. е. является, по сути, поэтом. Поскольку процесс творчества никог-

¹³ Pohlheim K. Der Poesiebegriff der deutschen Romantik. Paderborn, 1972.

¹⁴ Schelling Fr. W. Philosophie der Kunst. München, 1927. S. 282.

¹⁵ Kritische Fr. Schlegel-Ausgabe / Hrsg. von E. Behler. München, Paderborn, Wien, 1958 ff. S. 201.

да не может быть завершен, поэзия является прогрессивной. Процесс творчества, начинаясь в субъекте, может начинаться во всех сферах жизни и наполнять таковые. Поэтому поэзия является универсальным феноменом. Фр. Шлегель, определяя в 116-м фрагменте романтическую поэзию как прогрессивную и универсальную, говорит, что она смешивает не только разрозненные виды искусств, но все искусства, а также поэзию и философию, поэзию и жизнь. Так образуется творческий универсум, в котором действуют поэтические, а не механические законы. Человек больше не противопоставляется обществу и природе, а органически входит в эти сферы как в большую семью. Идеальное и реальное объединяются, поэзия, вобрав в себя философию, становится религией, связывающей человека с бесконечностью.

Приведем лишь несколько примеров из «Идей» Фр. Шлегеля:

Поэзия — язык религии и богов. Вот самое точное ее определение.

Узнать жреца можно только одним способом: он говорит поэзией.

Чистая поэзия пригодна только к одному — служению богам.

Кто религиозен, говорит поэзией. Поэзия религиознее, чем сама религия.¹⁶

Итак, поэзия есть высший язык, посредством которого человек связан с трансцендентным бытием. Следовательно, поэзия есть философия как языковой способ осознания бытия. Поэзия и философия должны объединиться:

Поэзия без философии становится пустой и поверхностной. Философия без поэзии бездейственна и вырождается в варварство.¹⁷

¹⁶ *Schlegel Fr. Kritische Schriften. München, 1964. S. 92.*

¹⁷ *Kritische Fr. Schlegel-Ausgabe. S. 10.*

Для обозначения синтеза поэзии и философии романтики создали новые понятия: трансцендентальная поэзия, поэтическая философия, логология, поэзия поэзии, критическая поэзия. Эти теоретические положения были воплощены в философии Ф. Ницше, снявшего противопоставление между поэтическим и философским познанием, а в XX веке у М. Хайдеггера с его антиномическим «диалогом между мышлением и поэзией» (*Zwiesgespräch zwischen Denken und Dichten*).

Язык для поэтического философа является медиумом мысли. В отличие от своего учителя Фихте Новалис придерживается мнения, что язык есть не пассивная и готовая форма, которая отражает уже созданную мысль, а активное и динамическое начало, соучаствующее в процессе мышления.

Эта гносеологическая установка подтверждается уже на психологическом уровне. Новалис мыслил через устную речь. В одном из последних писем он жалуется, что из-за болезни он не может говорить, а потому не может и мыслить. Философия была для него симфилософией. А. Юст вспоминает, что Новалис любил философствовать в кругу своих, а среди людей, чуждых ему по духу, он обычно отмалчивался или говорил на безразличные темы.

Итак, основной тезис философии языка Новалиса — единство между словом и мыслью — «симпатия между знаком и обозначаемым», — обозначаемое в традиции как логос. Данное единство было присуще языку изначально, потом было утрачено и должно быть обретено вновь. Язык проходит историю, которая состоит из трех эпох (прошлого, настоящего и будущего), в целом соответствующих диалектической триаде (тезис — антитезис — синтез). Эти эпохи именуются по-разному:

Инстинктивный язык — конвенциональный язык — инстинктивный, но образованный язык; механический — динамиче-

ский — органический язык; естественный — мимический — образный язык.¹⁸

Высшей формой во всех названных триадах является третья, объединяющая первые две (инстинктивную и конвенциональную, механическую и динамическую, естественную и мимическую), низшей формой — вторая, которая обычно ассоциируется с настоящим временем. Наше время — время упадка, забвения сущности языка:

Время, когда Дух Божий был понятен, миновало. Смысл мира утрачен. Мы ограничились буквой. Явление заслонило от нас само являющееся (фр. 71).¹⁹

Изначально язык был музыкальнее, а потом прозаизировался — обеззвучел. В наше время он больше напоминает шум и — звук, если унижать это прекрасное слово. Он снова должен стать песней (фр. 34).²⁰

В исходной точке истории — совершенный язык начала, от которого мы оторвались, в ее второй вершине — идеальный язык, к которому надлежит прийти. Мы (современные люди) находимся посередине и поэтому в поисках гармонии можем либо возвращаться назад — к истоку (как требовал Руссо), либо идти вперед (прогрессисты). Новалис предпочитает ходить «туда-сюда» (метод, который он назвал «Hin- und Her-Direktion») — возвращаться в прошлое, в исток языка, и конструировать будущее — то и другое поэтически.

О поиске изначального языка речь идет в повести «Ученики в Саисе»:

Люди идут многообразными путями. Кто ими проходит и сравнивает их, тот увидит, что возникают причудливые фигуры; фигуры эти, которые кажутся принадлежащими к той великой

¹⁸ Fauteck H. Die Sprachtheorie Friedrich von Hardenbergs (Novalis). Berlin, 1940.

¹⁹ Наст. изд. С. 169.

²⁰ Наст. изд. С. 212.

тайнописи, можно заметить повсюду: на крыльях птиц, на яичных скорлупах, в облаках, на снегу, в кристаллах и в каменных образованиях, на замерзающих водах, в недрах и на поверхности гор, растений, животных, людей, в сияниях неба, на соприкоснувшихся и потертых кругах смолы и стекла, в опилках вокруг магнита и в странных случайных соединениях. В них предчувствуют ключ к этому чудесному писанию, его грамматику, но предчувствие само не хочет принять стойких форм и, кажется, не хочет стать высшим ключом.²¹

В этом отрывке говорится о чудесной тайнописи природы, ее тайном языке, который может заметить каждый, но понять только посвященный — ученик в Саисе (поэт и философ), проводящий свои изыскания под началом Учителя. Ученики собирают отдельные фрагменты утраченного языка, пытаясь воссоздать его изначальный текст, через аналогии и сравнения фрагментов друг с другом подобрать ключ к его расшифровке. Эти природные фрагменты — внешне несходные, но говорящие об одной сущности — можно соотнести с романтическими фрагментами. Если обратиться к этимологии, то греческое слово логос и означает «собрание»:²² ученики собирают фрагменты в единый логос.

Другим путем является поэтическое создание нового логоса, которое осуществляется многообразно:

- Через создание произвольных этимологий. Этимология — это и есть поиск «истинного логоса», т. е. того слова, которое некогда выражало сущность вещи. Приведем пример. Новалис связывает слова: Gott — Gattung — Begattung. Эти слова взаимно истолковывают друг друга. Если Gattung — это «род», то Gott (Бог) — глава рода. Begattung — совокупление, но и «создание рода», а также обожение рода. Бог, стало быть, это то, что сей род наполняет и придает ему единство.

²¹ Новалис. Ученики в Саисе // Новалис. Генрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. СПб., 1995. С. 163.

²² Ср.: Heidegger M. Einführung in die Metaphysik. Tübingen. 1998. S. 95.

• Через создание грамматических метафор. Так, переходный глагол *beschlafen* (иметь половую связь) Новалис преобразует в возвратный глагол *sich beschlafen* (иметь половую связь с собой). Далее Новалис задает вопрос: *Ist der Schlaf eine Selbstbegattung?* (Не есть ли сон совокупление с собой?) Если мы соединим оба примера, то возникнет своеобразная «философия сна». Сон — это совокупление с собой, приобщение к сверхиндивидуальному роду и Богу.²³

• Через игру слов. Так, Новалис противопоставляет слова *Gegenstand* — *Zustand*.²⁴ Первое существительное обозначает в немецком языке «предмет, объект», второе имеет значения «обстоятельство, состояние». Новалис использует слово *Zustand* для обозначения субъекта, связывая с помощью корневого повтора субъект и объект, которые становятся формами одной общей для них сущности. Словесная игра становится для него методом философии.²⁵ В «Монолог» говорится: «Всякий настоящий разговор — игра слов и только».²⁶ Новалис вслед за Кантом и Шиллером канонизирует игру как сферу свободы и творчества. Сущность языка открывается в игре.

• Через сопоставление разнородных явлений на основе произвольно постулируемого единства их функции или сущности. Вот два примера из одного фрагмента «Всеобщего черновика»:

Химия есть вещественное искусство (одноголосие), механика — динамическое искусство (двухголосие). Физика (синтез). Союз химии и механики (гармония). Искусство жизни ...

²³ Вероятно, слово *Gattung*, как и *Gatte*, происходит от *gut* «тесно связывать», а *Gott* связывается в двумя индогерманскими корнями: 1) *ghau «призывать (в заклинании)»; 2) *gheu «возливать (жертвовать)» (*Duden Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Bd. 7. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 3. Auflage. S. 250*).

²⁴ *Novalis. Op. cit. S. 339.*

²⁵ Ср.: Фр. Шлегель: «Изначальная форма поэзии — игра слов» (цит. по: *Pohlheim K. Der Poesiebegriff der deutschen Romantik. S. 98*).

²⁶ *Novalis. Op. cit. S. 430.*

Числовые ряды — поверхности — тела — ряды тел — поверхности тел — тела тел и т. д. (фр. 6).

• Через построение метафор, в основе которых сопоставление явлений живой и неживой природы, приписывание неживому свойств живого организма и, наоборот, возведение живого к иерархически организованному явлению неживой природы. Еще два примера из этого же цикла:

...4 вида огня: 1. Такой огонь, чьи экскременты аоргической природы. 2. Экскременты — растения 3. Экскременты — животные. 4. Экскременты — люди. Чем огонь возвышеннее — чем искусственное, тем сложнее выделяемые экскременты (фр. 8).

В следующем примере имеет место построение уточняющих цепочек, отражающих процесс рефлексии, внутри которых соплагаются логически гетерогенные понятия. Если сравнить крайние элементы цепочки (пожирание — генерация), то они, будучи языковыми антонимами, контекстуально образуют обратное явление — синонимию. Так возникает логический парадокс, языковой реализацией которого является метафора.

Всякое пожирание — это процесс ассимиляции — соединения — генерации (фр. 8).

Другой важной проблемой философии языка Новалиса является соотношение языка и человека. Если для рационалистов язык есть инструмент, которым пользуется человек для выражения мысли, то для Новалиса — фактически наоборот: инструментом является человек, а язык им пользуется. Об этом речь идет в «Монолог», небольшом тексте 1798 г.

Сущность языка в том, что он, как говорит Новалис, «озабочен самим собой».²⁷ Это означает, что язык в сущности своей не прагматичен, т. е. не служит выражению некой внешней цели. Люди полагают, что они говорят «ради вещей», —

²⁷ *Novalis*. Op. cit. S. 430.

это заблуждение. Настоящее говорение совершается ради самого говорения. Значение этой идеи для будущей поэтики и поэзии трудно переоценить. Достаточно назвать идею абсолютной поэзии Ст. Малларме, футуристическую заумь, теорию функциональной поэтики, выделяющей поэтическую функцию языка, и знаменитое хайдеггеровское «Die Sprache spricht» («язык язычит»). Слово в поэзии создает новый языковой мир, существующий по особым законам, которые не подчиняются законам внешнего по отношению к тексту мира.

Ярким примером такой «герметической» поэзии можно считать сказку Клингзора из романа «Генрих фон Офтердинген». Текст ее как бы отделяется от автора и от реального мира Аугсбурга, в котором завершается действие первой части романа, и развивается по своим внутренним законам. Эта сказка, хотя ее слушают многие, обращена к одному человеку — Генриху фон Офтердингену и представляет собой как бы ритуал поэтической инициации, в которой главному герою в аллегорической форме возвещается его будущая жизнь, составляется пророчество о спасении мира через поэзию.

Такой язык выше и больше говорящего. Собственно говоря, писатель есть «человек, вдохновленный языком».²⁸ Новалис, таким образом, фактически возвращается к учению И. Г. Гамана о божественном происхождении языка. Человек, умеющий ощущать «нежное воздействие»²⁹ языка, является, по Новалису, пророком. Пророчество, т. е. возвещение божественных истин, является подлинным назначением языка. Это справедливо и для искусства: «Художник принадлежит творению, а не творение — художнику».³⁰ Художник, по мысли Новалиса, владеет творением, пока не завершил

²⁸ Ibid. S. 431.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. S. 308.

его. После завершения, когда творение отделилось от своего творца, тот становится таким же его читателем, слушателем и зрителем, как все. Итак, язык — это откровение; человек — не говорящий, а слушающий. В этой связи показателен большой фрагмент 1798 г.:

В нас существуют поэтические произведения, по-видимому, совершенно отличные от прочих, — нас не покидает чувство, что они необходимы, хотя никакой внешней причины для их существования нет. Человеку чудится, будто он беседует с неизвестным духовным существом, которое удивительным образом побуждает его развивать самые ясные мысли. Это существо, безусловно, высшее, ибо вступает с ним в отношения такого рода, в какие ни одно существо из мира явлений вступить не способно; безусловно, родственное, так как относится к нему, как к духовному существу и побуждает к невиданной самодеятельности. Это высшее Я соотносится с человеком так, как человек с природой или мудрец — с ребенком. Человек мечтает уподобиться ему так, как он уподобляет себе не-Я.

Объяснить этот факт невозможно. Каждый должен пережить его лично. Это факт высшего порядка, встретиться с которым может только высший человек. Однако все должны стремиться к такой встрече. Возникающая таким образом наука является высшим наукоучением.³¹

В этом фрагменте Новалис соединяет свою философию откровения с терминологическим аппаратом Фихте. Высшая поэзия, которая спонтанно появляется в нашем сознании, как некое откровение свыше, приписывается Новалисом действию некоего высшего Я, которое соотносится с эмпирическим Я, как мудрец с ребенком. Высшее Я — источник духовности и морали. Оно является высшим Я, так как вступает с Я в такие отношения, «в какие ни одно существо из мира явлений вступить не способно», и в то же время ему родственное. Отношение между высшим Я и эмпирическим Я соответствует отношению между Я и не-Я — так создается

³¹ Ibid. S. 323.

иерархия бытия. Переживание опыта общения с Я — личный, по сути, мистический акт. Соотношение высшего и эмпирического Я Новалис называет «высшим наукоучением». При этом имплицитно подразумевается, что есть и «низшее наукоучение», которое описывает отношение Я и не-Я.

Главная задача общения Я и не-Я — по-видимому, образование и воспитание до общения с высшим Я. Важно, что Новалис, следуя традиции европейской философии логоса, осмысляет процесс философствования как диалог, который высшее Я ведет с эмпирическим. Это диалог-откровение, в котором активным и деятельным началом выступает высшее Я, выражается поэтически.

Одной из главных форм поэтической философии стал романтический фрагмент. По мысли Шлегеля, главного теоретика фрагмента, бесконечное может проявиться в конечном не целостно, а только фрагментарно. Целостности в явлении быть не может. Если нечто выступает как целое — это иллюзия. Настоящая целостность присуща только универсуму как таковому. Поэтому фрагментарность как форму, более точно отражающую реальное положение дел, а потому и более философскую, романтики канонизировали и предпочли внешне законченной системе. Не только проявление бесконечного в конечном, но и способ постижения бесконечного конечным человеческим разумом также фрагментарен. Фрагмент есть выражение живого процесса мышления, мышления в его становлении.

В теории фрагмента присутствует также историческая мифологема. Фрагмент есть форма *современного* мышления. Современный человек мыслит фрагментарно. Так, Фр. Шлегель писал в 24-м фрагменте, опубликованном в журнале «Атенеум»: «Творения древних стали фрагментами. Творения современных фрагментарны уже при создании».³²

³² Schlegel Fr. Kritische und theoretische Schriften. Stuttgart, 1994. S. 79.

Непосредственными предшественниками романтиков в этом жанре считаются афоризмы француза С. Шамфора «Максимы и мысли, характеры и анекдоты», которые появились на немецком языке в 1797 г. Они так понравились Фр. Шлегелю, что свои собственные ранние фрагменты он назвал «критической шамфортадой». Среди немецких писателей главным «фрагментаристом» для Шлегеля был Г. Э. Лессинг, все лучшее в его творчестве Шлегель в своей статье «О Лессинге» считал цепочкой фрагментов, «без дедукций и демонстраций».³³ Говоря о предыстории романтического фрагмента, следует упомянуть и возникшие в то время «Заметки смешанного содержания» Г. К. Лихтенберга, которые, правда, непосредственно на романтиков не повлияли, так как были напечатаны только в начале XIX века.³⁴

По своей жанровой форме фрагмент близок к афоризму (греч. *aphorismein* — отделять). В древности афоризмами называли сборники разнообразных высказываний, поучений, выраженных в несистематической форме, по большей части интеллектуального и философского характера. Однако в отличие от афоризма, выступающего в большей степени в качестве вспомогательного философского жанра, фрагмент претендовал на философскую автономность и самодостаточность.

Если исходить из того, что проза есть нерасчлененный, тяготеющий к растянутым, объемным формам жанр художественной речи, а стих, наоборот, тяготеет к краткости, то фрагмент окажется пограничной формой между этими двумя системами, соединяя в себе черты обеих: главной формальной характеристикой этой формы являются краткость, концентрированность, имплицитность и лаконичность (афористичность), что влечет за собой другие характеристики фрагмента: обилие парадоксов, игру слов, образность и т. д.

³³ Шлегель Фр. Указ. соч. С. 266.

³⁴ *Pikulik L. Frühromantik. Epoche Werk Wirkung. 2 Auflage. München. S. 123—129.*

В поверхностной структуре текста это проявляется в обилии разноуровневых повторов, параллелизмов, антитез, словотворчестве, метафорике — иными словами, во всех тех чертах, которые присущи краткой стихотворной речи.

Другой особенностью фрагментов является объединение в циклы. В связи с этим возникает противоречие: с одной стороны, каждый фрагмент — это самостоятельный текст, а с другой, фрагмент — часть целого. При этом как самостоятельный текст фрагмент самодостаточен, а как сборник фрагментов (целое) всегда незавершен логически и открыт для дальнейшего развития. Этим объясняется сложность и многообразность связей, в которые вступает единичный фрагмент внутри целого: фрагмент может интерпретироваться как изолированно, так и внутри цикла, вступая в разнообразные отношения не только с непосредственно окружающими, но и со остальными фрагментами цикла, создавая открытые контексты как внутри цикла, так и вне его: можно анализировать фрагменты, принадлежащие разным циклам и даже разным философам, что естественно сочетается с романтическим принципом симфилософии.

При всей общности главные представители романтизма — Фр. Шлегель и Новалис — понимали сущность фрагмента все-таки по-разному. Для Шлегеля фрагмент является в большей степени завершенным и самодостаточным текстом, близким к небольшому по объему афоризму. В 206-м атенейском фрагменте он пишет:

Фрагмент подобно художественной миниатюре должен быть полностью обособлен от внешнего мира и завершен в самом себе, как ёж.³⁵

Новалис с помощью фрагмента хочет побудить читателя к симфилософии и собственному размышлению (*Text zum Selbstdenken*). Фрагмент является семенем (ср. эпиграф

³⁵ *Schlegel Fr. Op. cit. 1994. S. 105.*

к «Цветочной пыли»), которое, попадая в душу читателя, зачинает его собственный творческий процесс. Речь, конечно, идет об авторской интенции, о том, каким Новалис хотел видеть фрагмент, а не о реализации в каждом конкретном случае. Одни фрагменты Новалиса формально ближе к афоризмам, другие, наоборот, напоминают философские эссе и даже небольшие трактаты. Но в целом они направлены на читателя, который «должен стать продолжением автора» (см. фр. 125 «Цветочной пыли»).

В 1797 г. от туберкулеза в возрасте пятнадцати лет умерла София Кюн, смерть которой Харденберг мучительно переживал. Принято считать, что ее смерть стала рождением мистического поэта-философа Новалиса, ибо именно тогда он впервые выступил под этим именем, опубликовав цикл фрагментов «Цветочная пыльца».

Первоначальная редакция цикла имела название «Смешанные фрагменты» (они переведены в настоящем издании). Он был опубликован в журнале «Атенеум» в 1798 г. Редактором цикла выступил Фр. Шлегель, который, следуя принципу симфилософии, добавил к фрагментам Новалиса свои собственные, а также фрагменты Фр. Шлейермахера. В «Цветочной пыли» ощущается влияние тем Фихте о трансцендентальном Я, Ф. В. Шеллинга, с которым Новалис познакомился в декабре 1797 г. в Лейпциге, а также И. В. Гёте. В целом этот цикл имеет совершенно иной характер, чем предыдущие философские опыты.

Он состоит из ста двадцати пяти фрагментов. Основными его темами являются теория познания, словесное творчество, сущность общества, религия, политика, история, литературная критика и поэтическое государство. Последний фрагмент посвящен взаимодействию автора и читателя.

Несмотря на политематическую структуру, основной проблемой цикла можно считать главную романтическую тему — соотношение конечного и бесконечного — философскую интерпретацию сущности религии.

Главная тема выражена образно в названии самого цикла, поэтически — в его эпиграфе, афористически — в первом фрагменте. Следует помнить, что цветок для Новалиса — один из центральных образов, символизирующих как одушевленную природу, душу мира (голубой цветок из романа «Генрих фон Офтердинген»), так и дух человеческий («Цветок — символ тайны нашего духа»)³⁶ Образ цветка так сроднился с Новалисом, что его друг Л. Тик как-то сравнил его самого с цветочным ароматом, который обволакивает все предметы.³⁷ Примечательно, однако, что Новалис озаглавил свой цикл не «Цветы», а «Цветочная пыльца». Акцент здесь сделан не на целом, которое присутствует скорее имплицитно, отрицательно, а на частях, образующих целое, которое само по себе глазу невидимо. Отдельные пылинки — это фрагменты, наполняющие соцветие.

Число фрагментов-пылинок, хотя формально и ограничено рамками цикла, по сути, бесконечно, ибо читатель, размышляя над фрагментами, может сам создавать новые. Мысль о том, что пыльца должна служить созданию новых мыслей, фрагментов, поэтических и философских текстов, высказана и в эпиграфе.

Друзья! Земля бедна, бросим в нее обильное
Семя, дабы взошли хоть скромные всходы.

Семена, попадая в бедную почву, всходят и приносят духовные плоды. Эта ассоциация идеи с органическим миром проходит сквозь все творчество Новалиса. Среди фрагментов 1797—1798 гг. мы читаем: «Все есть хлебное зерно» (фр. 46).

Если в названии и эпиграфе, фрагменты обозначались образно, то первый фрагмент продолжает эту тему с помощью игры слов.

³⁶ Новалис. Указ. соч. С. 145.

³⁷ Dilthey W. Op. cit. S. 206.

Мы ищем во всем безусловное (das Unbedingte), а находим лишь обусловленности (Dinge) (фр. 1).

Этот фрагмент построен на игре однокоренных слов: das Unbedingte — Dinge. Языковое значение слова Ding — вещь, однако в данном контексте оно является антонимом das Unbedingte (безусловное) и обозначает «то, что обусловлено», «обусловленность».³⁸ Мы ищем безусловное, а находим обусловленности — единичные вещи. Это значит, что наше познание не достигает сущности вещей, а теряется в них. В то же время корневой повтор указывает и на обратное: обусловленности все-таки причастны безусловному. Более того, если рассматривать это высказывание в контексте символического мировоззрения романтизма, то всякая обусловленность, т. е. конечная вещь, окажется, наоборот, формой проявления безусловного, его символом. Если же под вещами-обусловленностями понимать отдельные фрагменты цикла, то тогда все они будут относиться к безусловному и выражать его на свой лад. Вещь — это символ, но и жизнь человека — это тоже символ, вернее, она должна им быть.

Жизнь истинно канонического человека должна быть насквозь символической (фр. 21).

Выразить безусловное — это показать внутренний смысл явления, проникнуть в его глубину. Проникновение в сущность вещей, преобразование таковых («романтизация», о которой речь пойдет ниже) — романтическая альтернатива политической революции, которая бушевала во Франции и угрожала Европе. Бунт и политический террор являются, по Новалису, выражением самого грубого эгоизма, алчности и филистерства. Революция проведена мещанами, позарившимися на чужие богатства (фр. 76). Политической

³⁸ Здесь следует, конечно, вспомнить и о кантовской «вещи в себе» (Ding an sich), хотя в данном фрагменте Новалис употребляет это слово в противоположном значении.

революции противостоит духовное образование, «овладение трансцендентальным Я» (фр. 28). Открытие внутреннего мира, своей собственной Вселенной, делает человека свободным и духовно богатым, а политический переворот излишним. Об этом говорит часто цитируемый фрагмент:

...Мы грезим о путешествиях во Вселенной — не в нас ли Вселенная? Глубины нашего духа нам неведомы — внутри ведет таинственный путь. В нас или нигде сокрыта вечность с ее мирами — прошлое и будущее. Внешний мир — это мир теней, он бросает свою тень на царство света... (фр. 17).

Только познав свой внутренний мир, человек может осветить своим внутренним светом «царство тени» — внешний мир и исполнить миссию по его обустройству (фр. 32). Нужна не политическая революция, а духовная. Революция такого рода совершится в Германии. Миссия по одухотворению мира возложена на немцев:

Немцы есть везде. Германский дух не ограничивается каким-нибудь одним государством, как и романский, эллинский или британский, — речь идет об общечеловеческих типах, которые в каком-то определенном месте просто возобладали над остальными и сделали всеобщими. Немецкость есть подлинная популярность, а потому — идеал (фр. 66).

Все элементы внутреннего мира, «факты сознания», при внешнем различии внутренне едины, так как являются единой личностью. По принципу личности должен быть организован и мир общественный:

... Общество есть не что иное, как *общая жизнь* — Неделимая мыслящая и чувствующая личность. Каждый человек — это общество в миниатюре (фр. 42).

Народ — это идея. Мы должны стать народом. Совершенный человек — это маленький народ. Истинная популярность является высшей целью человека (фр. 47).

Человек, познавший сам себя и достигший внутренней гармонии, является гением. Гений творит субъективный гармонический мир и придает ему статус объективного (фр. 22). Если воплощением нравственного гения для Новалиса был Шиллер, но воплощением гения поэтического — Гёте, которого он называет «истинным наместником поэтического духа на земле» (фр. 118).

Второй опубликованный цикл фрагментов называется «Вера и любовь, или Король и королева». Он был написан весной 1798 г. в связи с коронацией нового прусского монарха, молодого короля Фридриха Вильгельма Третьего. На него, а также его супругу, королеву Луизу (герцогиню фон Мекленбург и Штрелиц) в обществе возлагались большие надежды. При прежнем короле Фридрихе Вильгельме Втором (сыне Фридриха Великого) в стране расцвели коррупция, чиновничий произвол и фаворитизм. Требовались реформы, которых ждали от нового короля. На эти события Новалис откликнулся своим новым циклом, который, по замыслу автора, должен был состоять из трех частей: стихотворного собрания «Цветы», основной части — фрагментов «Вера и любовь», а также «Политических афоризмов».

В начале мая 1798 г. Новалис выслал Фр. Шлегелю новый цикл фрагментов с пожеланием их скорейшего опубликования. Поскольку по жанру и направлению данный цикл не совсем соответствовал формату журнала «Атенеум», Новалис попросил своего друга подыскать подходящее издание. Им стал монархический ежегодник, задачей которого была популяризация новой государственной власти и проводимой ею политики. Стихи и фрагменты были опубликованы, а политические афоризмы цензуру не прошли. Чего стоит, к примеру, такое высказывание: «Монархия заканчивается там, где король и интеллект государства больше не одно и то же» (фр. 28). Действительно, понимая фрагменты буквально, возникает впечатление, что Новалис требует невозможного: «Быть всестороннее образованным, осведомленным, эруди-

рованным и непредвзятым, короче, совершенным человеком и по возможности всегда оставаться таковым — вот главная забота короля» (фр. 38). Подобные высказывания напугали цензуру, «Политические афоризмы» были запрещены и напечатаны только в 1846 г. В целом же цикл было принят благосклонно. Особенно восторгался Фр. Шлегель, который говорил, что немного так почитает, как «Веру и любовь».

Новалис начиная с юношеских лет размышлял об идеальном государственном устройстве, политике как взаимосвязи индивида и общества, монархии и народа.

В ранних фрагментах под влиянием Гемстергейса он развивает идеи о Золотом веке как политической и нравственной утопии. В «Цветочной пыли» эти темы были продолжены. Мысли о короле как идеальном человеке перекликаются с «Цветочной пылью» (фр. 47).

Но если раньше политика, монархия и государственное управление находились на периферии его интересов, то теперь они выдвигаются вперед. Правда, принцип мышления о них остается прежним — внутренний и внешний мир должны взаимно совершенствовать друг друга. При этом внутреннее совершенствование первично — политика должна иметь нравственный источник. Соединимы ли такие полярные явления, как монархия и республика, народ и государство, свобода и закон, любовь и порядок, власть и нравственность? Но именно на сосуществовании антиномий и строилась философия синтеза Новалиса.

Особенный смысл эти вопросы приобрели для него после смерти Софии Кюн. Любовь к Софии Новалис считал мистической основой своего мирозерцания. Когда в «Вере и любви» он говорит: «Моя возлюбленная есть аббревиатура универсума, универсум — элонгатура возлюбленной» (фр. 4), то, формально обращаясь к королеве от лица короля, он одновременно обращается и к Софии. Мистической основой Пруссии является королевская чета, вокруг которой должно возникнуть гармоничное государство.

О мистическом государстве и говорить следует на мистическом языке — на «языке тропов и загадок», т. е. поэтически (фр. 1). Новалис широко использует поэтические средства изображения — аллегории, перифразы, символы, сравнения:

Золото и серебро — это кровь государства. Скопление крови в сердце и голове свидетельствует об их слабости. Чем сильнее сердце, тем энергичнее и щедрее оно разгоняет кровь на периферию тела. Когда каждый член насыщен теплом и жизнью, стремительно и мощно течет кровь обратно в сердце (фр. 10).

Тропы и загадки не столько шифруют его идеи, сколько расшифровывают и толкуют их. Тайным и парадоксальным здесь выступает само учение. Его таинственность и парадоксальность в том, что политика и практика для Новалиса в сущности своей — мистическое действо. Преодоление разобщенности индивидов, превращение государства в одну семью и даже одну личность есть таинство.

«Всякая настоящая тайна сама по себе исключает профанов» — говорится во втором фрагменте. И можно было бы добавить — притягивает посвященных. К таким посвященным и обращалась политическая проповедь Новалиса. Она искала отзывчивого читателя, который искренно желает понять. «Кто ...понимает, тот по праву может считаться посвященным». Ведь с позиций здравого рассудка политические идеи Новалиса кажутся абсолютно утопическими. «Без веры и любви это читать нельзя», — писал Новалис Фр. Шлегелю.

Принцип познания: «Что любишь, найдешь везде, и повсюду увидишь подобие. Чем больше любовь, тем шире и многообразнее этот подобный мир...» (фр. 4).

Политическая философия Новалиса, конечно, утопична, особенно если учесть, что все это высказывалось в эпоху революций, насилия и войн. Но именно утопичность в данном случае есть подчеркнутая, специально выделенная духовность. Утопия — это не нечто заведомо несбыточное, не-

осуществимое и потому выдающее индульгенцию на спокойную совесть. Наоборот, утопия является высшим, т. е. поэтическим бытием, реализация которого является главной задачей человека. Эту мысль Новалис сформулировал так: «Поэзия — это абсолютная реальность. Здесь ядро моей философии. Чем поэтичнее, тем истиннее». Мысли о политическом устройстве выражают этот принцип наиболее рельефно.

Земное политическое устройство, если оно претендует на нравственность и разумность, должно отражать небесное. Монархия является *естественной* формой земного правления, ибо сам мир зиждется на единоначалии: миром управляет Бог, государством — король. Параллелизм имеет место и в сравнении физического и политического мира. В центре природного мира — солнце, политического — король (фр. 17).

Как Бог превыше мира, так и король — превыше государства. Он не является ни высшим чиновником, ни даже гражданином, но идеальным человеком, символом мистического суверена — Бога. Поэтому идея монархии, говорит Новалис, основана «на добровольном признании существования человека высшего по рождению» (фр. 18). Заостряя эту мысль, можно сказать, что королевская чета не нуждается и в народе — она обладает совершенством и без него. А вот народ без короля прожить не сможет, как не сможет прожить тело без души: «Король и королева защитят монархию лучше, чем двухсоттысячная армия» (фр. 34).

Поскольку признание высшего человека является добровольным, идея монархии не противоречит свободе человека, более того, делает человека свободным, подобно тому, как признание трансцендентального Я как нравственного и теоретического ориентира делает свободным эмпирическое Я, ибо открывает для него возможность совершенствоваться:

Когда-то все люди будут достойны трона. Средством воспитания для этой далекой цели является король. Король постепенно сделает своих подданных такими, как он. Каждый человек — по-

томок древнейшего рода королей. Но совсем немногие несут печать своего происхождения (фр. 18).

Если одним полюсом государственного устройства является король, то другим — королева. Любовь и взаимоуважение короля и королевы — основа нравственной государственной жизни, которая прочнее, чем конституция:

...Настоящая королевская чета является для человека в целом тем, чем конституция для рассудка. Конституция интересна только как буква. Если знак — не прекрасный образ или музыка, то преданность знаку — извращение. Что есть закон, как не волеизъявление любимой и почитаемой личности? Не нуждается ли мистический суверен, как любая идея, в символе, а какой символ достойнее и точнее милого и превосходного человека? (фр. 15).

Королевская чета подобна источнику света: каждый человек, попадая под его лучи, становится нравственнее и благороднее. Поэтому самая возвышенная часть общества — королевский двор, откуда свет нисходит на все общество. Следовательно, королевский двор является образцом для любого дома (фр. 30). Королевская семья, двор и государство для Новалиса гомогенные явления, образующие иерархию:

В наше время произошли настоящие чудеса таинства причастия. Не пресуществляется ли двор в семью, трон — в святыню, королевский брак — в вечный союз сердец? (фр. 40).

Таким образом, политическая жизнь совершенствуется как снизу вверх, так и сверху вниз: подданные стремятся возвыситься до короля и королевы (фр. 31), а королевская чета дарит свою любовь и красоту подданным. Поэтому между монархией и республикой нет противоречия:

Придет время (и довольно скоро), когда все поймут, что ни король не может существовать без республики, ни республика без короля, что они настолько нераздельны, как душа и тело, и что король без республики и республика без короля — пустые слова. Поэтому вместе с настоящей республикой всегда появлялся

король, вместе с настоящим королем — республика. Настоящий король станет республикой, настоящая республика — королем (фр. 22).

Революции происходят не из-за монархического строя как такового, а только тогда, когда монарх перестает исполнять свою функцию. Тогда в государстве начинается кризис, выражением которого становится революция. Примечательно, что Новалис не отвергает революцию в принципе. Революция есть симптом болезни и одновременно кризис, инициирующий новое развитие.

Следующий раздел содержит фрагменты, созданные в промежутки с конца 1797 г. до середины 1798 г. Отсылая Фр. Шлегелю предыдущий цикл, Новалис упоминает о некоем «запасе» фрагментов, которые возникли параллельно с политическими. К ним относятся так называемые «логологические» фрагменты и «поэтицизмы». Сюда следует прибавить группу фрагментов, которые Новалис создал в июле 1798 г., находясь на курорте в Теплице, так называемые «Теплицкие фрагменты». Новалис обозначил «центральные монады» своих размышлений так: женщины, христианская религия и обычная жизнь. Как и в «Цветочной пыльце», он обращается к Гёте, к его естественнонаучной деятельности, называя его «самым удивительным физиком нашего времени». Параллельно он работает над естественнонаучными фрагментами и фрагментами «Всеобщего черновика».

В этот период у Новалиса скрещиваются разные жанры: поэтицизмы, фрагменты и головоломки, фрагмент «Об интуитивном или непосредственном познании», «Заметки о повседневной жизни» и т. д., а также, например, обширное рассуждение о романе как форме философской поэзии.

По сравнению с первыми циклами на первый план среди неопубликованных фрагментов выдвигается тема поэзии. Как говорилось выше, это понятие у романтиков было весьма многозначным. Как и прочие романтики, Новалис употреб-

ляет его не только в прямом значении (фр. 10, 45, 49), но и в философском. Он говорит о поэзии как гениальном творчестве (фр. 20), как искусстве «рождать» (фр. 11), как «совершенной форме наук» (фр. 4) и «основе общества» (фр. 12), как о «цели и смысле философии» (фр. 7) и как «трансцендентальной поэзии», в которой поэзия и философия смешаны (фр. 18). С одной стороны, поэзия связывает индивидуальное и всеобщее, являясь религией в абстрактном смысле, с другой — религия древних была не чем иным, как «практической поэзией» (фр. 24).

Религиозный смысл древней поэзии утрачен, и восстановить его призвана новая поэзия, которую Новалис и Фр. Шлегель называли романтической. Именно в этих фрагментах Новалис впервые пользуется термином *романтический*, который связан, с одной стороны, с жанром романа, а с другой стороны, с особым принципом отношения к миру:

Мир должен быть романтизирован. Только так исконный смысл будет обретен вновь. Романтизация есть не что иное, как качественное потенцирование. Низшая самость отождествляется в данной операции с высшей. Ибо мы сами являемся качественным рядом потенциалов. Эта операция еще совершенно неизвестна. Придавая низкому высокий смысл, обыденному таинственный облик, известному достоинство неизвестного, конечному сияние бесконечного, я их романтизирую — обратная операция для высокого, неизвестного, мистического, бесконечного: посредством соединения с противоположным они логарифмируются, получают обыденное выражение. Романтическая философия. *Lingua romana*. Чередование возвышения и снижения (фр. 37).

Этот фрагмент возник почти одновременно с упомянутым выше 116-м фрагментом Фр. Шлегеля, с которым он перекликается. И для Новалиса романтизация как способ познания (он использует математические термины) состоит в соединении противоположностей: высокого и низкого, мистического и обыденного, конечного и бесконечного. Всякая

данность, чтобы претендовать на полноту, должна быть дополнена своей противоположностью.

Поэзию, претендующую на познание, Новалис (как и Шлегель) называл трансцендентальной (фр. 18) или логологией (фр. 14):

Поэзия — героиня философии. Философия возводит поэзию в первопринцип. Она раскрывает значение поэзии. Философия является теорией поэзии. Она показывает, что такое поэзия, что она есть одно и все (фр. 66).

Если философское созерцание предполагает усмотрение своего объекта, то поэзия творит свой объект. Философия поэтому есть теория в изначальном смысле, в то время как поэзия есть изначальная практика. Но можно ли сделать само познание поэтическим, т. е. активно-творческим (фр. 63)? Можно ли сообщить органам чувств, воспринимающим внешний мир, активный характер мысли, о деятельной природе которой учил Фихте? Иными словами, возможно ли активное созерцание, активное чувство, активное ощущение? Новалис полагал, что искусством максимальной реализации воли (фр. 62) можно самому сконструировать себе новую систему чувств, придать ощущению активный характер, фактически создать себе новое тело. Новалис многообразно варьирует эту тему:

Самоощущение — как и саморефлексия — активное ощущение. Орган ощущения, как и орган мысли, можно подчинить своей власти (фр. 82).

Что есть тело, как не средоточие всех чувств — подчинив себе чувства, мы сможем произвольно обращать их в действия — концентрировать, и поэтому мы сами будем решать — какое тело взять (фр. 59).

Завершением теории деятельного применения органов является метод магического идеализма. Уже первый фрагмент (Каждое слово — заклинание. Какой дух зовет — такой отзывается.) вводит тему магии, которая развивается

в обширном фрагменте «О сверхчувственном или непосредственном познании».

Размышления по поводу поэтизации эмпирического знания, философии как высшей форме науки и магическом идеализме продолжены во «Всеобщем черновике» («Das Allgemeine Brouillon»), который представляет собой собрание фрагментов, заметок, наблюдений, афористических записей и просто разнородных мыслей (всего 1153), созданное Новалисом во время обучения в Горной академии во Фрейберге с сентября 1798 г. по март 1799 г.

После обучения в академии Новалис готовился занять должность в Департаменте соляной промышленности. Он хотел не только освоить геологию и минералогию, но и связать естественные науки со своими философскими штудиями. Его наставником был выдающийся геолог А. Г. Вернер (1750—1817) — создатель естественно-исторической школы минералогии, светлый образ которого запечатлен в романе «Генрих фон Офтердинген» (рудокоп) и повести «Ученики в Саисе» (Учитель).

Фрагменты, вошедшие во «Всеобщий черновик», имеют для Новалиса второстепенное и одновременно основное значение. Они являются побочным продуктом естественнонаучных штудий, которые Новалис вел в Горной академии. Но их можно считать и основными, ибо само изучение геологии для Новалиса было средством общего научного и образовательного проекта — *энциклопедистики* (Enzyklopädistik), научной книги, которую он планировал создать, с одной стороны, по аналогии с энциклопедией просветителей, а с другой стороны, в противовес ей. Энциклопедистика была призвана не разъединять общее знание на отдельные науки, а соединять их. Еще в «Цветочной пыльце» Новалис говорил, что «Глубинное сообщество всех знаний — научная республика — есть высокая цель ученого» (фр. 84).

Если энциклопедисты создали книгу о реальной и позитивной науке, то Новалис говорит о науке *будущего*. Каждая

конечная наука должна в идеале произвести из себя бесконечную, высшую науку и представляет собой, следовательно, фрагмент искомой высшей науки.

Опыт Новалиса нельзя считать чем-то абсолютно новым. Он следует здесь за Фихте («Наукоучение»), а внутри естественных наук — за физиком Й. В. Риттером («Доказательство, что постоянный гальанизм сопровождает жизненные процессы в животном мире», 1798), Ф. В. Шеллингом («О мировой душе», 1798) и, конечно, за естественнонаучными изысканиями И. В. Гёте.

Энциклопедический проект Новалис называет «научной Библией» (szientifische Bibel), в которой принципы науки должны потенцироваться: соединяясь с верой, мифом, магией, дивинацией и поэзией, достигать более высокой степени реальности. Не случайно, что он реабилитирует старинные науки, объявленные идеологией Просвещения ложными: теософию, космологию, метафизику, и старается показать, при каких условиях они могут стать возможными.

Новалис стремится к новой картине мира, построенной на целостном мировосприятии, в которой принципы науки сочетались бы с принципами искусства, субъективное видение вещей не противоречило бы их объективному познанию. Проект Новалиса можно рассматривать в русле идей создания универсальной поэтико-научной картины мира, которую Фр. Шлегель в «Разговоре о поэзии» называет *новой мифологией*.³⁹

Новая мифология развивалась в различных философских системах идеализма и романтизма. К ним можно причислить и субъективный идеализм Фихте, и трансцендентальный идеализм Шеллинга, и логический идеализм Гегеля, и религиозный идеализм Шлейермахера. Новая мифология Новалиса получила название «магический идеализм», суть которого в теоретическом, практическом и эстетическом

³⁹ Schlegel Fr. Op. cit. 1994. S. 171—189.

синтезе реального и идеального, снятии различия между мыслью и вещью (ср. фр. 49, 63, 94, 97). Наиболее эксплицитным выражением сути магического идеализма можно считать следующий фрагмент:

Метафизика. Если вы не можете сделать мысли воспринимаемыми опосредованно (и случайно), то сделайте внешние вещи воспринимаемыми непосредственно (и произвольно), это ведь то же самое, как если бы вы, не умея сделать мысли внешними вещами, сделали их мыслями. Если вы не можете сделать мысль самостоятельной, вне вас существующей и уже потому чужой — т. е. внешней по отношению к душе вещью, то проделайте с внешними вещами обратное — превратите их в мысли. Обе операции идеалистичны. Усвоивший их в совершенстве — *магический идеалист*. Не зависит ли свободное владение одной из них от другой? (...) (фр. 49).

Идеализм толкует вещи как отображения идей. Идеи для него суть прообразы вещей, они онтологически первичны по отношению к ним и являются основой их бытия. Идеалистическое мировоззрение основывается на принципе монизма. Дуализм восприятия мира связан со слабостью наших органов чувств и неразвитостью нашей воли.

Что первичнее вещь или идея? Ведь можно сказать, что мысль — это внутренняя вещь, а вещь — внешняя мысль. Но-валиса, однако, интересует не столько первичность, сколько сама возможность *перехода* из одного онтоса присутствия в другой — из внешнего во внутренний и обратно, их функциональная зависимость друг от друга.⁴⁰ На этом акцентируется внимание. Этот процесс Новалис называет «превращением», которое есть магическая операция. Такая операция подразумевает определенного *делателя* — магического идеалиста, который овладел способностью превращать мысли

⁴⁰ О близости идеи синтетических суждений априори, математическом понятии функции и романтической теории поэзии см.: *Hamburger K. Novalis und die Mathematik // Hamburger K. Philosophie der Dichter*. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1966. S. 11–82.

в вещи, а вещи в мысли. Если философ называет себя магическим идеалистом, то его философия и есть, собственно говоря, способность превращать одно в другое. В одном из фрагментов 1797—98 гг. Новалис предлагает иерархию философских учений. На одном полюсе располагается «трансцендентный эмпиризм», в котором мысль «есть действие внешнего мира и фатума». Философа, который придерживается такого учения, он называет пассивным. На другом полюсе располагается магический идеализм, в котором мыслитель наиболее свободен. Он свободен не только в воображении, рефлексии, но и в чувстве и сам конструирует свой мир (фр. 79).

Основным эвристическим методом магического идеализма является *аналогия*. Аналогия есть принцип мышления потому, что сам мир устроен аналогически, т. е. зиждется на внутреннем единстве внешне несхожих явлений. Аналогическое мышление только раскрывает единство универсума, скрытое для рационального сознания. Но вместе с тем аналогия для Новалиса — магическая, т. е. в широком значении *поэтическая* (творческая) операция. («Zauberstab der Analogie» — «волшебная палочка аналогии», как сказано в эссе «Христианство или Европа»).

Аналогия становится основой формулирования проектов новых экспериментальных наук: трансцендентальная физика, трансцендентальная поэтика, химическая и механическая психология, практическая физика, магическая химия, механика и физика, механика химии и химия механики, патологическая логика, патологическая философия, музыкальная математика, музыкальная физика, грамматическая композиция, физиологическая стилистика, поэтическая философия, философия акциза, духовная педагогика и др. Все они являются синтетическими науками, в которых дух и природа, реальное и идеальное образуют единство. Поэтому будет правильным рассматривать их в качестве аналогических частных вариаций магического идеализма.

Сказанное предопределяет принципы построения «Всеобщего черновика»: они основаны на предположении общего единства и аналогической общности его частей. Текстовыми механизмами реализации аналогических отношений выступают *метафора* и *метонимия*. Каждая из названных наук, представляя собой частную форму магического идеализма, может толковаться как его *метонимия*, т. е. целое, выраженное через часть. С другой стороны, каждая из этих наук, будучи рассмотрена изолированно, является сама по себе *метафорой*, ибо в ее названии происходит соединение в одну номинацию двух параллельных областей человеческого знания, часто логически несвязанных или даже противоречивых (например: патологическая философия, музыкальная математика). Если текст рассматривать как взаимодействие вертикальной (выразительной, т. е. идущей от смысла к выражающему его слову) оси и оси горизонтальной, эти слова комбинирующей, то метонимия и метафора образуют два полюса организации смыслового пространства фрагментов.

Итак, каждый фрагмент есть метонимия по отношению к целому и развернутая метафора внутри себя. Сам текст фрагмента, объясняющий смысл метафорически обозначенной науки, представляет собой в таком случае *толкование* исходной метафоры. Каков характер (метод) такого толкования? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к примерам:

2. Энциклопедистика. Трансцендентальная физика является *первой, но простейшей наукой* — как Наукоучение... Она толкует о природе, пока та еще не стала природой, пребывая в таком состоянии, в котором *смещение и движение* (вещество и сила) еще едины. Ее предметом является хаос. Превращение хаоса в гармоничные небо и землю. / Понятие неба. Теория истинного неба — внутреннего универсума. / Небо есть душа звездной системы, а она — его тело.

3. Энциклопедистика. Трансцендентальная поэтика учит о духе, который еще не стал духом. В химической и механической психологии происходит непрерывное уничтожение мнимых

индивидуальностей. В трансцендентальной поэтике есть только Один общий грубый индивид. В практической поэтике речь идет об образованных индивидах — или об Одном бесконечно образованном индивиде.

В приведенных примерах Новалис формулирует названия новых наук — «трансцендентальная физика» и «трансцендентальная поэтика». Понятие трансцендентальный, существовавшее в философии издавна, было заново осмыслено в критической философии, которая связывала его с субъективностью и понимала под ним такое мышление, которое предшествует эмпирическому и задает его формы. Новалис отчасти переосмысляет этот термин, применяя его к эмпирической науке, отчасти в духе Канта задается вопросом: как возможна физика? Каковы условия ее бытия как эмпирической науки? Ответом на этот вопрос является создание трансцендентальной физики. Для объяснения ее сути Новалис прибегает к парадоксам. Предметом трансцендентальной физики должна стать природа *до* природы, т. е. такая природа, в которой противоположности (в данном случае смешение и движение, вещество и сила), на которых зиждется изучаемый физикой космос, образуют единство. Аналогия с Наукоучением в том, что философия Фихте рассматривает процесс становления Я, *полагает* Я, т. е. в известном смысле говорит о Я *до* Я. Это перводанное единство космоса Новалис называет *хаосом*. Физике космоса должна предшествовать физика хаоса.

Чтобы увидеть внешнее в истинном свете, нужно сначала понять внутреннее и наоборот. Получается, что для объяснения одной метафоры Новалис прибегает к построению *новых метафор* (внутренний универсум, теория истинного неба и др.), завершая рассуждения новым метафорическим парадоксом: «Небо есть душа звездной системы, а она — его тело».

Подобное по методу толкование имеет место в третьем фрагменте. Трансцендентальная поэтика есть учение не о по-

эзии в узком смысле как словесном искусстве, а учение об индивидуе, который еще не стал таковым, т. е. пребывает в самой общей своей форме, т. е. в состоянии продуктивного (поэтического в этимологическом смысле слова) хаоса. Навстречу трансцендентальной поэтике движутся механическая и химическая психология, которые разоблачают несуществование мнимых индивидуальностей (мещан), тем самым как бы уничтожая индивидуальность таковых. Мнимым индивидуальностям противопоставлена образованная индивидуальность, существование которой является, однако, предметом уже другой науки — практической поэтики.

Следует также отметить еще одну существенную, на наш взгляд, черту поэтической философии Новалиса — априоризм. Сначала Новалис формулирует название науки, затем обосновывает ее *предмет*, т. е. движение происходит от номинации к предмету, от слова к вещи. Метафоры, толкующие друг друга, могут выстраиваться и в перечислительный ряд:

Изучение машин создает механика — и приучает дух к хитроумным изобретениям и конструкциям. (Силы обратно пропорциональны их скоростям.) Математика сил есть механика. Математика образов — геометрия. Математика света — оптика. Математика уха — генерал-бас. Математика зрения — перспектива. Если математика хочет стать искусством отыскания и выведения одних данных и фактов из других данных и фактов, смежных с ними, — общий анализ и синтез... Все науки должны стать математикой. Прежняя математика была только первым и самым легким выражением откровения истинно научного духа (фр. 2).

Перед нами ряд, который перечисляет различные виды математики, начиная с реально существующих в науке и заканчивая теми, которые реально еще не существуют, но априори должны существовать, ибо математика, по Новалису, есть не просто случайно возникшая наука, а объективированный рассудок. Если признать это, то некоторые способности, которые никогда с математикой не связывались,

окажутся формами ее существования. Сегодня они кажутся случайными фрагментами, но если возникнет понимание всеобщего характера математики, то они окажутся ее параллельными разделами, формирующими математику как систему.

Если вернуться к тому, что выше говорилось о новой мифологии, то «Всеобщий черновик» можно рассматривать как еще одну попытку ее создания. Метафоро-метонимические фрагменты, которое отражают аналогическое мышление магического идеализма, представляют собой «собрание» частей этого нового мифа, герменевтику его тайного языка. Таким образом, герменевтика метафор, обозначающих науки, и есть создание нового мифа.

Последняя предлагаемая в настоящем издании группа фрагментов относится к периоду 1799—1800 гг. В мае 1799 г. Новалис вернулся из Фрейберга в родной Вейсенфельс, где занял место асессора при соляном ведомстве, возглавляемом его отцом. Погрузившись в служебные обязанности, он только 18 июня сделал новую запись в своей тетради.

До начала смертельной болезни, до конца лета 1800 г., он, продолжая служить, успеет написать «Духовные песни», «Гимны к ночи», такие значительные стихотворения, как «Песнь мертвых» и «Астралис», роман «Генрих фон Офтердинген», а также многочисленные фрагменты. Основные темы этих фрагментов — поэзия, естествознание, математика, соотношение наук — типичные для Новаписа. К ним прибавляются темы религии (под влиянием «Речей о религии» Шлейермахера), медицины, болезни, смерти, также присутствовавшие у него ранее, но здесь проявившиеся с новой силой. Следуя интенции «Всеобщего черновика», он строит все новые аналогии между областью духа и материи.

В период создания «Генриха фон Офтердингена» он опять возвращается к вопросам поэтики, поэтического языка, теории романа (фр. 124—151). Особенно интересны последние фрагменты (152—203), которые принято считать духовным

завещанием Новалиса. Их тематика — Бог, теодицея, грех, болезнь, возвышение духа над слабостью плоти в отдельном индивидуе — аналогия победы духа над материей в космическом масштабе.

Хотя острая фаза туберкулеза наступила только в конце лета 1800 г., Новалис, по-видимому, чувствовал себя нездоровым раньше — в его записях все чаще звучат темы болезни и смерти. Идея «Цветочной пыльцы» (фр. 11, 15), что смерть сулит преодоление конечного существования и прорыв в новую жизнь, продолжена и здесь. Жизнь и смерть рассматриваются как два момента одной сущности, противостоящие друг другу, как плюс и минус, тезис и антитезис. Смерть понимается как «романтический принцип жизни» (фр. 30). Если вспомнить о том, что романтизация есть потенцирование, т. е. возвышение предмета, то смерть есть форма возвышения жизни, «преодоление жизни» (фр. 50). Эта идея получает свое углубленное толкование, когда Новалис говорит о болезни.

Смерть входит в жизнь посредством болезни. Новалисовская философия болезни имеет по крайней мере два аспекта — физиологически-натурфилософский и этико-религиозный. Будучи последователем физиологической теории шотландского ученого Т. Брауна, Новалис связывает болезни с понятием возбудимости, под которой он понимает способность органического существа реагировать на воздействие внешней среды. Соразмерная внешнему воздействию возбудимость соответствует здоровью, недостаток возбудимости (астения) и переизбыток (стения) ведут к болезни (фр. 160). Иными словами, болезнь возникает либо когда индивид не находит в себе сил для сопротивления внешней среде (Браун считал, что большинство болезней связано с астенией), либо когда силы организма, не находя сопротивления во внешней среде, обращаются против самих себя (фр. 159). Эта теория стала весьма популярной в Европе, особенно среди натурфилософов, ибо, во-первых, сводила причину всех заболеваний к одному источнику, а во-вторых, рассматривала организм не

как абстрактную сумму органов, но в каждом органе видело индивидуальное начало, по-своему реагирующее на внешнее воздействие.⁴¹

Новалиса занимает вопрос о происхождении раздражимости, который он объясняет из способности души к ассоциациям. Явление раздражимости указывает, по его мнению, на то, что все тела (включая человеческое) представляют собой звенья одной цепи. Появление дополнительного звена вызывает изменения во всем целом (фр. 117, 119).

Болезнь, однако, имеет не только физиологическое, но и этико-религиозное толкование, хотя отчасти и еретическое. Болезнь прерывает здоровую, благополучную и в целом беспечную жизнь. Она вносит в жизнь проблему, страдание, а потому рефлексию и философию. По большому счету здоровые люди не нуждаются ни в рефлексии, ни в философии. Отсутствие рефлексии означает отсутствие индивидуальности. Болезнь индивидуализирует человека (фр. 175). У каждого человека своя болезнь, разнообразие болезней свидетельствует о разнообразии личностей. С одной стороны, болезнь есть следствие немощи человека, но, с другой — свидетельствует о том, что он — духовное существо:

...Бренность, дряхлость — свойство природы, связанной с духом. Оно свидетельствует о деятельности и универсальности, о возвышенной индивидуальности духа (фр. 161).

Отпавший от Бога человек подвержен болезни. Болезнь есть следствие греха. Но болезнь — это и «плата» за свободу, которой располагает человек. Физические страдания, которые испытывает больной человек, очищают и возвышают его, в то время как нестрадающий коснеет в грехе. Болезнь — это физиологическая форма трансцендирования, негативное предвосхищение более высокой стадии развития. Переход на

⁴¹ См.: Шульц Г. Новалис, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Томск, 1998. С. 245—248.

последующую ступень сопровождается кризисом, в котором отмирает старое и зарождается новое. Такой кризис представляется в форме болезни:

Система морали должна стать системой природы. Все болезни подобны греху в том, что они трансцендентны. Все наши болезни являются феноменами повышенной чувствительности, которая хочет перейти в высшие силы. Пожелав стать Богом, человек согрешил. Болезни растений — анимализации, болезни животных — рационализации, болезни камней — вегетации (фр. 165).

Новалис был, пожалуй, первым немецким философом, кто попытался философски осмыслить болезнь и сделать ее началом познания:

Болезни, несомненно, составляют *важнейший предмет человечества*, ибо болезней бесчисленное множество, и каждому человеку так много приходится бороться с ними. Искусством использовать болезни мы в совершенстве еще не овладели. Очевидно, они — интереснейший стимул и материал для размышления и деятельности. Здесь можно собрать богатый урожай — особенно, как мне кажется, на интеллектуальной ниве — в области морали, религии и, Бог знает, в какой чудесной области еще. А что если пророком этого искусства суждено стать мне?

Болезнь отличает человека от животных и растений — человек рожден для страдания. Чем он беспомощнее, тем восприимчивее к морали и религии (фр. 170).

И далее:

Болезни, особенно хронические, — это годы, отпущенные на то, чтобы научиться жить и воспитать душу. Их нужно использовать, проводя ежедневные наблюдения. Не требует ли жизнь от образованного человека постоянно учиться? Образованный человек живет всецело ради будущего. Его жизнь — это борьба; наука и искусство хранят его и направляют к цели.

Чем больше человек научается жить не мгновеньями, а годами и т. д., тем благороднее он становится. Когда торопливая суета, мелочная возня сменяются большой, спокойной, простой и обширной деятельностью, приходит великое терпение. Религия

и нравственность — оплот нашего бытия — торжествуют все больше.

Угнетение природы есть воспоминание о высшей родине и высшей природе, более родственной нам (фр. 190).

В конце лета 1800 г. у Новалиса появились первые симптомы болезни, но он продолжал работать и вышел в отставку только в конце осени. Новалис скончался в Вейсенфельсе от скоротечной чахотки 25 марта 1801 г. и был похоронен на городском кладбище. До последнего дня он не падал духом и мужественно противостоял своему смертельному недугу. Спустя 120 лет в статье «О немецкой республике» Т. Манн, писавший в эти годы роман о познании жизни через болезнь «Волшебная гора», так истолкует «биологически-моральный» пафос противостояния:

Новалис произнес глубокое, биологически-моральное слово, нагруженное знанием радости и нравственности, свободы и формы. Послушаем: «Стремление наших элементов направлено на дезоксидацию. Жизнь есть принудительная оксидация». Здесь смерть постигнута как восхитительная загадка и как обольщение, порыв наших элементов к свободе, бесформенности и к хаосу, жизнь же — как синоним долга. Не это ли повело мечтавшего о брачной ночи чахоточного юношу к его идеям о государстве и прекрасном обществе?⁴²

⁴² Цит. по: Шульц Г. Указ. соч. С. 276—277.

ФРАГМЕНТЫ И ШТУДИИ ДО 1797 ГОДА

<ФРАГМЕНТ>

1. Кроток и величав ход минувших эпох, священный покров скрывает его от непосвященных, но тот, чью душу судьба сотворила из родниковой струи, созерцает божественную красоту в магическом зеркале.

<ФИХТЕАНСКИЕ ШТУДИИ>

<Избранное>

2. Принцип «а есть а»¹ содержит не что иное, как полагание, различие и соединение. Это философский параллелизм. Чтобы прояснить а, делится А. *Есть* постулируется как общее содержание, а — определенная форма. Сущность тождества можно выразить только с помощью *многого принципа*. Мы отказываемся от тождественности, чтобы ее изобразить, либо мнимо — фантазия убеждает нас поверить, что *происходит* то, что уже есть, разумеется, посредством воображаемого разделения и объединения, — либо через небытие — нетождественное — знак — нечто определенное вместо подобного определяющего — это подобное определяющее должно совершенно непосредственно определять сообщенный знак

теми же движениями, что и я, — свободно, но так же, как и я. Гений и вкус. Вкус — творчество, опосредованное представлением продуктивного действия знака, намерения или чувства, а гений — творчество непосредственное, представление *моей* причинной связи, такое же непосредственное, как и я. Там — один только вкус, здесь — гениальный вкус.

В принципе «если А есть, то есть А» содержится то же самое — добавление разъясняется категорией отношения. Применение вышесказанного к принципу: «Я есмь я». Грамматически он содержит тройное *idem*.²

В принципе «Я есмь Я» содержанием является простое понятие Я.

Что такое Я? (Абсолютная тетическая способность.) Сфера Я заключает для нас все. Будучи содержательным, Я может познавать содержание. Познание указывает на бытие в форме Я. Будучи основанием любого определения для Я или любой формы, оно становится основанием и своего собственного определения или формы. Короче: оно есть самостоятельное определение содержания — так оно само себя определило.

Спонтанность его определения — оно, например, предполагает А, так как предполагает а.

Почему первое действие является свободным — потому что никакое иное ему не предшествует — оно есть, так как есть оно, а не иное. Следовательно, определение Я в качестве Я свободно. (Несвободное действие может быть несвободным только из-за другого действия и так далее. Тождество.)

Поскольку Я вполне определено, оно может познавать всеобщее содержание только в себе. Если оно полагает всеобщее содержание вне себя, то должно в него верить. Знанием, как определением, оно быть не может, ибо в противном случае такое знание должно было бы содержаться в нем. Я верю в то, что не знаю, но чувствую (Я чувствует себя само, как содержание). (...)

3. (...) Сознание — это сфера знания. В чувстве знание присутствует косвенно. (...)

Сознание — бытие вне бытия в бытии. Но что это такое? Внебытийность не может быть настоящим бытием. Ненастоящее бытие вне бытия — это образ, следовательно, внебытийность — образ бытия в бытии. Сознание есть образ бытия в бытии. Более точное объяснение образа. (Знак.) Теория знака. (Теория изображения или небытия в бытии, позволяющая бытию *некоторым способом быть в наличии.*)

Теория пространства и времени по отношению к образу.

4. Если всеобщее содержание заключено только в Я, то почему бы определенное бытие не противопоставить только-бытию? Вера заставляет сделать такое мнимое противопоставление, которое производится нашей тетической способностью. (Таким образом, мышление и чувство меняются ролями субъекта и объекта.)

Простое бытие неизменяемо, невыразимо в понятии — ему ничего нельзя противопоставить, кроме небытия в буквальном смысле. Но ведь это просто связующий крючок, который навешивается для проформы, иллюзия. Вроде горсти темноты.³

Чтобы определить Я, его нужно с чем-то соотнести. Соотнести можно, только различив — положив некую абсолютную сферу экзистенции. Она-то и есть простое бытие или хаос.

Выше была бы только сфера между бытием и небытием — безмолвное парение между ними, здесь мы имеем *понятие* жизни. Что есть жизнь? — человек умирает — вещество остается — средний член, если можно так выразиться, между веществом и уничтожением исчезает — вещество лишается определений — подходит любое возможное.

Здесь философия завершается и не может не завершиться — ведь суть жизни в том, что понять ее невозможно. Философия направлена только на *бытие*. Человек чувствует

границу, которая заключает для него все, даже его самого, *первое действие*; в нее он верит, тогда как все остальное знает. Следовательно, здесь мы еще не трансцендентны, но пребываем в Я и для Я.

Чтобы понять самое себя, Я должно представить иное, себе подобное существо, как бы анатомировать себя. Это другое, ему подобное существо, есть не что иное, как само Я. Действие растождествления и респективного творения осознается только в данной мыслительной процедуре — Я обнаруживает: оно устроено так, что этой рефлексии никакое иное действие предшествовать не может. (...)

Все последующие тезисы, синтезы и антитезисы включают содержание тезиса и форму первого синтеза и антитезиса. Следовательно, бытие характерно для тезиса, разделение и соотнесение — для антитезиса и синтеза.

5. Что мы понимаем под Я? Не поступает ли Фихте слишком произвольно, вкладывая все в Я? По какому праву? Может ли Я положить себя как Я без другого Я или не-Я? (Какова противоположность Я и не-Я?)

6. Я обладает иероглифической силой.

7. Действие, полагающее Я в качестве Я, связано с антитезисом независимого не-Я и соотносится с некой сферой, объемлющей их обоих, — эту сферу можно назвать Богом или Я.

8. Как абсолютное Я становится эмпирическим? Стремиться быть Я — это стремиться мыслить и чувствовать. (...) Чувственное Я есть материя, рефлексивное Я — форма. Оба Я чувствуют свою неполноту. Чувство движется от безграничности, коей оно, не ведая о том, является, к ограниченности, принимаемой им за безграничность, т. е. от материи к материи — от обусловленного к обуславливающему — ста-

ло быть, чувство обманывает и само обманывается. Обман есть следствие ему самому неведомой зависимости от Я, как обусловленного и обуславливающего. Рефлексия точно так же обретает форму, двигаясь от мнимо зависимого, т. е. формы, на самом деле независимой, к мнимо независимому, на самом деле зависимому, к своей форме или форме определенной материи, от праформы к относительной форме, от формы к форме, — она возводит свое частное отношение к абсолютному Я, наоборот к Я — так поступает и чувство, таким образом, образуются два относительных Я — чувственное и интеллектуальное. Абсолютное Я движется от бесконечного к конечному, относительное Я — от конечного к бесконечному.

Но как абсолютное Я входит в конечное, добровольно становясь относительным?

Абсолютное Я одновременно едино и разделено.

Будучи разделено, оно обладает эмпирическим сознанием — короче говоря, является относительным Я. И все-таки разделенное Я объединяется, ибо стремится быть Я.

Я разделяется, чтобы стать Я — только стремление стать Я соединяет его — безусловный идеал чистого Я является главной характеристикой Я —

Но разделенное Я разделяется по законам деления — по законам чистого Я. Если чистого Я нет, то нет и законов — следовательно, чистое Я есть всегда. Оно есть единство во всеединстве формы и делимости материи.

Мы суть Я — следовательно, тождественны и разделены — следовательно, относительны и абсолютны. Относительное Я — это просто разделенное Я.

Чистое Я делимо, поскольку едино, и едино, поскольку делимо.

В этом и состоит знаменитое противоборство в Я, которое присуще уже абсолютному перводействию. Оно характеризует относительное Я и является его необходимым заблуждением — Я не хочет быть относительным и оттого

борется против самого себя. Противоборство является таковым только в относительном Я и потому никогда не бывает изначальным, следует учитывать обратный порядок относительного Я — истинная причина противоречия кроется в нем.

9. Абсолютное Я можно также называть абсолютно синтетическим Я. Это синтез Я, и хотя он не является таковым в подлинном смысле, но все же должен именоваться так по сравнению с аналитическим Я, ибо всякий анализ, будучи анализом, противоположен синтезу.

Данный синтез — абсолютная, безграничная сфера; все прочие синтезы — относительные сферы, т. е. сфера и граница одновременно. Она содержит возможность границы как таковой в аналитическом Я. Аналитическое Я наполняет синтетическое Я. Последнее — это сфера аналитического Я — его альфа и омега. Синтетическое Я есть необходимая, аналитическое — возможная и действительная субстанция — первая соотносится со второй, вторая — с самой собой. (...)

Аналитическое Я имеет основание в Я и возникает, когда полагает себя само путем противопоставления. Оно полагает себя для себя, полагая образ того, что его обосновывает, и таким образом воспроизводит основывающее его действие.

(Аналитическое Я есть всеединство в делимости. Дедукция многих эмпирических Я.)

10. Бог есть Я. (Бесконечность — всеединство в делимости.) Он целиком и полностью тождественен с бесконечной личностью. Аналитическое Я — это конечная личность.

Исповедовать Бога в Духе и Истине⁴ — теоретическое бесконечное стремление к Богу — практическое стремление к Богу. В первом случае — продолженность вообще, во втором — личная продолженность, она одна есть единство во времени — идеал, моральность, высшее благо. Мораль подразделяется на религию и этику. Дихотомическое деление

вообще. (Одночлен. Простой постулат). Бог сотворил нас по Своему образу и подобию.⁵ (Синтетическое Я — простой относительный постулат.)

11. Человечество зеленеет и цветет, вянет и почиет в одно и то же время.

12.		Бог	
	Я.	Природа.	Природа.
	Природа	Личность	Я.
	Я.		Природа.

О перестановках в этой таблице. Как применить к ней тезис, антитезис, синтез?

13. Какие-либо перестановки в первом постулате просто исключены — он выше любых перестановок. (Бог — абсолютный тезис, антитезис и синтез — насколько эта сфера значима.)

Природа — тоже тезис, антитезис и синтез, но по отношению ко всем трем относительный, синтез здесь — медиум, граница.

Я — это тоже синтез, но иной. Все исчерпывается двумя данными отношениями — они непосредственны и безусловны. Природа как синтез обусловлена лишь Безусловным (Богом) или абсолютно относительна, как антитезис — личностью, т. е. обусловлена лишь абсолютно относительным, как тезис она обусловлена и Богом, и Я.

Если мы называем антитезис формой, то природа обусловлена только в отношении формы опосредованно. (Всякое вещество есть природа, всякая форма — индивидуальность.)

В качестве антитезиса личность обусловлена только Богом, в качестве тезиса — только природой, в качестве синтеза — и тем, и другим. (Отличие возникает из формы — антитезиса — личности.)

14. Спиноза возвысился до природы, Фихте — до Я или личности, я — до тезиса о Боге.

15. Бог есть сфера всякого анализа и синтеза — теоретически и практически необходимое понятие. Последнее есть чувство, первое — идея. (Родство необходимых чувств и идей.)

16. (...) Бог есть абсолютное аналитическое звено — или он содержит самое существенное от тезиса, антитезиса и синтеза, их неделимый дух. Он троичен, а не единичен — но в изложении тезис стоит вначале, а антитезис за ним следует. Отец, Дух и Сын. Сын — чистая личность. Иисус.

(Дух — синтез — созидательная сила, зачинщик природы.) (С этим теперь уже ничего не поделаешь.) Триединный Бог, Бог Спинозы, личный Бог.

17. Бог — тезис и синтез одновременно. Природа — анти-тезис. Природа и человек составляют антитезис. Природа достигает совершенного богоподобия, однако через противоположность. Она полностью соответствует Ему, но в перевернутом виде. Она есть образ художника о себе самом.

18. Быть совершенным человеком, личностью — таково назначение и изначальное стремление человека.

19. Любое созерцание есть материя представления, но не в качестве созерцания. Оно является ею не само по себе — они самотождественны и потому строго различаются. Какая между ними связь? В каком случае созерцание можно назвать материей представления? Должны существовать опосредующие способности, которые благодаря тождеству с обеими обладают некоторыми их свойствами. Созерцание — представление.

(Материя. Форма. Бытие. Кажимость. Целое, часть. Определенность. Определимость. Активность — пассивность. Реаль-

ность. Идеальность. Утверждение. Отрицание.) Сила воображения есть связующий средний член — синтез — сила чередования.

Сила чередования.

Сила есть чередование — чередование есть сила.

20. Сила проявляется только в продукте. Что есть наука? Это совокупность понятий об Одном предмете, которые упорядочены в соответствии с некой идеей. Различие материи и материала представлений. 1. Теория созерцания. 2. Теория представления. Какая реальность содержится в языке? Отношение языка к созерцанию, интеллектуальной силе и фантазии. Письменный — устный — ментальный язык. Язык — материальная и формальная кажимость — знак и образ. В знаке превалирует понятие, в образе — созерцание, языковой или понятийный образ. (Свобода означает состояние кружащей силы воображения.) (Закон должен быть продуктом свободы.) Мы всегда мыслим и созерцаем только продукт. Всякое движение происходит благодаря силе воображения. Все определенное является продуктом. (...)

21. Язык — сочетание особенного чувственного материала мысли с чувственным знаком. Знак — это гипотетическое созерцание, обусловленное представлением.

22. (...) Каков умный образ *природы*, выражаемый языком? Не будет ли всякая философия в таком случае *односторонней*? У всякой действительности есть свои до и после — две ее возможности. После — возможно, до — было возможно. В ней же они сосуществуют. Самодеятельность — философствования без гениальности не бывает.

23. Из чего состоит теория? Из всеобщего и особенного, а также их чередования. Философия должна содержать всеобщее — она идет от особенного к всеобщему. Другие нау-

ки — от всеобщего к особенному. Всякая наука может двигаться снизу вверх и сверху вниз — синтетически и аналитически.

Всякая философия как наука может идти двумя путями. Фихте шел аналитическим путем согласно синтетическому принципу. Я иду синтетическим и аналитическим путем одновременно, оглядываясь вперед и назад. Мне нужно только чище разработать синтетические категории, чтобы вернее и точнее разделять любое общее понятие — выражения, имена я черпаю из анализа, из эмпирии.

24. Способность мыслить всеобщее — философская способность. Способность мыслить особенное — поэтическая. Всеобщее — это то, что положено абсолютно, особенное — то, что положено относительно. Иными словами, первое — это сфера, в которой нечто полагается, второе — сфера, которая полагается в первой. Там — положенность, здесь — полагание. (Бытие выражает отношение целого к части и части к целому.) Тотальность и партикулярность противостоят друг другу.

* * *

25. В своих изысканиях Шиллер⁶ исходит из неподвижной точки и потому не может получить никакого иного соотношения, кроме меры, из которой он исходил в своих определениях. Его идея морали и т. д.

26. Чувство относится к мышлению так, как бытие к изображению.

27. Рисунок у Шиллера чересчур *резок*, чтобы быть истинным для глаза, как у Альбрехта Дюрера, а не как у Тициана, чересчур идеален, чтобы быть естественным в высшем смысле.

28. Полагать — дериват от прыгать. Великолепная многозначительность — транзиторность: от одной противоположности к другой — из крайности в крайность. Это видно и в выражении «полагать себя» — переходить от движения к покою.

29. Косность языка благотворна — сильный покоряет язык, а слабый покоряется, в языке сила проявляется явственнее и прекраснее, бессилие — очевиднее, царство красоты — чище, благороднее, целокупнее.

30. Пока существуют храбрецы и трусы, аристократия не исчезнет. (Апология родовой аристократии, через сравнение.)

31. Долг по отношению к людям — внимательность — любовь — уступчивость. Но их *болтовня* тебя не касается.

32. Присутствие духа — даже в безнадежнейших ситуациях, например у Софии.

33. Насколько философия может стать общезначимой и действенной для всех?

34. Не допускай, чтобы средства заслонили цель, чистый характер человечества — скромное, разумное и гуманное поведение.

35. Влечение — инстинкт. (Человек может стать всем, что он мыслит или определяет как цель.)

36. Где человек полагает свою реальность, что он *фиксирует*, там его Бог, мир, вселенная. Условность моральных догм. (Любовь.) Наши педантичные принципы. Что нравится — что не нравится, притягивает — отталкивает — реальность человеческой фантазии и воли. Свобода определять судьбу

самостоятельно и т. д. В других людях меня должно интересовать даже неприятное.

37. Не порицай ничего человеческого. Все хорошо, только не везде, только не всегда и только не для всех. Так и с критикой. Например, оценивая стихи, следует остерегаться чрезмерного порицания, за исключением разве что грубых художественных промахов, ибо диссонанс присутствует в любом соединении. Каждому стихотворению следует указывать его сферу как можно точнее, такой критики вполне достаточно, чтобы отрезвить любого автора. Стихи ведь можно судить только в соответствии с той позицией, на которую они претендуют: широкую или узкую, удаленную или близкую, мрачную или светлую, светлую или темную, возвышенную или вульгарную.

Так, Шиллер пишет для немногих, а Гёте — для многих. Сегодня мало кто печется о том, чтобы дать наставление читателю, как ему читать стихотворение и при каких условиях оно может понравиться. Всякое стихотворение по-разному воспринимается разными читателями в разных обстоятельствах — у него свое окружение, свой мир, свой Бог.

38. Нужно уметь начинать и завершать по собственной воле или раздобыть такую волю. Воля всегда разумна и сильна. Сможешь только тогда, когда захочешь. Слабоволен или вовсе безволен тот, кто неразумен, но действует — если эта книга умна и хороша, то читать ему ее не следует.

39. Государство, как индивид, тоже личность. Человек для себя то, что государство для людей. Пока люди разные, разными будут и государства. Сущность государства, как и сущность человека, всегда остается прежней.

40. Господство права исчезнет вместе с варварством.⁷

41. План, смысл и создание таких художественных произведений, как роман, комедия и тому подобное. Готтер, Тюммель и Виланд представляются мне настоящими пишущими поэтами — поэтами для чтения, а Клопшток — поэтом для декламации и музыки.⁸

42. Поэзия является для человека тем, чем для греческой драмы был хор, — образом действия прекрасной, ритмической души — голосом, сопровождающим воспитание нашей самости, — прогулкой по царству красоты — прикосновением перста гуманности — свободным правилом, в каждом слове торжествующим над грубой природой, ее шутка является выражением свободной, самостоятельной деятельности — полетом — гуманизацией. Просвещение — ритм — искусство.

43. Бытие выражает вовсе не абсолютное свойство, но лишь отношение сущности к некоему свойству — способность быть определенным. Это абсолютное отношение. Все в мире имеет свойства; Бытие не выражает тождество. О вещи ничего неизвестно, если известно только то, что она *есть* — и больше ничего. Бытие в привычном смысле выражает свойства, связи и изменения в предмете. Бытие связано со свойствами. Вещь для нас есть только совокупность тех свойств, которые мы в ней познали. Вещь может быть большой или малой — абсолютна только Вселенная. Мы сами существуем лишь настолько, насколько знаем себя. Суждения тождества — параллелизмы не учат ничему новому, а содержат только чистую форму суждения без материи — предикацию без предикации — действие без результата.

44. Следовательно, мы ничего не высказываем о вещи, если утверждаем только то, что она *есть*. Как было сказано, бытие выражает простое наличие — познание в самой общей форме. Я есмь — значит нахожусь во всеобщем отно-

шении или *изменяюсь*, являюсь звеном в цепи изменений, которому ничего не противопоставлено, — экспонентом всевозможных употреблений, рефреном изначальных мыслей — повтором — выражением чистой, беспредметной и бессодержательной деятельности — первой игрой —

45. Бытие выражает перманентность полагания, изменения, деятельности, продуцирующего действия — простое понятие присутствия. Во временном мире бытие — это ритмическое отношение. Бытие в буквальном смысле выражает активный и пассивный характер чередования между полагющим и полагаемым, сферой и содержанием.

46. Если кто-то спросит меня, почему восходит солнце, я отвечу: потому что Земля вращается вокруг своей оси за определенное время, предполагая, что он знаком с пространственными понятиями. Тем самым я применяю известное к неизвестному — соединяю субъективное состояние с объективным — и вкладываю ему в голову новые знания. Вся премудрость состоит в применении известного к неизвестному — прилаживании подобного к подобному.

Мы познаем только то, что имеем и *vice versa*.⁹ (Деятельность в некой сфере — это сферическая деятельность или деятельная сфера. Всякое изменение в определенном определяется двояко (утверждение и отрицание). Мы познаем только то, что существует, и существует только то, что мы познаем, ибо это одно и то же — одна сила и т. д.) Что первично, а что вторично — сказать невозможно.

47. Способность к познанию бытия мы обнаруживаем в единичном — где есть познание, там есть и бытие. Из изменений единичного мы не можем заключить о прекращении бытия и познания. Мы прекращаем существование не как род, а только как единичности. Познание — всеобщее состояние, не связанное с единичным случаем. Когда мы гово-

рим о себе, речь идет о роде и единичном. Наше Я есть род и единичное — всеобщее и особенное. Случайная или единичная форма нашего Я прекращается только для единичной формы — смерть кончает только с эгоизмом. Насколько единичная форма стала всеобщей, настолько она сохраняется для целого. Мы говорим о Я как о чем-то Одном, на самом же деле их два, они совершенно различны — но абсолютно соотносимы. Случайное должно исчезнуть, благое — сохраниться. Случайное было случайным, существенное останется существенным. Что действительно любишь, с тем и останешься.

Желая удержать случайность, сами не ведают, чего хотят, — о любви. (Желание случайного само случайно.)

Всеобщее пребывает в каждом мгновении, ибо оно есть в целом. В каждом мгновении, в каждом явлении действует целое — человечество, вечное существует всегда и везде, ибо не знает ни пространства, ни времени — мы пребываем, живем, мыслим в Боге, ибо Он есть олицетворенный род. Он — ни всеобщее, ни особенное в обычном смысле. Можно ли утверждать, что Он здесь или там? Он — все, Он — везде, в Нем мы пребываем,¹⁰ живем и творим. Все настоящее длится вечно — все истинное — все личное.

48. Там, где есть бытие, должно быть и познание.

49. Нужно упражнять все свои силы и планомерно их развивать — воображение — рассудок — силу суждения и т. д. Сейчас я культивирую разум, и он заслуживает этого в первую очередь, ибо учит находить путь. Религия — Иисус и т. д.

50. Наука — это только одна половина. Вера — другая.

51. Неужели нам суждено познавать лишь материю духа и дух материи?

52. Разум и фантазия — это религия. Разум и рассудок — наука.

53. Что значит верить?

54. Мир — мироздание.

55. Может ли мышление обойтись без языка?

56. Собственное предназначение можно исполнить и без философии, если сообразовывать жизнь с делами и наставлениями мудрейших и лучших, сделать опыт и здравый смысл своими вожаками. Если к этому присовокупить еще и прилежание, то можно сжиться с любым делом и не нуждаться ни в чем. Чистое чувство природы вещи — вот что называется здравым смыслом, им не должен пренебрегать ни ученый, ни научный архитектор. Упражнение может облегчить его использование — настоящая жизненная сила, не отягощенная предрассудками, сохранит его в чистоте. (Возникает он медленно — появляется внезапно.)

Никогда не собьешься с пути, если будешь уважать всеобщее в себе и в других. Под всеобщим мы понимаем всеобщность разума, поэтому неукоснительно уважать общую нравственность, глас народа и т. п. — непреходящее в нас — такое следствие, которое не является *особенным* (неразумным) — (последнее следствие).

57. Почему идеал недостижим? Потому что в противном случае он уничтожил бы сам себя. Чтобы оказать свое воздействие, идеал не должен находиться в сфере вульгарной реальности. Аристократизм Я состоит в свободном возвышении над собой — следовательно, в некотором смысле Я никогда не возвысится над собой абсолютно, ибо иначе его действительность, наслаждение, т. е. победа, короче говоря, само существование Я прекратилось бы. Порок есть вечно нарас-

тающая мука (отрицание) (чувство бессилия) — зависимость от бессознательных помышлений — добродетель — вечно нарастающее наслаждение — чувство силы — независимость от случайного. Как у грешника вследствие его тождества всегда есть шанс стать праведником, так и праведник всегда рискует согрешить — количество не влияет в данном случае на качество: победа, которую грешник завоевывает на тысячном градусе ниже нуля, равноценна победе праведника на тысячном градусе выше нуля. Разделяющие их пространство и время могут мгновенно исчезнуть, ибо здесь не количественные соотношения — это две абсолютно разные сферы, которые мы, однако, мыслим количественно, воображая каждую победу или поражение шагом вперед или назад. Привычка — облегчение для праведника и отягчение для грешника, этим и различаются дольше и короче — возмездие для закосневшего в грехе злодея и воздаяние для стойкого праведника.

* * *

58. Закон понятия совпадает с законом объекта — и отличается от него только в рефлексии. (Понятие и созерцание едины, если их соотнести с Я, и различаются, если в рефлексии мыслятся по отдельности, вне связи с Я.) Если я направляю рефлексия только на Я, то не-Я нет, если не направляю рефлексия только на Я, то не-Я есть. Свободная рефлексия направлена на не-Я, определенная — на Я. В обоих случаях Я свободно и несвободно, однако по-разному. Оно свободно, мысля себя несвободным, как не-Я, оно свободно, мысля себя свободным, как Я. Там оно свободно как интеллигенция, здесь — как Я. Там оно отъединяет свою рефлексивную деятельность от сущности — выходит из самого себя, здесь оно их соединяет — и входит внутрь себя. Оно должно совершить первое действие, чтобы суметь совершить второе. Второе — цель, первое — средство, цель влечет за собой средства — средства обуславливают цель. (Всякое познание

должно способствовать моральному поведению — моральный инстинкт, инстинкт свободы побуждает к познанию.) Быть свободным — тенденция Я — способность быть свободным — продуктивное воображение — гармония есть условие деятельности воображения — парения между противоположностями. Быть в согласии с собой — основное условие высшей цели — бытия или свободного бытия. Всякое бытие, бытие вообще есть не что иное, как свободное бытие — парение между крайностями, которые должны быть объединены и разъединены. Из светлой точки парения изливается вся реальность — в ней содержится все, объект и субъект происходят из парения, а не из реальности.

Природа Я, или продуктивное воображение, парение, определяет, продуцирует крайности и пространство между ними, в котором это парение происходит, — только низкий рассудок сочтет его ошибкой. На самом деле оно совершенно реально, ибо парение, его причина — это исток, мать любой реальности, сама реальность.

О природе парения

59. Моральное сознание должно быть ядром нашего земного бытия, если хочет осуществить свое предназначение. *Идеал бытия* должен быть целью морали и ее истоком. Бесконечная реализация бытия — назначением Я. Оно стремилось бы к все более полной его реализации. От принципа «Я есмь» путь Зла ведет вниз, путь Добра — вверх. Высшая философия — этика. Поэтому всякая философия начинается с «Я есмь». Высший принцип познания должен выражать факт, обосновывающий всякое познание и соотносящийся с целью Я, которая посредством познания (в широком смысле как присутствия в чувственном мире) может быть достигнута или хотя бы намечена — абсолютно свободное бытие Я.

Если не знать о природе действенной силы Я — деятельности продуктивного воображения, может показаться, что в Я имеется противоречие, и цель не будет достигнута именно из-за избранного средства.

Однако как раз в этом случае Я действует в согласии с собой, я бы сказал последовательно, и не может действовать иначе в силу своей природы — ибо оно есть не что иное, как это *парение*,¹¹ и только так оно осуществит свои возможности и цели. В противном случае оно ничего не создаст — ибо созидательный процесс всегда направлен на бытие, а бытие есть парение и т. д.

(Кажется, что сущее, когда его разделяют на составные элементы, что предполагается природой рефлексивной способности, противоречит себе.)

Бытие, бытие Я, свободное бытие или парение — синонимы, соотносимые выражения, речь идет об Одном факте, это предикаты только одного понятия Я — понятие и факт в данном случае едины. Я не определимо в понятии, ибо бытие и понятие в нем совпадают, — вместе с бытием дано единственно возможное его понятие.

Под фактом или действием обычно понимается либо то, что еще происходит, либо то, что уже произошло. Факт, о котором говорится здесь, следует мыслить чисто духовно — не как единичный или преходящий, а как некий миг, вбирающий в себя вечную Вселенную, в которой мы живем, действуем и существуем, — бесконечный факт, который в каждое мгновение свершается целиком — неизменно и вечно творящий гений — Я-бытие.

Отношение сознания к этому таинственному бытию вещей. Переход от этого понятия к реальному миру — (применение такового.)

60. Философствуя о будущем, например об упразднении не-Я, не стоит полагать, что это случится в какой-то определенный момент. Уповать, что время само себя отменит,

а сверхчувственное, интеллектуальное, субъективное перенесется в чувственный мир явлений, просто абсурдно. Каждое свободное действие — это триумф бесконечного Я над конечным, и на это время не-Я действительно уничтожается — хотя и не в чувственном существовании.

Так было, есть и будет: вещь вечна и неизменна, непрерывно меняется только форма. Течение времени бесконечно — от него невозможно абстрагироваться, ибо время есть условие мыслящего существа — время прекращается только вместе с мышлением. Вневременное мышление — вздор.

61. Мир для живущего в нем человека все бесконечнее, поэтому соединение многообразного никогда не завершится и состояние бездеятельности для мыслящего Я не наступит — даже приход Золотого века не означает конца вещей. Цель человечества не Золотой век — человек должен существовать вечно¹² и, не отрекаясь от своей индивидуальности, сжиться с ней — такова тенденция его природы.

62. Пожалуй, философствование — это особый вид мышления. Что я делаю, когда философствую? Размышляю об основании. Следовательно, философствование основано на стремлении мыслить основание. Основание — это не причина в собственном смысле, но внутреннее свойство — взаимосвязь с целым. Поэтому всякое философствование должно завершиться абсолютным основанием. Если таковое не было бы дано, а его понятие невозможно, то философский инстинкт был бы бесконечной деятельностью, бесконечной потому, что вечная потребность в абсолютном основании оставалась, но могла быть удовлетворена только отчасти — а потому никогда бы не исчезла.

Когда мы добровольно отрекаемся от абсолюта, в нас возникает бесконечная свободная деятельность — единственно возможный и доступный нам абсолют, ибо иным способом достигнуть или познать абсолют мы не можем. Данный абсо-

люют познаваем только отрицательно: мы совершаем действия и обнаруживаем, что ни одно из них не позволяет нам достичь искомого. (...)

63. В действиях человеческого духа не должно быть ничего произвольного и хаотичного — только искусство и наука. Любая наука положительна — основана на данности. Она есть полное знание предмета, искусство — совершенное применение такого знания.

64. Общаться только ради содержания — грубо и вульгарно. Информация, материал не должны нас тиранить. Общение должно быть целесообразным — художественным — умным, наша речь — благородной, она должна согласовываться с публикой и целью — использовать преимущества времени и места.

65. Подлинные улучшения — это улучшения нравов и характеров, все прочее — лишь мода, суета и пустяки.

66. Мечты о будущем: возможно ли тысячелетнее царство — когда мы очистимся от пороков? Когда воспитаем наш разум.

67. Деятельность пробуждается, когда мы даем ей возбуждающий материал. (Я должно положить себя изображающим. Существенное в изображении является второстепенным в предмете.) Пожалуй, существует особая изобразительная способность, которая изображает просто ради изображения, изображение ради него самого — это *свободное* изображение. Подразумевается, что не объект как таковой должен определять деятельность, а Я как основание этой деятельности.

Тогда произведение искусства получает свободный, самостоятельный и идеальный характер — величественный дух,

ибо оно есть продукт деятельности Я, ставший видимым. Полагая себя бесконечным, Я определяет себя, ибо оно должно положить себя как бесконечно изображающее Я — таким образом оно освобождается в качестве определенно изображающего Я.

(Объект есть только зародыш, тип, точка опоры — внутри и на основе которой благодаря творческой энергии развивается прекрасное целое. Иными словами, объект должен определять нас как продукт деятельности Я, а не просто как объект. (Различие устного и письменного изображения.) Необходимость размеренного распорядка. Если изображение совершенно, сферы обязательно должны меняться: чувственное должно изображаться духовно, духовное — чувственно.) Устная речь, как и песня, требует совершенно иного текста, нежели письменная. Она расположена между музыкой и письменной речью. (Наука декламации априори.) О том, что следует разделять и соединять в композиции. Как найти в частях целое, а в целом — части? Второстепенное должно трактоваться как медиум, соединение — в нем выделяется только свойство приема и передачи. Ни одного лишнего слова.

(Сейчас мы находимся только в начале писательского искусства.)

Там, где есть много отдельных единиц, каждая должна поступиться толикой собственных привилегий и свобод — тогда возникнет сообщество. Родовое подобие *целого* — например, государства или композиции.

68. Искусство: формирование действенности — воли определенного вида, сообразного с идеей, действие и воля здесь едины. Только постоянное упражнение действенности, делающее ее более определенной и сильной, формирует искусство.

69. Количество времени — количество пространства — количество рассудка — разума. О религии. Все можно воз-

высится до максимальной точки, с которой все соотносится и соизмеряется. Ее можно назвать Богом, а можно — ореховой скорлупой. Абсолютизация какого бы то ни было Одного объекта насколько правильна, настолько и несправедлива, как и любая религия, провозглашающая свою монополию на блаженство, — человек претендует на большее, чем позволяет человеческая природа, хотя и не запрещает поступать так, как он хочет. — Влияние пространства и времени на наши понятия и идеи. (Философия должна быть понятна всем. Тезисы Фихте сводимы к небольшому числу общих тезисов. Чем свободнее разум, рассудок и сила воображения и проч. стилистически сочетаются друг с другом, чем свободнее они двигаются по поверхности, чем полновочуднее и гармоничнее стиль, тем он одухотвореннее.) Нельзя позволять предметам властвовать над нами, удерживать в поставленных рамках. (Объект остается объектом, даже если он Бог.) Действенность возможна только через соединение, любое соединение требует посредника — как мне, к примеру, пошевелить пальцем на руке? Как индивидуальность сохранит себя вне времени? Откуда у определенного столько силы — определенного в чувственном и духовном мире? Нужно стремиться создать внутренний мир — подлинный пандан внешнему миру, который, будучи противоположен внешнему миру в каждой точке, расширяет нашу свободу до бесконечности. Ведь наша свобода исходит из определений: избавившись от большинства из них, мы станем свободнее. Все определения порождаются нами — создавая собственный мир, мы освобождаемся, ибо свобода мыслима только через противоположность миру. Чем больше мы определяем — полагаем определения во внешнем мире, тем свободнее, субстанциальнее мы становимся — очищаясь от примесей, мы все больше приближаемся к чистой и простой сущности нашего Я. Наша сила вырастает пропорционально тому миру, которым нам удалось овладеть. Оттого, что наша природа или полнота нашей сущности бесконечна, достигнуть искомой цели *во* времени

мы не можем. Но *вне* времени, поскольку мы существуем и в этой сфере тоже, данная цель не просто достижима в любое мгновение, но при желании мы можем пребывать в этой сфере в качестве чистой простой субстанции. (Здесь царство морали и упокоение для духа, которому бесконечное и бесплодное стремление к недостижимой цели кажется невыносимым.)

70. (...) Чувственный и духовный мир противоположны только тогда, когда чередуются друг с другом. Если объект (так я обозначаю содержание чувственного мира) многообразен, то субъект единообразен, первый неизменен, второй изменчив, первый — субстанция, второй — акциденция, и наоборот. Субстанция есть идея — целое — мыслимая и созерцаемая в данный момент, акциденция — парное понятие, указывающее на состояние, сумма отношений, которыми целое обладает как целое. Акциденциями можно воспользоваться, только когда их много. В какой мере человек должен жить в послушании? (по отношению к Богу и людям) (Характер языка — общий язык — причина различия языков — пророчество — тысячелетнее царство. Новая религия.) Подлинная философская система должна быть свободой и бесконечностью, или, выражаясь экстравагантно, бессистемностью, приведенной в систему. Только такая система сможет избежать системных ошибок и не будет заподозрена ни в предвзятости, ни в анархии.

71. Только совершенный человек может создать совершенную философию. Человек взаимодействует и внутренне связан с самим собой. Каждая ошибка, каждая добродетель воздействует на общую сферу в целом и влияет тотально — по сути дела, нельзя иметь Одну добродетель только в чем-то одном, а в другом — не иметь. Категории суть синтетические понятия априори. А есть ли синтетические идеи априори, синтетические созерцания или ощущения? Нынешние госу-

дарства — агломерации, и только. Мыслимы ли государства в собственном смысле слова только посредством идеальной способности воображения? Наши государства являются государствами и не являются таковыми. Как это возможно? Верно такое суждение, какое мы созерцаем в силе истины и возвышаем до идеи. (Сфера неразличенности — *semper idem*.¹³ Сфера различенности — изменение. Сфера синтеза — чередование.) Бесконечная идея нашей свободы предполагает и бесконечный ряд наших явлений в чувственном мире — мы не привязаны к нашему смертному телу как единственному явлению на планете. Повсюду существуют три сферы. Они определены только в отношении себя — их действительность также различна, как различны части бесконечности. Но они неизменны, как бы ни менялись явленные ими содержание и форма. Они безразличны к любому определению. Они суть то, что они суть, делают, что делают, страдают, как страдают, исключительно по собственной воле. Чтобы стать реальностью, они должны применяться по отдельности, т. е. являться в одиночку, однако они никогда не потеряют девственность и вечно останутся самими собой — неделимыми и свободными. Так со всеми идеями. Кажется, что в явлении они только перевоплощаются. Так и с человечеством. В целом и частном оно такое же. Идеи возвышают до себя, но не спускаются вниз: принцип совершенствования в человечестве — человечество перестанет быть собой, если не наступит тысячелетнее царство. Принцип проявляется во всех мелочах повседневной жизни — во всем. Истина всегда сохраняется, благо пробивает себе дорогу — человек поднимается ввысь — образуется искусство — возникает наука, и лишь случайное и индивидуальное исчезает — это борьба преходящего с непреходящим — наконец, Геркулес научился отсекать отрастающие головы Гидры,¹⁴ наконец, а *l'ordre du jour*¹⁵ победа — результат изощренного и филигранного искусства. Искусство восторжествует над грубой массой. Навык мастера ставит. Искусство мудрости и наука мудрости. Сфера

реальности (собственности) — общая материя противоположностей. Каждая часть противоположных субстанций снова состоит из них же. Тотальность есть только совокупность отношений. Как части возникают в субстанции и становятся самостоятельными? Нужно постоянно осмысливать соотношение противоположностей — духовного и чувственного мира. В продуктах этих миров самобытное только преобладает. Идея так же хорошо согласуется с чувственным, как чувство с духовным миром. Я утверждаю, что анализ и синтез являются вообще-то противоположными действиями, а что синтезирует их — указывает на их общую сферу? Любая боль имеет свой максимум — короче, все неприятные состояния имеют свое определение, границы и распорядок — подчиняются тем же законам, что и состояния наслаждения. Самая сильная боль длится не больше мгновенья — тетическая — антитетическая боль. Удовольствие и неудовольствие чередуются: тяга человека сотворить что-нибудь вредное, часто *par delit*,¹⁶ назло себе — это еще проявление свободы. Все ли душевные способности и силы имеют свою противоположность? Что это? В какой сфере любое целое есть часть, а любая часть — целое? Существует только два первоэлемента и Одна сфера явления таковых. Любовь как синтетическая сила. Речь идет о том, что, принимая нечто сдерживающее во внутреннюю сферу нашей свободной деятельности, мы страдаем и зависим от этого. Даже самое большое несчастье нужно принять в эту сферу, если хотим по-настоящему его пережить, в противном случае оно останется для нас чуждым и внешним.

72. О человечестве. Чистое, полное образование должно сначала стать индивидуальным искусством, затем проникнуть в народ и только потом — во все человечество. В какой мере оно является индивидуом?

73. Самый чудесный и вечный феномен — *собственное существование*. Человек — великая тайна для самого себя. Разгадывание этой бесконечной загадки образует мировую историю. История философии или науки вообще, литературы как субстанции содержит опыт идеального решения данной идеальной проблемы — мыслительной идеи.

Пока мы существуем, она будет манить нас как субстанционально, так и идеально. Как бесконечна мировая история — бытие *en gros*,¹⁷ так бесконечно и философствование — мышление *en gros*.

Но, может быть, философствовать еще не начинали, а только пытались это делать? — в этом случае вся предыдущая история философии была не философствованием, а не более чем историей попыток его обнаружить.

Когда философствование начинается, возникают философомы, и чистая естественная история (учение о природе) философем есть *философия*.

74. У Гемстергейса есть одно замечательное место о духе и букве философии.¹⁸ По его мнению, буква — лишь подспорье философского сообщения, истинная сущность которого состоит в осмыслении. Говорящий запускает процесс мышления в слушающем, которое таким образом становится осмыслением. *Один мыслит — другой осмысливает*. Слова — ненадежный медиум для создания мысли. Истинная правда в силу своей природы является *путеводной*. Самое главное — вывести на верную дорогу, иными словами, указать определенное направление к истине. Человек выйдет к ней сам, когда начнет действовать, взыскую истину здесь и сейчас. В связи с этим изложение философии должно быть простым перечнем тем, тезисов, антиномий, афоризмов — оно адресовано

энергичным, влюбленным в истину людям; аналитический разбор — удел вялых и неопытных — они еще нуждаются в матери, которая научила бы их летать и не сбиваться с курса.

Проявление внимания к объекту или определенная направленность на него (что одно и то же) создает *реальное отношение* — ибо, сделав такое различие, мы ощущаем, что сила притяжения объекта или сила стремления субъекта начинают расти; если не противиться этой силе, не утратить данного ощущения, а сосредоточиться на нем, вожаемая цель будет успешно достигнута.

Подлинно целостное философствование — это совместный полет к возлюбленному миру — когда то один, то другой занимает место ведущего, требующее особого напряжения, чтобы сопротивляться антагонистической стихии, в которой происходит полет. Следуя за солнцем, вынырнуть из холодной ночи и тумана, куда по законам обращения небесных тел временно погружается наша планета. (Умирание — подлинно философский акт.)

<Учебный листок>

75. Подлинно философский акт — самоумерщвление;¹⁹ вот реальное начало философии, цель устремлений философского адепта, и только этот акт соответствует условиям и признакам трансцендентного действия. Дальнейшая разработка этой в высшей степени интересной мысли.

76. Все превосходное заслуживает остракизма.²⁰ Хорошо, когда остракизму подвергают самих себя. Все абсолютное должно уйти из мира в изгнание. В мире надо жить помирски. Живешь только тогда, когда ладишь с окружающими людьми. Доброта входит в мир изнутри (а для мира, следовательно, извне), но озаряет его лишь на мгновенье. Превосходное совершенствует мир, но вскоре покидает его.

77. К Сонечке²¹ у меня религия, а не любовь. Абсолютная любовь, которая не зависит от сердца и основана на вере, есть религия.

78. Усилием абсолютной воли любовь может перейти в религию. Стать достойным абсолютного Существа можно, только пройдя сквозь смерть. (Примирающая смерть.)

79. Инстинкт, в котором смешаны воля и знание, есть вера.

80. В колдовстве происходит частичное отождествление с заколдованным — его можно заставить видеть, верить, чувствовать так же, как и я.

81. Всякое абсолютное ощущение религиозно. Религия прекрасного. Религия искусства. (Вывод из этого.)

82. Ипохондрия — престранная болезнь. Ипохондрия бывает мелочная и возвышенная. Исходя из этого, нужно попытаться проникнуть в душу. (Прочие душевные болезни.)

83. Тело каким-то образом можно отделить от души — не слабость ли то, что аффектация одного есть одновременно аффектация другого, — без посредничества воли?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исходным пунктом является рассуждение Фихте в трактате «О понятии наукоучения»: « $A = A$ — это, без сомнения, логически правильное положение, и, поскольку оно таково, его значение заключается в следующем: *если A положено, то A положено*. Тут возникают два вопроса: положено ли A? и в какой мере и почему A положено, *если оно положено, или как вообще связываются вместе это если и это то?*

Положим: А в вышеуказанном положении значит Я и имеет определенное содержание; тогда положение будет гласить: Я есмь Я; или же — если Я положено, то Я положено. Но так как субъект положения есть абсолютный субъект, субъект безусловно, то в этом единственном случае вместе с формой полагается его внутреннее содержание. Я положено потому, что Я себя положило. Я есмь *потому*, что Я есмь. Логика, следовательно, говорит: *если А есть, есть А*; наукоучение же утверждает: *так как А* (это определенное А = Я) *есть, то есть А*. И через это будет разрешен и вопрос: положено ли А? (это определенное А); ответ будет таков: оно положено, ибо оно положено. Оно положено безусловно и необходимо.

Положим, что А в вышеприведенном положении означает не Я, но что-либо другое; тогда из вышесказанного следует усмотреть условие, при котором можно сказать: А положено, — и почему мы уполномочены заключать: если А положено, то оно положено. Именно положение А = А первоначально значимо *только для Я*; оно выделено из положения наукоучения Я есмь Я; следовательно, всякое содержание, к которому оно применимо, должно находиться в Я и в нем содержаться» (Фихте И. Г. О понятии наукоучения // Сочинения: В 2 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 47—48).

² Тот же самый, тот же, один и тот же (лат.).

³ Как и темнота, небытие не может быть ни помыслено, ни воспринято. Всякое восприятие есть восприятие реальности, всеобщего содержания. За пределы положенного им самим сознание выйти не может. Новалис спрашивает, возможно ли бытие за пределами сферы сознания.

⁴ Ин. 4, 24.

⁵ Ср.: Быт. 1, 26—27.

⁶ Эстетические сочинения Шиллера «О грации и достоинстве» и «О возвышенном» были написаны в 1793 г., первые девять писем «Об эстетическом воспитании человека» опубликованы в 1795 г. в первом номере издававшегося им журнала «Оры». Исследования были продолжены в последующих номерах журнала. Например, в 12-м номере в сочинении «Сентиментальные поэты» — первой части трактата о наивной и сентиментальной поэзии. Новалис непосредственно ссылается на трактат «О моральной пользе эстетических нравов», который был напечатан в «Орах» в 1796 г.

⁷ Имеется в виду, что право и варварство прекратятся и мир перейдет в более высокое состояние.

⁸ Фридрих Вильгельм Готтер (1746—1797) — поэт «Союза радости», переводчик Шекспира и Вольтера.

Кристоф Мартин Виланд (1733—1813) — крупнейший представитель немецкого Просвещения и рококо, автор романа «Агатон», стихотворной эпопеи «Оберон», сатирического романа «История абдеритов», мастер иронической манеры письма.

Мориц Август фон Тюммель (1738—1817) был известен как автор комических опусов и подражатель Виланда.

Фридрих Готлиб Клопшток (1724—1803) — знаменитый немецкий поэт, автор огромной гекзаметрической поэмы «Мессия», од, гимнов, предвосхитивших штюрмерскую эпоху.

⁹ Наоборот (*фр.*).

¹⁰ Ср.: Деян. 17, 28.

¹¹ В «Основе общего наукоучения» (1794) Фихте пишет: «Нужно зафиксировать созерцание как таковое, чтобы понять его как тождество. Однако процесс созерцания как таковой не может быть чем-то фиксированным, но есть парение силы воображения между противоборствующими направлениями. Фиксация такового означала бы прекращение парения силы воображения, в результате чего созерцание было бы полностью уничтожено и снято. Подобное, однако, недопустимо; следовательно, должен оставаться, по крайней мере, продукт состояния в созерцании, след противоположных направлений, который, не являясь ни тем, ни другим, был бы составлен из них обоих» (перевод наш. — А. В.).

¹² Х.-Й. Мэль указывает на то, что Новалис имел здесь в виду «Лекции о назначении ученого» (1794), который решительно отвергает идеальный образ «Золотого века», противопоставляя такому в качестве назначения человека «бесконечную деятельность».

¹³ Всегда одна и та же (*лат.*).

¹⁴ Второй подвиг Геркулеса — убийство Лернейской гидры, у которой взамен отрубленной головы вырастало две новых. Геркулес победил гидру, приказав своему оруженосцу прижигать отрубленные головы, чтобы они не вырастали вновь.

¹⁵ На повестке дня (*фр.*).

¹⁶ От досады (*фр.*).

¹⁷ Вообще (*фр.*).

¹⁸ Новалис имеет в виду место из диалога Гемстергейса «Aristeë»: «Вы, наверно, чувствуете, Алексис, что философия, с легкостью и точностью оперируя абстрактными материями и даже ак-

сиомами геометрии, не так-то легко выражает идеи, ибо зачастую не имеет терминов для соединения внешне бессвязных и далеких друг от друга идей. В этом случае никто не может запретить слушателю в большей степени ориентироваться не на произносимые слова, а на сам процесс мышления. Тогда в голове слушателя слова будут переводиться сами собой и заменяться на знаки, которые ему более знакомы» (перевод наш. — А. В.).

¹⁹ В своем дневнике в период с апреля по июль 1797 г. Новалис не раз заявлял, что хочет умереть вслед за Софией фон Кюн. Если рассматривать это высказывание в контексте идей Гемстергейса, речь, по-видимому, идет не о физической смерти, а о попытке превзойти с помощью философии присущую человеку ограниченность и конечность.

²⁰ В древних Афинах при определенных обстоятельствах политики могли подвергнуться остракизму, т. е. изгнанию из родного города. Решение об этом принималось при помощи тайного голосования на глиняных черепках (*греч.* ostrakismós, от óstrakon — черепок).

²¹ Как и предыдущие, запись была сделана после смерти Софии фон Кюн. Она отражает перемену в отношении Новалиса к своей невесте, произошедшую летом—осенью 1797 г.

СМЕШАННЫЕ ФРАГМЕНТЫ 1797—1798 годы

<ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ «ЦВЕТОЧНОЙ ПЫЛЫЦЫ»>

Друзья! Земля бедна, бросим в нее обильное
Семя, дабы взошли хоть скромные всходы.

1. Мы *ищем* во всем безусловное, а *находим* лишь обусловленности.¹

2. Обозначение посредством звуков и штрихов есть абстракция, достойная восхищения. Четыре буквы обозначают Бога, несколько штрихов — миллион вещей. Каким легким становится управление универсумом! Какой наглядной — концентрация духовного мира! Учение о языке — это динамика духовного царства! Слово командира движет армиями, слово «свобода» — нациями.

3. Мировое государство — это тело, которое одушевляется прекрасным миром, общественным миром. Оно — его необходимый орган.

4. Ученические годы предназначены для поэтического, академические годы — для философского адепта.

Академия должна быть исключительно философским институтом, институтом одного факультета — целое учреж-

дение организовано ради пробуждения и целенаправленной тренировки силы ума.

Ученические годы — преимущественно годы обучения искусству жить. С помощью планомерных и систематических опытов можно овладеть его принципами и научиться пользоваться ими по своему усмотрению.

5. Дух приводит вечное доказательство самого себя.

6. Мы никогда не поймем себя до конца, но мы превзойдем само понимание и сможем достигнуть большего.

7. Некоторые виды депрессии подобны приемам флейтиста, когда при извлечении разнообразных звуков он зажимает то одно, то другое отверстие, создавая *впечатление произвольных сочетаний немых и звучащих отверстий*.

8. Разница между иллюзией и истиной состоит в несовпадении их жизненных функций.

Иллюзия живет за счет истины, истина имеет жизнь в самой себе. Иллюзии следует искоренять, как искореняют болезни. Иллюзия есть не что иное, как воспаление логики или ее атрофия, экзальтация или филистерство. Обычно первая вызывает *мнимый упадок интеллектуальных сил*, от которого ничто так не помогает, как постепенный отказ от инцитаментов² (средств принуждения). А вторая зачастую переходит в ложную оживленность, опасные революционные симптомы которой можно изжить, наращивая применение силы.

Так или иначе, позитивных результатов можно добиться только при неукоснительном соблюдении продолжительных курсов лечения.

9. Наша общая способность восприятия подобна глазу. Объекты должны преодолеть чужеродную среду, чтобы правильно отобразиться на зрачке.

10. Опыт есть проба рациональности — и наоборот.

Беспомощность *голой* теории на практике, о которой твердит эмпирик, уравнивается рациональной практикой *голового* опыта, объективную ограниченность успехов которой настоящий философ констатирует достаточно четко.

Эмпирик же в корне отрицает голую теорию, не подозревая, насколько проблематичен ответ на вопрос: существует теория ради практики или практика ради теории?

11. Смерть есть победа над собой, которая, как всякое самопреодоление, сулит новое, более легкое существование.

12. Не потому ли нам требуется такое напряжение сил для обыденного и обыкновенного, что для нормального человека нет ничего более необычного и необыкновенного, чем самая тусклая обыденность.

Самое высокое есть самое понятное — самое близкое, самое необходимое. Лишь потому, что мы не знаем себя, отвыкли от себя, появляется эта непонятность, которая сама непонятна.

13. Чудеса чередуются с процессами, протекающими по естественным законам, они взаимно ограничивают друг друга и вместе образуют целое. Нет чудес вне естественных происшествий, и наоборот.

14. Природа — враг вечных владений. Она разрушает все знаки собственности, истребляет все признаки формации. Земля принадлежит всем народам, каждый может притязать на всё. Более древние народы не должны пользоваться какими бы то ни было преимуществами из-за своего случайного первородства. Проходит время, и право собственности угасает. Мелиорация и детериорация³ незыблемо обусловлены. Но если тело есть собственность, посредством которой я приобретаю права активного гражданина мира, то, утратив

эту собственность, я не утрачиваю самого себя — и ничего не теряю, кроме места в этой княжеской школе, и вступаю в более высокую корпорацию, куда последуют за мной мои возлюбленные соученики.

15. Жизнь — это начало смерти. Жизнь дается ради смерти. Смерть есть и конец, и начало — разделение и более интимное соединение с самим собой. Посредством смерти редукция достигает своего совершенства.

16. Мы близки к пробуждению, когда нам снится, что мы видим сны.

17. Фантазия либо поднимает будущий мир ввысь, либо погружает вглубь, либо посредством метемпсихоза приближает к нам. Мы грезим о путешествиях во Вселенной — не в нас ли Вселенная?⁴ Глубины нашего духа нам неведомы — внутрь ведет таинственный путь. В нас или нигде сокрыта вечность с ее мирами — прошлое и будущее. Внешний мир — это мир теней, он затеняет царство света. Сейчас это царство представляется нам внутри таким темным, одиноким и бесформенным, но как только оно преобразится — когда затмение пройдет и тeneвое тело отодвинется прочь, — мы будем наслаждаться как никогда, ибо дух наш страдал.

18. Дарвин⁵ отмечает, что при пробуждении свет не так спит, если нам снились зримые предметы. Блаженны те, кому снилось зрение, — они раньше узрят славу иного мира!

19. Как можно знать в чем-либо толк, если не хранить в себе зерно такого знания?

Что мне дано понять, должно развиваться внутри меня органически, а приобретенное в учении есть только пища — инцитамент организма.

20. Обитель души там, где соприкасаются внутренний и внешний мир. Душа там, где они проникают друг в друга, в каждой точке этого проникновения.

21. Жизнь истинно канонического человека должна быть насквозь символической. Не будет ли тогда смерть примирительной смертью? — В большей или меньшей степени, разумеется, — и не следует ли отсюда множество самых необычайных выводов?

22. Тот, кто ищет, не избежит сомнений. Но гений говорит так смело и уверенно о том, что происходит у него в душе, ибо он и его рассказ не скованы друг другом, но кажется, что созерцание и созерцаемое свободно гармонируют и соединяются в Едином творении.

Если мы говорим о внешнем мире и изображаем реальные предметы, то уподобляемся гению. Следовательно, гениальность есть способность говорить о вымышленных предметах, как о настоящих, и соответственно обращаться с ними. Талант излагать, наблюдать, целесообразно описывать наблюдаемое, стало быть, отличается от гениальности. Без этого таланта видишь только половину, он — только половина гениальности, можно иметь гениальные задатки, которые, не имея такого таланта, развить никогда не удастся.

Без гениальности мы вообще не существуем. Гениальность потребна во всем. То, что обычно называется гениальностью, — это гений гения.

23. Самый нелепый предрассудок состоит в том, что человеку якобы отказано в способности пребывать *вне себя самого*, осознавать нечто, лежащее за пределами чувственности. В любой момент человек способен быть сверхчувственным существом. Без этой способности он был бы не гражданином мира, но животным. Конечно, сохранять рассудительность и самообладание в таком состоянии весьма трудно, ибо

оно объективно связано с постоянной сменой всех прочих состояний. Но чем полнее мы способны осознать это состояние, тем более жизненным, мощным, достаточным становится убеждение, которое возникает отсюда, — вера в истинные откровения духа. Не просто зрение — слух — осязание, а состоящее из всех трех, и даже превосходящее эту троицу, ощущение непосредственной достоверности — созерцание моей жизни в ее самом истинном и личном аспекте; мысли превращаются в законы, желания — в исполнения желаний. *Для слабого факт такого момента есть догмат веры.*

Это особенно заметно при виде некоторых человеческих фигур и лиц, в первую очередь — глаз, мимики, движений, при восприятии определенных слов, чтении определенных мест, при определенных воззрениях на жизнь, мир и судьбу. Множество случайностей — определенное природное явление, определенное время года или суток — доставляют нам подобный опыт. Известные настроения особенно благоприятствуют подобным откровениям. Большая их часть мимолетна, меньшая — преходяща, наименьшая — непреходяща. В этом люди сильно разнятся. У одного способность к откровению сильнее, чем у другого, один чувствует его, а другой постигает рассудком. Последний будет всегда пребывать в его нежном сиянии, в то время как у первого будут лишь отрывочные просветления, но зато более яркие и многообразные. Эта способность может перейти в заболевание, которое характеризуется либо избытком чувственности и нехваткой рассудка, либо нехваткой чувственности и избытком рассудка.

24. Если человек не может сдвинуться с места, он пользуется властословом или властодействием — быстрым решением.

25. Пожалуй, стыд есть чувство профанации. Дружба, любовь, пиетет должны быть окружены тайной. Говорить о них стоит только в редкие, интимные мгновения, понимая

друг друга без слов. — Многое слишком хрупко, чтобы стать мыслью, а тем более темой для беседы.

26. Самоотчуждение — источник унижения, но и фундамент истинного возвышения. Первый шаг — взгляд внутрь — изолирующее созерцание самости; но ограничиться только им — значит застыть на полпути. Второй шаг — энергичный взгляд вовне — самостоятельное, активное наблюдение внешнего мира.

Человек никогда не создаст ничего выдающегося как художник, если умеет изображать только свою жизнь и свои любимые предметы, если не может заставить себя тщательно изучить совершенно незнакомый, неинтересный предмет и изобразить его, не торопясь. Художник должен уметь изображать все и хотеть этого. Так возникает большой художественный стиль, которым по праву все так восхищаются у Гёте.

27. Удивительная особенность Гёте проявляется в связывании мелких, незначительных эпизодов с более важными событиями. Кажется, что он не преследует при этом никакой иной цели, как поэтическими средствами, мистической игрой привести в действие воображение. И здесь этот необыкновенный человек проник в тайну природы и выведal у нее славный художественный прием. Повседневная жизнь полна подобными случайностями. Они играют в игру, которая, как всякая игра, построена на неожиданности и иллюзии.

Многие приметы народной жизни зиждутся на этой обратной связи — так, например, кошмар означает счастье, порча на смерть — долголетие, заяц, перебегающий дорогу, — несчастье. Почти все суеверия простонародья держатся на толкованиях этой игры.

28. Высшая цель образования — овладение своей трансцендентальной самостью — Я своего я. Тем меньше следу-

ет пугаться недостатка чувств и понимания по отношению к другим людям. Без совершенного самопонимания настоящего понимания других достичь невозможно.

29. Только тогда я выдаю понимание писателя, когда могу действовать в его духе и, не умаляя его индивидуальности, переводить и многообразно изменять его.

30. Юмор — это нарочитая манера притворяться. Здесь пикантна именно нарочитость — юмор есть результат свободного смешения условного и безусловного. Благодаря юмору нечто частное и условное становится интересным для всех и приобретает объективную ценность. Где фантазия соприкасается с силой суждения, возникает остроумие, где разум сочается с нарочитостью — юмор.

Персифлаж относится к юмору, но он рангом ниже — это не чистое искусство (и весьма ограниченное). Светлые души лишены остроумия. Остроумие свидетельствует о дисбалансе, является следствием душевного расстройства, но и средством его преодоления. Самым сильным остроумием обладает страсть. Настоящее светское остроумие не бывает трескучим. Существует род такового, который есть магическое сияние высших сфер. Состояние полного распада — отчаяние или духовная смерть — есть выражение самого жуткого остроумия.

Незначительное, грубое, низкое, уродливое, безнравственное только благодаря остроумию получает общественный статус. Подобное словно создано для *острого словца* — предназначено для остроты.

31. (Духовно то, в чем откровение духа не иссякает — по крайней мере, часто обновляется, представая в ином облике, а не только однажды, в самом начале, как во многих философских системах.)

32. Мы исполняем *миссию*. Мы призваны обустроить землю. Если нам явится дух, мы сможем овладеть нашей собственной духовностью — вдохновиться собой и духом; без вдохновения явления духа не бывает. Вдохновение — это явление и противоявление, стяжание и сообщение одновременно.

33. Человек продолжает жить и действовать только в идее — только в воспоминании о своем бытии. Иными средствами духовного воздействия в этом мире он пока не располагает. Поминование усопших является поэтому нашим долгом. Это единственный способ оставаться в общении с ними. Даже Бог действует в нас через веру, и никак иначе.

34. Интерес — это соучастие в страдании и деятельности другого существа. Меня интересует нечто, если оно способно пробудить мое соучастие. Нет выше интереса, чем интерес к самому себе, который является также основанием необычайной дружбы и любви; соучастие есть то, к чему меня побуждает человек, занятый самим собой, как бы приглашая меня своим сообщением соучаствовать в его деле.

35. Кого следует считать изобретателем остроумия? Всякое осознанное свойство — способ действия нашего духа — есть в самом прямом смысле вновь открытый мир.

36. То, что Шлегель так метко назвал иронией,⁶ есть, по моему мнению, не что иное, как следствие, характеристика настоящей разумности — истинного присутствия духа. Дух проявляется только в *чужом, воздушном* обличье. Мне кажется, что шлегелева ирония есть не что иное, как настоящий юмор. Одна идея может именоваться по-разному.

37. В наши дни дух проявляется фрагментарно, когда же, наконец, он проявится целостно? когда человечество осознает себя целиком?

38. Человек крепок истиной — изменяя истине, он изменяет себе. Предавая истину, он предает самого себя. Речь идет не о единичных нечестностях, а о поступках против убеждения.

39. О любимом предмете мы можем говорить и слушать бесконечно. Мы радуемся каждому новому, меткому и лестному слову. Не наша вина, что он не становится предметом, высшим из всех.

40. Мы запоминаем безжизненное вещество по его отношениям и формам. Мы любим вещество, потому что оно принадлежит любимому существу, несет его след или подобно ему.

41. Настоящий клуб есть смесь института и общества; будучи институтом, он имеет цель, но не какую-то определенную, а неопределенную, свободную — человечность как таковую. Всякая цель серьезна, а общество всегда весело.

42. Предметы светских развлечений — не что иное, как *средства оживления*. Этим объясняется выбор, смена, подход к ним. Общество есть не что иное, как *общая жизнь* — Неделимая мыслящая и чувствующая личность. Каждый человек — это общество в миниатюре.

43. Для нас уйти в себя — это абстрагироваться от внешнего мира. Для духов земная жизнь означает по аналогии внутреннее созерцание, вход внутрь себя, имманентное действие. Стало быть, земная жизнь происходит из изначальной рефлексии — примитивного самоуглубления, сосредоточения, которое так же свободно, как наша рефлексия. Наоборот, духовная жизнь в этом мире начинается с прорыва данной примитивной рефлексии — дух расправляет крылья, устремляется к себе, отчасти снимает первую рефлексию,

в этот момент он впервые произносит: Я. Это показывает, насколько относительно выход из себя и вход в себя. То, что мы называем входом в себя, есть на самом деле выход — новообретение первообраза.

44. Неужели нет ничего, что можно было бы сказать в пользу обычного человека, который с недавних пор подвергается беспримерному надругательству? Не требует ли косная посредственность максимальной силы? И должен ли человек быть чем-то большим, чем просто гражданином?

45. Где есть потребность к настоящему размышлению, а не просто к мышлению той или иной мысли — там *возможен прогресс*. Очень многие ученые лишены такой потребности. Они научились умозаключать и выводить следствия, как сапожник — тачать сапоги, но не открыли ни одной идеи и не пытались проникнуть в суть вещей. А между тем стяжать спасение можно только так. У многих эта потребность сохраняется только временно, постепенно она хиреет — то ли с возрастом, то ли с построением какой-нибудь системы, которую строили только ради того, чтобы в дальнейшем избавить себя от умственного напряжения.

46. Заблуждение и предрассудок — это тяжелое бремя; для активного человека, способного нести любой груз, они — косвенно стимулирующие средства, для пассивного — исключительно ослабляющие средства.

47. Народ — это идея. Мы должны стать народом. Совершенный человек — это маленький народ. Истинная популярность является высшей целью человека.

48. Каждая ступень развития начинается с детства. Поэтому земной человек, достигший высшей ступени развития, так похож на ребенка.

49. Трансцендентальная точка зрения на эту жизнь ждет нас — именно тогда жизнь станет для нас по-настоящему интересной.

50. Каждый возлюбленный предмет есть центр рая.

51. Интересное — это то, что ведет меня не к моей само-сти, а делает только средством и опосредующим звеном.

Классическое мне совершенно не мешает и аффицирует лишь косвенно, посредством меня самого. Оно не существует для меня как классическое, пока я не постигну, что оно способно аффицировать меня только при условии, что я решусь создать таковое, пока не исторгну его из себя и не позволю самостоятельно развиваться у меня на глазах. Данное развитие может занять только одно мгновение, чтобы совпасть с чувственным восприятием объекта — так что я вижу перед собой объект, в котором простой объект и идеал, *проникая друг в друга*, образуют Единый чудесный индивидуум.

52. Выведение формул для художественных индивиду-умов, благодаря которым их только и можно будет понять, является делом искусного критика, работы которого подго-тавливают историю искусства.

53. Чем сумбурнее человек (сумбурных людей называют дураками), тем больше из него может получиться в резуль-тате усердного самообразования — в то время как педанты, напротив, должны стараться сделаться настоящими учены-ми, основательными энциклопедистами. Сначала сумбу-рный человек вынужден бороться с мощными препятствия-ми: *медленно* вникает, трудно учиться работать, — зато потом он — мастер хоть куда. Педант стремительно входит в пред-мет, но еще стремительней выходит из него, быстро достига-ет второй ступени, но там-то он, как правило, и застревает. Ему тяжело даются последние шаги, и только в редких слу-

чаях он может заставить себя, достигнув определенного уровня мастерства, опять сделаться новичком.

Сумбурность указывает на избыток сил и способностей, на их диспропорцию, определенность — на правильные пропорции, но скудные способности и силы.

Оттого сумбурный так прогрессивен, так способен к совершенствованию, а педантичный, напротив, так рано впадает в филистерство.

Порядок и определенность еще не означают ясности. В результате работы над собой сумбурный человек достигает такой небесной прозрачности, такого просветления своей личности, какие педанту и не снились.

Истинный гений соединяет эти крайности. Он разделяет стремительность с последним и изобилие с первым.

54. Индивид способен только заинтересовать. Поэтому все классическое неиндивидуально.

55. Гениальное остроумие — это гениальное применение остроумия.

56. Истинное письмо по природе своей поэтично.

57. Остроумие как принцип родства есть одновременно *menstruum universale*.⁷

Остроумные сочетания: например, еврей и космополит — детство и мудрость — разбой и благонравие — добродетель и гетерия — избыток и недостаток способности суждения в наивности, и так далее *in infinitum*.

58. Человек выглядит наиболее достойно, если сразу осознаешь парадокс: перед тобой дух и определенный индивид одновременно. Кажется, что дух осеняет всякого замечательного человека, идеально пародируя зримое явление. У некоторых людей дух показывает зримому явлению зад.

59. Общественный инстинкт есть инстинкт организации. Благодаря духовной ассимиляции из невзрачных составных частей вокруг одухотворенного человека нередко складывается хорошее общество. Интересное есть материя, которая обращается вокруг красоты. Все лучшие свойства человеческой природы сконцентрированы подле духа и красоты.

60. Немец долго слыл Гансом-дурачком. Но вскоре он станет всем Гансам Ганс.

Как это бывает с дурачками — он будет ума наживать, в то время как его умники братья истлеют, так что хозяином в доме будет он один.

61. Самое лучшее в науках — их философский ингредиент, как жизнь в органическом теле. Если изъять из наук философию, то останется — земля, воздух и вода.

62. Человечество — юмористическая роль.

63. Наша древняя национальность была, как мне кажется, истинно римской — это естественно, ибо мы с римлянами имеем общее происхождение. Следовательно, имя «Римская империя» является правильным и многозначительным совпадением.

Германия есть Рим, как страна. Страна — это большая местность с садами. Возможно, что Капитолий там, где гуси кричат на галлов громче всего.

Инстинктивная универсальная политика и тенденция римлян близка и немецкому народу. Самое лучшее, что французы извлекли из революции, это порция немецкости.

64. Суды, театр, двор, церковь, правительство, общественные собрания — академии, коллегии и т. п. — это, так сказать, специальные внутренние органы мистического государственного индивидуума.

65. Все случайности нашей жизни суть не что иное, как материал, из которого мы можем сделать все, что пожелаем. Богатый духом человек достигнет в жизни многого — любое знакомство, любое происшествие является для одухотворенной личности первым звеном бесконечного ряда — началом бесконечного романа.

66. Немцы есть везде. Германский дух не ограничивается каким-нибудь одним государством, как и романский, эллинский или британский, — речь идет об общечеловеческих типах, которые в каком-то определенном месте просто возобладали над остальными и сделались всеобщими. Немецкость есть подлинная популярность, а потому — идеал.

67. Благородный дух купечества и оптовой торговли процветал только в Средневековье, особенно в эпоху немецкой Ганзы. Медичи и Фуггеры были настоящими купцами; купцы нашего времени в массе своей, включая Хоупов и Тепперов,⁸ просто-напросто торгаши.

68. Перевод может быть либо грамматическим, либо вольным, либо мифическим. Мифические переводы — стилистически самые высокие. Они представляют чистый, совершенный характер индивидуального художественного творения. Они являют не действительное художественное творение, но идеал такового. Примеров таких переводов, пожалуй, еще не существует. Но в духе некоторых критических сочинений и художественных рецензий обнаруживаются их светлые приметы. Тут нужен такой склад ума, в котором поэтический и философский дух полностью проникли бы друг в друга. Греческая мифология является отчасти таким переводом национальной религии. Современная Мадонна — тоже такой миф.

Грамматические переводы — это переводы в обыкновенном смысле. Они требуют весьма большой учености — но лишь дискурсивных способностей.

Вольные переводы, если они претендуют на истинность, без высшего поэтического духа осуществлены быть не могут. Они легко превращаются в травести — таков Гомер в ямбах у Бюргера, Гомер у Поупа⁹ — все французские переводы без исключения. Истинный переводчик такого рода должен сам сделаться художником и научиться выражать идею целого по своему усмотрению — он должен быть поэтом поэта и, не искажая авторской мысли, *одновременно* говорить в соответствии с собственной.

Подобным образом гений человечества соотносится с каждым человеком в отдельности.

Этими тремя способами можно переводить все, а не только книги.

69. Когда боль достигает высшей точки, наступает паралич чувствительности. Душа разлагается — отсюда убийственная стужа — свободная сила мышления — всесокрушающее бесконечное остроумие такого рода отчаяния. Отвергнув все, человек стоит, подобно губительной силе, один — не связанный с миром, он постепенно пожирает сам себя, являя собой принципы человеконенавистничества и богоненавистничества.

70. Язык бывает либо механическим — атомистическим, либо динамическим. Но настоящий поэтический язык должен быть органическим и живым. Как часто чувствуешь, что беден словами, при желании высказать несколько идей одновременно.

71. В государстве все является театральным действием, в народе — театральной игрой. Жизнь народа есть театральная игра. Документы являются мыслями государства, архивы — его памятью.

72. Чем чувства утонченнее, тем способнее к различению индивидуумов. Высшим чувством следует считать высшую восприимчивость самобытной природы. Ему соответствует талант фиксации индивидуума, возможности и энергия которого относительны. Если воля проявляется по отношению к этому чувству, то возникают страсти — за или против индивидуальности — любовь или ненависть.

Мастерства в исполнении собственной роли мы достигаем благодаря направлению этого чувства на самих себя, происходящего под контролем разума.

73. Истинная религиозность ни в чем так не нуждается, как в промежуточном звене, связующем нас с Божеством. Непосредственное общение с Ним для человека абсолютно невозможно. В выборе промежуточного звена человек должен быть полностью свободен. Даже минимальное принуждение в данном вопросе наносит религии вред. Выбор характеризует человека — и образованные люди выберут, таким образом, весьма сходные посредующие звенья, тогда как выбор необразованного человека обычно непредсказуем. Поскольку лишь немногие способны совершить свободный выбор, общезначимость некоторых промежуточных звеньев будет возрастать либо случайно — по ассоциации, либо в силу особой пригодности для этого. Так возникают государственные религии. Чем более самостоятельным становится человек, тем меньше промежуточное звено определяется количеством, совершенствуя при этом свое качество, и отношения человека с ним становятся все более многообразными и развитыми — фетиши — созвездия — животные — герои — боги — *Единственный* Богочеловек. Скоро становится заметно, сколь относителен выбор между ними, и невольно приходишь к мысли, что сущность религии не столько зависит от свойств посредника, сколько от восприятия оного и от взаимоотношений с ним.

Принимать посредника за истинного Бога — идолопоклонничество в широком смысле. Полный отказ от посредника есть *лжерелигия* — поэтому суеверие или идолопоклонничество и неверие или теизм, который можно обозначить как древний иудаизм, в обоих случаях является *лжерелигией*. Атеизм, напротив, есть лишь полное отрицание религии как таковой и не имеет к религии, следовательно, никакого отношения. Истинная религия принимает посредника за посредника, почитает его органом Божества — его чувственным явлением. В этом смысле иудеи получили в период Вавилонского пленения истинно религиозную тенденцию — религиозную надежду — веру в будущую религию, которая чудесным образом в корне преобразила их и сохранила в удивительном постоянстве вплоть до наших дней.

Но при ближайшем рассмотрении истинная религия кажется также антиномически разделенной на пантеизм и монотеизм. Позволю себе толковать пантеизм не в обыкновенном смысле, но понимать как следующую идею: органом Божества, посредником, может быть все, что угодно, если оно поднято мной на эту высоту; монотеизм, наоборот, означает веру в то, что в целом мире существует только Один орган, который соответствовал бы идее посредника и проповедника Божия, и я сам принуждаю себя к выбору такового, ибо в противном случае монотеизм не мог бы быть истинной религией.

Какими бы несовместимыми ни казались эти религии, их, пожалуй, можно объединить, сделав монотеистического посредника посредником среднего мира пантеистов, который как бы сконцентрируется вокруг него, так что оба будут нуждаться друг в друге, однако по-разному.

Молитва или религиозная мысль состоит, стало быть, из троично восходящей, неделимой абстракции или полагания. Каждый предмет может быть для религиозного человека храмом, как это было у авгуров.¹⁰ Дух такого храма — везде-

сущий первосвященник — монотеистический посредник, он один состоит в непосредственном общении с Отцом Вселенной.

74. Основа вечного соединения — абсолютная тенденция во всем. На ней зиждется власть иерархии, настоящего масонства и незримого союза истинных мыслителей, заключается возможность универсальной республики, какой ее начали воплощать римляне до эпохи цезарей. Сначала Август отступил от ее устоев, затем Адриан разрушил их до основания.

75. Так повелось, что начальника, первого чиновника в государстве путали с представителем гения человечества, который принадлежит единству общества или народа. В народе, как говорилось выше, все есть *театральная игра*, посредством которой проявляется народный дух. Этот зримый народный дух либо нисходит помимо нашей воли, как в тысячелетнем царстве, либо единодушно избирается в результате явного или молчаливого соглашения.

На эту тему существует много интересных исторических примеров.

В некоторых областях Индии полководец и жрец были разделены, и полководец играл вторую роль.

Слово «жрец» не должно сбивать с толку. Поэт и жрец в начале были едины, и только последующие эпохи разделили их. Но истинный поэт всегда оставался жрецом, как и истинный жрец всегда оставался поэтом, — не должен ли в будущем снова установиться старый порядок вещей? Всякий представитель человеческого гения мог бы легко быть поэтом *kat exochen*.¹¹

Впрочем, сказанному не противоречит, что большинство государей были, собственно говоря, не государями, а скорее представителями гения своего времени, в то время как правление, как это часто бывает, находилось в руках временщиков.

76. Наша повседневная жизнь представляет собой нескончаемый круговорот одних и тех же действий. Этот круг привычек является средством ради главного средства — нашего земного бытия как такового, в котором смешаны разнообразные способы существования.

Филистеры живут только повседневной жизнью. В этом главном средстве им видится единственная цель. Кажется, что они суетятся только ради повседневности, и их собственные высказывания свидетельствуют об этом. Поэзию они подмешивают к ней только *по крайней нужде*, так как уже привыкли к определенным перерывам в распорядке дня. Как правило, такие перерывы случаются по воскресеньям и могут именоваться поэтическими экстазами седьмого дня. По воскресеньям они не работают, позволяя себе больше, чем обычно, и эта воскресная кутерьма завершается сном, более крепким, чем всегда, отчего по понедельникам все начинает вертеться еще быстрее. Их *Parties de Plaisir* банальны, скучны и модны, но даже это удовольствие, впрочем как и остальные, они переварить не в состоянии. Высшей точки поэтического бытия они достигают во время путешествия, свадьбы, крестин или в церкви. Здесь самые смелые их желания находят полное удовлетворение и даже бывают превзойдены.

Их так называемая религия действует как простой опиат, возбуждая — оглушая — утешая страдание слабостью. Заутренние и вечерние молитвы необходимы им, как завтрак и ужин. Перестать молиться они не в состоянии. Грубый филистер рисует себе небесные блаженства, как масленицу, свадьбу, путешествие или бал. Утонченный — делает из неба пышную церковь с красивой музыкой, обильной позолотой и местами в партере для черни, в капеллах и хорах — для знати.

Но самые гнусные из всех — это революционные филистеры, и закваска этих смутьянов — алчная порода людей.

Грубое своекорыстие происходит от убогой ограниченности. Сиюминутное ощущение является для такого ничто-

жества проявлением высшей жизненности. Она для него превыше всего — неудивительно, что рассудок, пройдя дрессуру внешних обстоятельств, будет лишь лукавым рабом своего тупого господина, угадывающим и исполняющим его прихоти.

77. Первое время после открытия способности суждения всякое новое суждение было находкой. Ценность такой находки возрастала в зависимости от плодотворности и практической ценности. Сентенции, которые сегодня считаются банальными, в свое время требовали недюжинных интеллектуальных способностей. Нужно было проявить гениальность и остроумие, чтобы с помощью нового инструмента отыскать новые соотношения. Применение одного в самых своеобразных, интересных и общих областях человеческой деятельности вызывало необыкновенное восхищение и привлекало к себе внимание всех лучших умов. Так возникли гномические изречения,¹² которые так высоко ценились у всех народов и во все времена. Вполне возможно, что теперешние гениальные открытия со временем постигнет та же участь. Может быть, придет время, когда все они покажутся такими же тривиальными, какими сегодня нам кажутся моральные изречения, и новые, более возвышенные открытия, будут увлекать неутомимый дух человечества.

78. Понятие закона предполагает действенность. Бездействующий закон — это не закон. Закон есть каузальное понятие, смешение силы и мысли. Поэтому закон как таковой никогда не осознается. В той мере, в какой мы осознаем его, он есть только формула, т. е. мысль, которая может быть реализована. Неотступная, навязчивая мысль есть стремящаяся мысль, опосредующая закон и простую мысль.

79. Излишняя послушность органов чувств могла бы навредить нашему земному существованию. Дух в его ны-

нешнем состоянии использовал бы ее для разрушения. Известная *инертность* органа препятствует его излишней автономности и принуждает к регулярному взаимодействию с другими органами, как это и положено в земном мире. Его несовершенство состоит в том, что данным взаимодействием он привязан исключительно к этому миру, следовательно, и сам этот мир является принципиально конечным.

80. Наука о праве соответствует физиологии, мораль — психологии. Преобразование разумных законов науки о праве и нравственности в законы о природе дает основоположения физиологии и психологии.

81. Утрата духа соборности есть смерть.

82. В большинстве религиозных систем мы рассматриваемся как члены Божества, которые, если они не реагируют на импульсы Целого, не желают быть его членами, хотя и не сопротивляются ему напрямую, но все-таки своевольничают, могут подвергнуться со стороны Божества врачебному воздействию, в результате которого они либо исцелятся через боль, либо будут ампутированы вовсе.

83. Всякая специфическая инцитация¹³ свидетельствует о специфическом чувстве. Чем она новее — тем грубее, но тем и сильнее; чем более определенной, оформленной и уточненной она становится, тем — слабее. Так, первая мысль о Боге вызывает сильнейшую эмоцию во всем индивидууме, как и первая идея о философии, о человечестве, Вселенной и т. д.

84. *Глубинное сообщество всех знаний* — научная республика — высокая цель ученого.

85. Не определяется ли удаленность частной науки от общей, и, следовательно, ранг по отношению к другим наукам, числом ее принципов? Чем меньше принципов, тем выше наука.

86. Обычно искусственное можно понять лучше, чем естественное. Для простого требуется больше духа, чем для сложного, но меньше таланта.

87. Инструменты вооружают человека. Можно утверждать, что человек способен творить мир, недостает только адекватного аппарата — надлежащей экипировки чувственных инструментов. Начало положено. Так, принцип военного корабля содержится в идее кораблестроителя, который может воплотить свой замысел при помощи людских ресурсов, подходящих инструментов и материалов, посредством всего этого становясь как бы огромной машиной.

Идея текущего момента иногда требует огромных органов — огромных материальных масс. Следовательно, человек — если не актуально, то потенциально — является творцом.

88. При всяком прикосновении возникает субстанция, действие которой прекращается вместе с прикосновением. В этом причина всех синтетических модификаций индивидуума.

Бывают односторонние и взаимные прикосновения — первые обосновывают вторые.

89. Чем меньше знаний от природы, тем больше способность к знанию. Новое познание впечатляет глубже и живее. Это отчетливо видно в научной пропедевтике. Поэтому чрезмерные штудии притупляют эту способность. Второе незнание противоположно первому незнанию. То возникает из-за недостатка, это — из-за переизбытка знаний. Последнее

обычно имеет симптомы скептицизма. Бывает, однако, *Skepticismus spurius*¹⁴ — из-за косвенной слабости нашей способности к познанию. Мы не можем проникнуть сквозь материал и оживить его в определенной форме — не хватает *пластической силы*. Сказанное хорошо объясняет дух изобретательства молодых умов и энтузиастов, а также удачные приемы талантливого новичка или дилетанта.

90. Мало строить миры глубоко проникающей мыслью.

Только сердце любовью своей дух насытит, стремящийся
ввысь.

91. Мы соотносимся не только со всеми частями универсума, но с будущим и прошедшим.

Только от направления и продолжительности нашего внимания зависит, какое соотношение мы разовьем в большей степени, какое станет для нас самым важным — и действенным. Истинная методика этого действия не менее значима, чем изобретательское искусство — пожалуй, даже более. Человек ежечасно действует по ее законам, и возможность открыть таковые посредством гениального самонаблюдения бесспорна.

92. Историк организует исторические сущности. Исторические данные образуют массу, которую историк оформляет, оживляя ее. Следовательно, история тоже подчиняется общим принципам оживления и организации, но пока эти принципы не найдены, никакой исторической художественной системы не будет — только фрагменты, случайные оживления, следы деятельности чьей-то *непроизвольной* гениальности.

93. Доныне почти все гении были односторонни — результат болезненной конституции. У одних был переизбыток внешнего, у других — внутреннего чувства. Природе редко

удавалось добиться равновесия между ними — совершенной, гениальной конституции. Если случайно и складывалась безупречная пропорция, то долговечной она быть не могла, ибо не воспринималась духом и не фиксировалась им, — дальше счастливых исключений дело не шло. Первый гений, *проникший в собственную суть*, обнаруживший в ней прототип, зерно необъятного мира, сделал открытие, которому суждено было стать самым удивительным в мировой истории, — ведь с него начинается совершенно новая эпоха человечества — только на этой ступени становится возможной любая истинная история, ибо прежний путь является теперь *самобытным* целым, объяснимым во всех деталях. Искомая точка вне мира найдена, и Архимед может приступить к исполнению своего обещания.¹⁵

94. До абстракции все едино, но едино как хаос — в результате абстракции все снова объединяется в свободную коалицию самостоятельных существ, которые определяют сами себя — толпа стала обществом — хаос превратился в многообразный мир.

95. Если считать мир осадком человеческой природы, то мир богов является сублимацией таковой. Оба процесса происходят *uno actu*.¹⁶ Нет преципитации¹⁷ без сублимации.¹⁸ Потеря подвижности там компенсируется ее обретением здесь.

96. Где дети, там золотой век.

97. Обезопасить себя и невидимые силы — основа всех существовавших доныне теократий.

98. Путь аппроксимации¹⁹ состоит в чередовании прогрессов и регрессов. Оба замедляют — оба ускоряют — оба ведут к цели. В романе создается иллюзия, что поэт то

приближается к цели, то опять отдаляется от нее, но ближе всего она бывает тогда, когда кажется максимально удаленной.

99. Преступник не может жаловаться на несправедливость, если с ним обошлись сурово и бесчеловечно. Преступление ввергло его в царство насилия и тирании. Мер и пропорций в этом мире не существует, поэтому несоразмерность воздаяния не должна его удивлять.

100. (Учение о мифе содержит историю мира в его первообразе — оно охватывает доисторическую, современную и будущую эпоху. Человеческий мир — это коллективный орган богов. Поэзия объединяет их и нас.)

101. Абсолютно *спокойно* то, что внешнему миру представляется абсолютно неподвижным. Каким бы внутренне изменчивым оно ни было, по отношению к внешнему миру оно всегда остается в покое. Это положение относится ко всем самомодификациям. Оттого прекрасное предстает таким спокойным. Все прекрасное есть *самопросветленный* совершенный индивид.

102. Всякий человеческий образ оживляет индивидуальный зародыш в наблюдателе. Тем самым данное созерцание становится бесконечным — связанным с чувством неиссякаемой силы и потому абсолютно животворным. В самосозерцании мы оживляем самих себя.

Без такого видимого и чувствуемого бессмертия — *sit venia verbis*²⁰ — мы не могли бы по-настоящему мыслить.

Очевидная неспособность брэнного тела быть выражением и органом живущего в ней духа есть неопределенная, движущая мысль, на которой зиждутся все истинные мысли, — причина эволюции интеллекта, приводящая к гипотезе интеллигибельного мира, бесконечному ряду форм выражения

и органов всякого духа, экспонентом или корнем которого является его индивидуальность.

103. Чем система нелепее, тем больше она нравится много-мудрым господам. Так, система материалистов, учение Гельвеция, а также Локка этой компанией приняты на ура. Поэтому Кант и сегодня найдет больше сторонников, чем Фихте.

104. Искусство писать книги еще не изобретено. Но его скоро изобретут. Эти фрагменты — литературные семена. Если даже некоторые колосья засохнут — какие-то все равно взойдут.

105. Тексты Шлегеля — лирические философемы. Его Форстер и Лессинг²¹ — превосходные минуспоззии, родственные пиндарическим гимнам. Лирический прозаик пишет логические эпиграммы. Если же он совершенно опьянен жизнью, то получатся дифирамбы, о которых, правда, и судить следует как о дифирамбах и наслаждаться ими в этом качестве.

Восторг в произведении искусства не должен превышать половины. Если он заполняет его целиком, произведение искусства разваливается — человек превращается в животное, характер которого — дифирамбический. Животное — избыточная жизнь, растение — скудная жизнь. Человек — *свободная жизнь*.

106. (Нередко Гемстергейс бывает логическим гомеридом.²²)

107. (Философемы Гёте воистину эпичны.)

108. Если Дух освящает, то всякая истинная книга — Библия.

109. Всякий индивидуум есть центр системы эманаций.

110. Если дух подобен благородному металлу, то большинство книг — эфраимиты.²³

Всякая *полезная* книга — это в лучшем случае сильный сплав. Благородный металл в чистом виде не используется для хозяйственных нужд.

Так и книга редко пишется исключительно в литературных целях. Со многими настоящими книгами дело обстоит, как с золотыми самородками в Ирландии. Долгие годы они служили только эталонами веса. Наши книги — бумажные деньги, курс которых определяется учеными. Пристрастие современного мира к золотым из бумаги приводит к тому, что подобные книги плодятся с бешеной скоростью.

111. (Многие книги длиннее, чем кажутся. В самом деле — у них нет конца. Скука, которую они навевают, абсолютна и бесконечна. Образцовые примеры такого рода явили господа: профессор Хайденрих, Якоб, Абихт и Пёлиц.²⁴ Этот перечень каждый может пополнить собственными экземплярами такого рода.)

112. Во многих книгах ход мыслей автора или та основа, на которую наклеены факты и события, представляет собой стечение удивительнейших психических феноменов — весьма поучительных для антропогноста,²⁵ — полное следов астенических²⁶ задатков и внутренних воспалений.

113. Рецензенты — это литературные полицейские. Врачи тоже являются полицейскими. Поэтому должны существовать критические журналы, которые осуществляют художественное медицинское и хирургическое лечение авторов, а не только ставят диагноз, злорадно объявляя о нем. Прежние методы лечения были по большей части варварскими.

Настоящая полиция не только защищается от наличного зла и противоборствует таковому — она стремится устранить саму предрасположенность к болезни.

114. (Всеобщая литературная газета²⁷ адресуется тем, кто из пристрастия к мирским удовольствиям стремится растянуть свою жизнь, насколько это возможно. Макробиотика Хуфеланда²⁸ уже давно прошла апробацию благодаря экспедиции Всеобщей литературной газеты. Вначале она произвела шум новыми идеями. У нее всегда была хилая конституция. Продолжительные манипуляции с кантовскими понятиями весьма ей повредили. Ныне став осмотрительней, она с помощью постной пищи, трезвого образа жизни, приспособления к погодным условиям, вкупе с хваленым хуфеландовским принципом медиокрии,²⁹ пытается продлить золотой сон земного бытия как можно дольше.)

115. (Многие контрреволюционные книги написаны для революции. Но Бёрк³⁰ написал революционную книгу против революции.)

116. (Большинство свидетелей революции, особенно самые умные и благородные, объявили ее смертельно опасной заразой, однако дальше симптомов не пошли, толкуя их каждый по-своему. Некоторые посчитали революцию лишь локальной болезнью, самые гениальные противники ратовали за кастрацию — они, видимо, смекнули, что эта так называемая болезнь есть не что иное, как кризис половой зрелости.)

117. (Можно ли желать чего-то большего, чем быть современником поистине великого человека? Большинство нынешних образованных немцев придерживается иного мнения — они достаточно воспитаны, чтобы отрицать все великое и мерить всех одним аршином. Если бы система Коперника не была столь прочной, они не упустили бы удобного случая объявить солнце и звезды фантомами, а Землю — центром Вселенной. Великий человек и наш современник оклеветан и ошельмован только потому, что не угодил их представ-

лениям о досуге, заставив на мгновение устыдиться самих себя. Интересным симптомом малодушия стала реакция на «Германа и Доротею». ³¹⁾

118. Гёте — ныне истинный наместник поэтического духа на земле.

119. (Описание людей до сих пор было невозможно, потому что никто не знал, что такое человек, — как только узнают, что он такое, станет возможным генетическое описание индивидуумов.)

120. (Кто хочет понять эти фрагменты буквально, может считаться порядочным человеком, но не должен выдавать себя за поэта. Быть серьезным всегда и во всем? Кто слишком стар для фантазий, пусть сторонится юношеских собраний. Пробыл час литературных сатурналий ³² — чем жизнь пестрее, тем лучше.)

121. (Геогносты полагают, что физический центр тяжести находится под Фесом и Марокко; Гёте, как антропогност, высказывает в «Мейстере» мнение, что интеллектуальный центр тяжести залегает под немецкой нацией. ³³⁾

122. (Где решает большинство — там сила господствует над формой, в противном случае превосходство у меньшинства.

Теоретиков политики нельзя упрекнуть в смелости. Еще никому не приходило в голову поставить эксперимент: можно ли объединить монархию и демократию как элементы истинного универсального государства и с какой целью?

Истинная демократия есть абсолютное минус-государство. Истинная монархия есть абсолютное плюс-государство. Конституцией монархии является характер властителя, гарантией — его воля.

Демократия в обычном смысле, по сути, ничем не отличается от монархии, только монарх здесь — многоголовый. Истинная демократия есть протестантство — естественное состояние в политике, тогда как протестантизм в узком смысле — естественное состояние в религии.

Умеренная форма правления — полуюестественное, полугосударственное состояние — искусственный и весьма хрупкий *механизм*, для глубоких умов потому неприемлемый — но в наше время модный. Если этот механизм превратить в живое, автономное существо, то решится большая проблема. Естественный произвол и законы искусства могут смешиваться, если их растворить в духе. Дух сделает их текучими. Дух всегда проявляет себя поэтически. Поэтическое государство — истинное, совершенное государство.

Высокодуховное государство не может не стать поэтическим: чем больше духа и духовного общения в государстве, тем оно ближе к поэтическому — чем радостнее человек ограничит свои запросы и пожертвует всем необходимым из любви к прекрасному, великому индивидууму, тем меньше государство будет принуждать его к этому, тем сильнее государственный дух уподобится духу единичного образцового человека, который высказал один-единственный вечный закон — будь добр и поэтичен, насколько возможно.)

123. (Нет ничего более поэтического, чем воспоминание и предчувствие или представление будущего. Обыденное настоящее сопрягает их через ограничение — возникает соседство, через застывание — кристаллизация. Но существует и духовное настоящее — оно отождествляет их через растворение, такая смесь является стихией, атмосферой поэта. Бездуховность есть материя.)

124. (Представления о прошлом тянут нас к смерти и тлену, представления о будущем побуждают нас к оживлению — к воплощению, к ассимилирующей действительности.

Поэтому всякое воспоминание печально, всякое предчувствие радостно. Первое смиряет излишнюю жизненность, второе возвышает слишком слабую жизнь.)

125. (Истинный читатель должен быть продолжением автора. Он есть высшая инстанция, так как получает от низшей уже подготовленную вещь. Чувство, посредством которого автор отбирал материал для книги, при чтении отделяет художественное от нехудожественного — и если один читатель подвергнет книгу обработке в соответствии со своей идеей, то второй еще больше очистит ее благодаря тому, что перелет обработанную массу из одного свежего сосуда в другой, сделав ее существенным элементом — звеном животворящего духа.

Непредвзято перечитывая собственную книгу, сам автор может облагородить ее. При постороннем вмешательстве часто утрачивается самобытность, ведь умение вживаться в чужую идею — такой редкий дар. Автор проявляет высшую образованность и талант, правильно критикуя собственную книгу. Новые впечатления обостряют восприятие совершенно естественно.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот фрагмент соотносится с сочинением Шеллинга «О Я как принципе философии или о безусловном в человеческом знании» (1795), в котором говорится: «Обуславливать означает действие, посредством которого нечто становится обусловленностью, обусловлено то, что стало обусловленностью, из чего одновременно явствует, что ничто не может быть обусловлено посредством самого себя, т.е. безусловная обусловленность есть противоречие. Безусловно то, что ни чем не обусловлено и не может быть обусловленностью ни при каких обстоятельствах. ...Безусловное не может содержаться ни в обусловленности, ни в том, что может ею стать, а только в том, что не может быть обусловленностью ни при

каких обстоятельствах, т. е. если есть абсолютное Я, то безусловное содержалось бы в оном» (перевод наш. — А. В.).

² От *лат.* *Incitatio* — побуждение.

³ Улучшение и ухудшение (*лат.*).

⁴ Представление «внутреннего царства» было распространено в литературе XVIII в., например в «Вертере» Гёте (письмо от 22 мая): «Я ухожу в себя и открываю целый мир!» (Гёте И. В. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1978. С. 13). Для Новалиса эта мысль имеет центральное значение: самопознание означает для него познание мира (см. вступительную статью) и будущего. Ср. стихотворение «Познай самого себя» (Новалис. Генрих фон Офтердинген. М., 2003. С. 182—183).

⁵ Эразм Дарвин (1731—1802) — английский естествоиспытатель и поэт.

⁶ В «Критических фрагментах» Фр. Шлегель писал:

«108. Сократовская ирония — единственное вполне произвольное и вместе с тем вполне обдуманное притворство (*Verstellung*). Одинаково невозможно как измыслить ее искусственно, так и изменить ей [...] В ней все должно быть шуткой и все должно быть всерьез, все чистосердечно откровенным и все глубоко сокрытым [...] Она содержит и пробуждает чувство неразрешимого противоречия между безусловным и обусловленным, между невозможностью и необходимостью исчерпывающей полноты высказывания. Она есть самая свободная из всех вольностей, ибо благодаря ей можно возвыситься над самим собой, и в то же время самая закономерная, ибо она безусловно необходима. Хороший знак, что гармоническая банальность не знает, как отнестись к этому постоянному самопародированию, когда вновь и вновь нужно то верить, то не верить, пока у нее не закружится голова, и она не станет шутку принимать всерьез, а серьезное считать шуткой [...] (Шлегель Фр. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. М., 1983. С. 286—287).

⁷ *Menstruum universale* — универсальный растворитель, названный так потому, что, по мнению алхимиков, для полного растворения вещества требуется один философский месяц, равный сорока дням.

⁸ Медичи — флорентийское аристократическое семейство, неоднократно правившее Флоренцией с XIII по XVIII век. Фуггеры — крупнейший торговый и банкирский дом Германии в XV—XVII вв. Английский банкир и купец Д. В. Хоуп (1757—1813) основал

в Амстердаме фирму Хоуп & Ко., но потом вернулся в Англию. Кто такой Теппер неизвестно.

⁹ Готфрид Август Бюргер (1747—1794) — знаменитый поэт и переводчик, автор первой немецкой художественной баллады «Ленора». Бюргер перевел некоторые части «Илиады» ямбами. Первые 425 стихов вышли в издаваемой учителем Бюргера А. Клотцем «Немецкой библиотеке изящных искусств» в 1771 г.

Александр Поуп (1688—1744) — английский поэт-классицист, реформатор английского стиха, переводчик Гомера.

¹⁰ Авгуры — члены почетной римской жреческой коллегии, выполнявшие официальные государственные гадания для предсказания исхода тех или иных мероприятий по ряду природных признаков (молния) и поведению животных (полет птиц). Авгуры совершали гадания в специальных местах — *templa*, на которых впоследствии возводились храмы.

¹¹ В истинном смысле (*греч.*).

¹² Гнома (*др.-греч.* γνῶμη — мысль, мнение) — нравоучение, образное изречение, выражающее некий философский смысл или правило мудрости.

¹³ Инцитация — раздражение или потенция возбуждения в системе английского физиолога Джона Брауна.

¹⁴ Ложный скептицизм (*лат.*).

¹⁵ Перевернуть Землю, если ему дадут соответствующую точку опоры.

¹⁶ Одним действием (*лат.*).

¹⁷ Преципитация (*лат.* praecipitatio — осаждение) — это серологическая реакция, заключающаяся во взаимодействии растворимого антигена с антителом с последующим выпадением мелкозернистого осадка (преципитата).

¹⁸ Сублимация (возгонка) — переход вещества из твердого состояния сразу в газообразное, минуя жидкое. Поскольку при возгонке изменяется удельный объем вещества и поглощается энергия (теплота сублимации), возгонка является фазовым переходом первого рода. Обратным процессом является десублимация. Примером десублимации являются такие атмосферные явления, как иней на поверхности земли и изморозь на ветвях деревьев и проводах. Этот термин получил особое значение в психоанализе. Сублимация — защитный механизм психики, представляющий собой способ снятия внутреннего напряжения с помощью перенаправления энергии на достижение со-

циально приемлемых целей, творчество. Впервые описан Фрейдом.

¹⁹ *Approximatio* (лат.) — приближение.

²⁰ *Sit venia verbis* (лат.) — с позволения сказать.

²¹ Иоганн Георг Адам Форстер (1754—1794) — немецкий просветитель, публицист, писатель, путешественник, учёный-естествоиспытатель, этнограф, общественно-политический деятель, один из вождей Майнцской республики. Участник второго кругосветного плавания Джеймса Кука.

Готхольд Эфраим Лессинг (1729—1781) — немецкий поэт, драматург, теоретик искусства и литературный критик-просветитель. Основоположник немецкой классической литературы.

Статьи Фр. Шлегеля «Георг Форстер» и «О Лессинге» появились в 1797 г.

²² Гомерид — рапсод и почитатель Гомера.

²³ Эфраимиты — насмешливое прозвище монет с низким содержанием драгоценных металлов, изготавливаемых Итцигом и Эфраимом по заказу прусского монетного двора во время Семилетней войны.

²⁴ Поэт и философ К. Х. Хайденрих (1764—1801) — профессор философии в Лейпциге до 1798 г., философ Л. Х. Якоб (1759—1827), И. Х. Абихт (1762—1816) — с 1790 г. профессор философии в Эрлангене и К. Л. Пёлиц (1772—1838), с 1795 г. профессор этики и истории Рыцарской академии в Дрездене.

²⁵ Антропогност — «знаток человека», «человековед», неологизм, образованный по аналогии с геогностом — «знатоком Земли».

²⁶ Астенические задатки — термин учения о возбуждении Дж. Брауна.

²⁷ Всеобщая литературная газета издавалась с 1785 г. Х. Г. Шютцем в Йене. Была ведущим критическим и рецензионным изданием этого времени, пропагандировавшим идеи Канта, классицизма и гуманизма. Постепенно возник конфликт между старым поколением просветителей и новым поколением романтиков, который завершился выходом А. В. Шлегеля из редакционного совета в 1799 г. Критика Новалиса предвещает этот конфликт.

²⁸ К. В. Хуфеланд (1762—1836) был одним из самых знаменитых врачей своего времени, опубликовавший в 1796 г. труд под названием «Макробиотика, или искусство продления человеческой жизни».

²⁹ Принцип медиокрии — основоположение макробиотики, которое состоит в том, чтобы сдерживать и ослаблять слишком возбуждающие влияния на организм.

³⁰ Э. Бёрк, написавший «Размышления о революции во Франции» (Лондон, 1790 г.), развивал идею о традиционалистском укладе государства.

³¹ Великий человек — Гёте. Замечание Новалиса касается в первую очередь полемики по поводу опубликованных в журнале «Альманах муз на 1797 г.» «Ксений» Гёте, а также «Германа и Доротеи» (1797 г.), в отношении которых мнения также разделились.

³² Сатурналии (лат. Saturnalia) — у древних римлян праздник в честь Сатурна, с именем которого жители Лацио связывали введение земледелия и первые успехи культуры. Праздник приходился на последнюю половину декабря — время, когда заканчивались земледельческие работы и все стремились к отдыху и веселью в связи с окончанием жатвы. Во время сатурналий приостанавливались общественные дела, школьники освобождались от занятий, преступников возбранялось наказывать. Рабы получали в эти дни особые льготы: они освобождались от обычного труда, имели право носить *pilleus* (символ освобождения), получали разрешение есть за общим столом в одежде господ и даже принимали от них услуги.

³³ В романе И. В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» Аврелия говорит: «Я расплачиваюсь за то, что родилась немкой; в натуре немцев все отягощать для себя и собой отягощать все» (Гёте И. В. Годы учения Вильгельма Мейстера // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М., 1978. С. 226).

ВЕРА И ЛЮБОВЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АФОРИЗМЫ 1798 год

ВЕРА И ЛЮБОВЬ,¹
ИЛИ
КОРОЛЬ И КОРОЛЕВА

Предисловие

1. Если в большом и пестром обществе захочешь поговорить с немногими о чем-нибудь тайном, а сидишь не рядом с ними, следует прибегнуть к особому языку. Такой особый язык должен быть чужим либо по тону, либо по образам. Последний будет языком тропов и загадок.

2. Многие полагали, что о тонких и деликатных предметах следует говорить на ученом языке, например, писать о них по-латыни. А что если попытаться говорить об этих вещах на обычном, общепринятом языке так, чтобы было понятно только тому, кому следует. Всякая настоящая тайна сама по себе исключает профанов. Кто ее понимает, тот по праву может считаться посвященным.

3. Мистическое выражение есть дополнительный стимул для мысли. Всякая истина стара как мир. Прелесть новизны — только в варьировании выражения. Чем контрастнее явление, тем больше радость узнавания.

4. Что любишь, найдешь везде и повсюду увидишь подобие. Чем больше любовь, тем шире и многообразнее этот подобный мир. Моя возлюбленная — аббревиатура универсума, универсум — элонгатура возлюбленной. Все науки дарят своему другу цветы и сувениры для его возлюбленной.

5. Откуда, однако, берутся серьезные, мистико-политические философы? Одухотворенный человек выражает высшую жизнь во всех своих действиях, т. е. философствует, и философствует живее, чем обычно, *поэтичнее*. Даже его баритон участвует в симфонии сил и органов. Не выигрывает ли, впрочем, всеобщее от индивидуальных, а индивидуальное — от всеобщих отношений?

6. Позвольте стрекозам² лететь, невинным странницам ввысь,

Следуя звездной чете,³ с дарами вернутся домой.

* * *

7. Пожалуй, цветущая страна является художественным произведением более царственным, нежели парк. Устроенный со вкусом парк — английское изобретение. Страна, услаждающая ум и сердце, могла бы стать немецким изобретением; ее изобретатель стал бы королем изобретателей.

8. Лучший из французских монархов вознамерился сделать своих подданных настолько зажиточными, чтобы каждый мог позволить себе по воскресеньям есть курицу с рисом.⁴ Не следует ли, однако, предпочесть такое правление, при котором крестьянин больше бы радовался куску заплесневелого хлеба, нежели жаркому, и от всего сердца благодарил Бога за счастье родиться в этой стране?

9. Если бы завтра я сделался государем, то попросил бы у короля эвдиометр,⁵ как у него. Для государя нет инструмента более насущного, чем этот. А жизненный воздух для моего государства я, как и он, добывал бы не из селитры, а из цветущих растений.

10. Золото и серебро — это кровь государства. Скопление крови в сердце и голове свидетельствуют об их слабости. Чем сильнее сердце, тем энергичнее и щедрее оно разгоняет кровь на периферию тела. Если каждый член насыщен теплом и жизнью, то кровь стремительно и мощно течет обратно в сердце.

11. Рухнувший трон подобен падающей горе, которая раскалывает равнину и оставляет мертвое море там, где прежде были плодородный край и уютный очаг.

12. Сравняйте горы, и море отблагодарит вас. Море — стихия свободы и равенства. Но оно предостерегает — не наступайте на серный камень, не то проснется вулкан, а с ним и зародыш нового континента.

13. Тлетворные испарения морального мира ведут себя иначе, чем их тезки мира природного. Одни поднимаются ввысь, другие стелются по земле. У жителей гор нет лучшего средства от этих испарений, чем цветы и солнце. Но цветы и солнце наверху редко встречаются. На одной из самых больших моральных высот, однако, уже и сейчас можно наслаждаться чистым воздухом и любоваться цветущей в солнечных лучах лилией.⁶

14. Нечего удивляться тому, что горные пики иной раз низвергались в долины и опустошали поля. Они были окружены злыми облаками, которые скрывали их подножие; равнина казалась им мрачной пропастью или возмущенным

морем, от которых, казалось, их защищали облака, но на самом деле ничто против них не возмущалось, не отупляло и не подтачивало их так, как притворная преданность облаков.

15. Настоящая королевская чета является для всего человека тем, чем конституция — для простого рассудка. Конституция интересна только как буква. Если знак — не прекрасный образ или музыка, то преданность знаку является самой порочной из всех наклонностей. — Что есть закон, как не волеизъявление любимой и почитаемой личности? Не нуждается ли мистический суверен, как любая идея, в символе, а какой символ достойнее и точнее милого и превосходного человека? Лаконичность дорого стоит, и не является ли человек более лаконичным и красивым выражением духа, нежели коллегия? Того, кто богат духом, рамки и различия не стесняют, а, наоборот, стимулируют. Гнет и препоны чувствует только бездуховный. Впрочем, лучше, когда король рожден, а не сделан. Даже превосходнейший из людей, будучи вознесен на такую высоту, не устоит. А родившийся королем не страдает головокружением и всегда остается хладнокровным. Но не является ли выбор по рождению в конце концов примитивным? В свободе и единодушии такого избранничества могут усомниться только те, в ком нет жизненного чувства.

Кто вздумает ссылаться на исторические факты, даже не понимает, о чем я говорю и что доказываю; это для него китайская грамота, и я бы посоветовал такому человеку отправиться восвояси и не слушать того, чей язык и обычай ему абсолютно чужды.

16. Наступила эпоха буквы, допустим. Для эпохи мало лестного в том, что она так далека от природы, так бессмысленна для семейной жизни и так враждебна к самой прекрасной и поэтической форме общества. Как изумились бы наши космополиты, если бы эра вечного мира и высшее со-

стояние человечества предстали перед ними в форме монархии? Бумажные цепи, сковавшие людей, будут разорваны, дух прогонит призраков, которые подменили его буквами, раскромсали перьями и пресс-папье, и человечество соединится, как влюбленная пара.

17. Король — такой же прочный жизненный принцип для государства, как солнце — для солнечной системы. Вокруг этого принципа сосредотачивается высшая жизнь государства, его световая атмосфера. В гражданине она более или менее минерализируется. Поэтому высказывания гражданина в присутствии короля блистательны, наполнены высокой поэзией и жизнью. Если при высшем оживлении дух наиболее действенен, действие духа есть рефлексия, а рефлексия, по своей сути, созидательна, то с высшим оживлением сопряжена прекрасная и совершенная рефлексия, и, следовательно, речь гражданина в присутствии короля будет выражением скрытого переизбытка сил и оживленнейших порывов, сдерживаемых почтительным благоразумием и регламентированным поведением. Королевский двор не может существовать без этикета. Однако бывает естественный этикет, прекрасный, и этикет надуманный, модный и уродливый. Введение первого станет немаловажной заботой мыслящего короля, ибо такой этикет влияет на вкус и любовь к монархической форме правления.

18. Каждый гражданин государства является государственным чиновником. Доходы он получает только в качестве такового. Абсолютно неправильно считать короля первым чиновником государства. Король не является гражданином государства, а потому не является государственным чиновником. В том-то и состоит отличие монархии, что она основана на вере в человека, высшего по рождению, на добровольном предположении идеального человека. Нельзя выбрать себе правителя среди равных, нельзя делегировать что-либо чело-

веку, находящемуся в том же положении, что и я. Монархия есть истинная система, потому что она сопрягается с абсолютным центром, с существом, принадлежащим человечеству, а не государству. Король — это человек, возвышенный до земного фатума. Такое поэтическое сравнение просто напрашивается. Только оно утоляет томление человеческой природы. Придет время, когда все люди будут достойны трона. Средством воспитания для этой далекой цели является король. Король постепенно сделает своих подданных такими, как он. Каждый человек — потомок древнейшего рода королей. Но совсем немногие несут печать своего происхождения.

19. Большая ошибка наших государств в том, что государства почти не видно. Государство должно быть видимо везде, каждый человек — считаться гражданином. Введение значков и мундиров представляется мне вполне допустимым. Кто считает все это ничтожным, не понимает своеобразия нашей природы.

20. В нынешнее время у регента нет более целесообразного способа сохранения государства, чем максимально возможная его индивидуализация.

21. Старинная гипотеза, что кометы — это революционные факелы мировой системы, имеет в виду, конечно, кометы иного рода, которые периодически революционизируют и обновляют духовную систему мира. Астроном духа уже давно наблюдает влияние подобных комет на важную часть духовной планеты, именуемую человечеством. Мощные наводнения, климатические катаклизмы, гравитационные колебания, общая тенденция к сжижению, странные метеоры суть симптомы резкого возбуждения, последствия которого составят содержание новой эпохи. Никто не станет отрицать, что в определенные периоды ради создания новых, нужных

соединений и новых, более чистых кристаллов без текучести не обойтись, но, с другой стороны, кризис следует смягчать и не допускать полного разжижения, если мы хотим сохранить стержень, ядро, вокруг которого образуются новые, более совершенные формы вещества. Поэтому плотное должно уплотняться еще больше, чтобы снизить избыточность тепловой материи, и нужно сделать все возможное, чтобы остановить размягчение костей и разрыв важнейших сосудов.

Нет большей бессмыслицы, чем устраивать перманентный кризис и видеть в лихорадке истинное, здоровое состояние, поддерживать которое все человечество призвано. Но, с другой стороны, кто станет сомневаться в его необходимости и благотворном воздействии?

22. Придет время (оно не за горами), когда все поймут, что король не может существовать без республики, а республика — без короля, что они нераздельны, как душа и тело, и что король без республики и республика без короля — пустые слова. Поэтому вместе с настоящей республикой всегда появлялся король, вместе с настоящим королем — республика. Настоящий король станет республикой, настоящая республика — королем.

23. Кто сегодня ниспровергает монархию как таковую, боготворит новую французскую манеру, принимает республику только как представительство и догматически утверждает, что республика возможна только там, где проводятся первичные собрания и выборы, имеется директория, советы, муниципалитеты и деревья свободы,⁷ есть ничтожный филистер и казуист, маскирующий духовную нищету и бессердечие, пустоту и внутреннее бессилие пестрыми лозунгами крикливой моды, импозантной маской космополитизма; иных противников, кроме обскурантов, он не заслужил пугало из войны мышей и лягушек.

24. Пожалуй, только предчувствие ее значения делает короля королем.

25. Вся жизнь короля станет тем, чем у других государей она была только в первый день. Большинство из них правит только в первый день. Один день длится жизнь этих эфемерных правителей. Затем они умирают, и их мощами прикрываются многочисленные злоупотребления. Большинство так называемых правлений являются междоусобицами; государи же — красный, священный воск, санкционирующий указы.

26. Что такое ордена? Блуждающие огни или метеориты. Орденская лента должна быть млечным путем, хотя обычно это только радуга, обрамление грозы. Письмо или портрет королевы — вот это был бы орден, высшая награда, — награда, вдохновляющая на великие свершения. Заслуженные домохозяйки тоже должны получать подобные знаки почета.

27. Поприще королевы не политическое, а в высоком смысле домашнее. Главным образом, ей подобает воспитание народа, присмотр за младенцами и домашними обычаями, попечение о сирых и больных, особенно среди ее подданных, изящное украшение дома, проведение семейных торжеств, устройство справедливой придворной жизни. Она могла бы обзавестись собственной канцелярией, где ее супруг состоял первым министром, вместе с которым она все продумывала. Воспитание народа предполагает упразднение механизмов его рабства. Как ужаснулась бы королева, если бы, посетив город, обнаружила, что угнетение народа стало официальным ремеслом. Нет наказания, которое для этих хриstopродавцев было бы достаточно суровым. Убийство куда невиннее. Пресловутая безопасность, которая достигается таким способом, является своеобразным потворством жестокости. Насколько правительство не имеет права вторгаться в част-

ную жизнь, настолько оно обязано со всей строгостью расследовать любую жалобу, любой общественный скандал, любое заявление или иск. Кто обладает большим правом взять под защиту оскорбленный народ, как не королева? Это она краснеет, попадая в город, ставший вместилищем и рассадником разврата.

Подаваемый ею пример окажет бесконечно сильное воздействие. Счастливые браки умножатся, а домовитость перестанет быть только модой. Одновременно она станет примером женского обаяния. Обаяние — несомненно, очень верный этометр.⁸ К сожалению, в Берлине его ценность была очень мала, даже отрицательна. А какое воздействие общество королевы могло бы оказать на молодых женщин и девушек Берлина? Уже одно это было бы весьма благородно и, безусловно, улучшило бы нравственный климат в обществе, ведь в конечном счете только общественное мнение способно восстановить и развить нравы.

28. Поведение государства зависит от общественного устроения. Облагородить его — единственное основание подлинной государственной реформы. Король и королева собственной персоной могут и должны быть принципом общественного устроения. Монархия завершается там, где король и интеллект государства больше не одно и то же. Стало быть, французский король лишился трона задолго до революции, как и большинство европейских государей. Равнодушие к благотворному влиянию короля и королевы, бесчувственность к этой классической чете стали бы весьма зловещим симптомом для современной Пруссии. Скоро мы это увидим. Если и эти гении не окажут никакого воздействия, то современный мир, конечно, не устоит — явление небожителей есть не что иное, как последняя вспышка угасающей энергии жизни, музыка сфер умирающего, зримое предчувствие лучшего мира, более благородного, чем наш.

29. Двор есть, собственно говоря, пример образцового дома, большие государственные дома устроены по аналогии с ним, с большими — малые и так далее. Какой огромный эффект могла бы дать реформа двора! Королю не подобает скромничать, как крестьянину или помещику; но есть королевская скромность, которая, по-моему, королю присуща. Частная жизнь — это двор в миниатюре. Хозяйка дома — пружина домашнего быта. Так и королева — пружина придворной жизни. Муж приносит добычу, жена распределяет и организует. В безалаберном ведении хозяйства виновата, как правило, женщина. Что королева не безалаберна, общеизвестно. Однако я не понимаю, как она терпит придворную жизнь в ее сегодняшнем состоянии. Ведь для ее вкуса, столь единого с сердцем, пошлое однообразие такой жизни абсолютно невыносимо.

Если исключить посещение театров и концертов да украшение дворца, в обыденной придворной жизни царит безвкусица, и даже названные исключения зачастую либо сами безвкусны, либо ими наслаждаются без должного вкуса. Но какой многогранной она могла бы быть! Одаренный *maître de plaisirs*,⁹ направляемый вкусом королевы, мог бы превратить двор в рай, провести простой мотив жизненного наслаждения сквозь богатейшие вариации и тем самым показать предметы общего почитания в совершенно новом и привлекательном свете. А что божественнее, чем сознавать, что любимые существа наслаждаются жизнью?

30. В гостиной всякой образованной женщины, всякой добропорядочной матери и ее дочерей должен висеть портрет королевы. Какое сильное напоминание о первообразе, к которому должна стремиться любая женщина. Походить на королеву — должно стать чертой характера современных прусских женщин, национальной чертой. Возлюбленное существо в тысяче лиц. В каждое бракосочетание, может быть, стоило ввести церемонию в честь королевы; король и

королева облагораживают повседневную жизнь, как у древних — боги. Истинная религиозность возникала там благодаря тому, что боги неустанно вмешивались в жизнь. Так и здесь — благодаря постоянному вмешательству королевской четы в домашнюю и общественную жизнь может возникнуть настоящий патриотизм.

31. Хорошее общество должно стремиться сохранить в Берлине скульптурную группу Шадова,¹⁰ основать ложу нравственной грации и установить эту группу в зале для ее собраний. Ложа могла бы стать воспитательным институтом для девушек из образованных сословий, тогда служба королю была бы сродни богослужению и являлась бы настоящей наградой и поощрением для самых достойных представительниц женского пола.

32. Раньше от придворной жизни нужно было бежать, как от заразы, с чадами и домочадцами. Но сейчас, в эпоху общей испорченности нравов, при дворе можно найти пристанище, как на островах блаженных. В прежние времена, чтобы найти достойную жену, осмотрительный молодой человек вынужден был отправляться в самую глубинку, по крайней мере, в такие семьи, которые не имели ничего общего ни с городской, ни с придворной жизнью; но в будущем, как это и задумывалось изначально, люди потянутся ко двору как средоточию всего самого лучшего и прекрасного, что бы принять жену из рук королевы.

33. Этот король — Первый король Пруссии. Каждый день он собственноручно венчает себя короной, для его признания не требуется никаких дискуссий.

34. Король и королева защитят монархию лучше, чем двухсоттысячная армия.

35. Что может быть приятнее, чем говорить о своих желаниях, когда они уже исполнились.

36. После смерти Фридриха Вильгельма Первого Пруссией управляли, как фабрикой. Для физического здоровья государства, развития его силы и ловкости такое механистическое администрирование, может быть, и полезно, однако сущность государства при таком управлении гибнет. Старый и испытанный принцип — привязать человека к государству с помощью корысти. Умные политики считали идеальным такое государство, в котором государственная корысть и корысть подданных, причудливо сочетаясь, стимулируют друг друга.

На эту политическую квадратуру круга было истрачено немало сил: однако грубую корысть нельзя ни измерить, ни систематизировать. Ее невозможно ограничить, как того требует природа государственного устройства. С другой стороны, официальное признание вульгарного эгоизма в качестве принципа нанесло страшный вред, и зародыш сегодняшней революции следует искать в нем одном.

С развитием культуры потребности становятся все более изощренными, а ценность средств их удовлетворения повышается настолько, насколько нравственность понижается по сравнению с модной роскошью, изысканными наслаждениями и комфортом. Чувственность слишком быстро захватила огромные пространства. Пока люди, развивая чувственную сторону своей природы, предавались суетным и тщеславным иллюзиям, они незаметно приучились воспринимать другую ее сторону как нечто узкое и далекое. Им стало казаться, что только так они выйдут на верный, уготованный им путь, и на это стоит тратить все силы. Так грубый эгоизм превратился в страсть, а его максима — в высшее достижение разума; именно это сделало страсть такой опасной и живучей.

Как было бы прекрасно, если бы нынешний король искренне убедился, что таким путем можно словить лишь ми-

молетное счастье игрока, которое держится на глупости, неопытности и несыгранности других игроков. Обманутый сам становится обманщиком, ситуация переворачивается, учитель учится у ученика. Прочное счастье выпадает на долю только справедливого человека и справедливого государства. Какая польза в богатстве, если оно ждет не дождется свежих лошадей, чтобы продолжить свое путешествие вокруг света? Бескорыстная любовь в сердце и ее максима в уме — вот единственная и вечная основа любого истинного и прочного союза, а что есть союз с государством как не супружество?

37. Как и любой отец, король не должен показывать, что кого-то он любит больше. Он не должен окружать себя только военной свитой и адъютантами. А почему бы не штатскими? Если в адъютантах он воспитывает будущих генералов, то почему бы не воспитать таким же путем будущих президентов или министров? Все бразды правления в его руках. Только сверху можно обозреть весь государственный механизм. Только так возможно увидеть государство в целом и каждую его часть в отдельности. Получить воспитание для высших государственных постов можно только в том кабинете, где сосредоточена государственная мудрость всей страны, куда все дела попадают уже тщательно проработанными; из этого кабинета можно проследить ход любого дела вплоть до мельчайших подробностей. Только здесь исчезают узость и педантизм чиновников, убежденных в безупречности своих предложений и способности по достоинству оценить масштаб и последствия любого дела, что зачастую подталкивает высшие власти к односторонним шагам и неэффективным полумерам.

Местечковый подход можно лицезреть повсюду, именно он мешает республиканизму, участию народа в государственных делах, глубокому взаимодействию всех государственных органов. Королю нужно еще больше адъютантов.

Если первые составляют высшую военную школу государства, то вторые — высшую практико-политическую академию. Служба там почетна и престижна. Королю приятно и полезно находиться в пестром обществе самой блестящей молодежи королевства. А для молодежи такое ученичество станет самым ярким праздником, источником вдохновения на всю жизнь. Личная любовь навсегда привяжет их к суверену, а король получит отличную возможность досконально изучить своих слуг, отобрать лучших, научиться уважать и любить их. Благородная простота частной жизни короля, образ счастливой, связанной сердечными узами четы благотворно повлияет на нравственное воспитание элиты прусской молодежи, и король исполнит исконное желание своего сердца быть реформатором и реставратором своей нации и эпохи.

38. Быть всесторонне образованным, осведомленным, эрудированным и непредвзятым, короче, совершенным человеком и по возможности всегда оставаться таковым — главная забота короля. Кроме короля никто не располагает средствами, позволяющими легко приобщиться к высшим достижениям человеческого рода. Осваивая и изучая их, он сохранит вечную молодость. Старый король делает государство таким же угрюмым, как он сам. Как удобно король может ознакомиться с научным прогрессом человечества. Ученые академии у него уже есть. Затребовав полных, точных и исчерпывающих сведений об общем состоянии древней и новой литературы, срочного доклада о любопытных и общезначимых научных явлениях, определенной литературной цитаты и комментария к ней, совета относительно художественного произведения, заслуживающего специального изучения и оценки, предложений по развитию научной культуры подданных, принятию многообещающих проектов, поддержке бедных, но перспективных ученых, заполнению научных лакун и воспитанию новых литературных талантов и систе-

матизировав все это, он сможет лучше уяснить место своей страны, своей нации и себя самого в общем ряду государств и воспитать в себе августейшую особу. Будучи избавлен от необходимости штудировать горы книг, он вкусит нектар из плодов европейской науки и, размышляя над этой рафинированной и плотной материей, пробудит в себе новые мощные энергии, а вскоре, вдыхая чистый воздух, взойдет на вершины своей эпохи. Каким проницательным будет его взор, какой отточенной — мысль, какими возвышенными — убеждения!

39. Настоящий государь — это художник художников, т. е. директор художников. Каждый человек должен быть художником. Все может стать художественным творчеством. Для государя художники — материал; воля — его резец: он воспитывает, наставляет и направляет художника, ибо он один видит всю картину целиком и может судить о ней правильно, он один владеет той великой идеей, которая воплощается лишь посредством объединения многих сил и идей. Регент ставит бесконечно разнообразную драму, в которой сцена, партер, актеры и зрители образуют единство, а сам он является поэтом, директором и героем пьесы. Замечательно, когда, как у короля, директриса — одновременно возлюбленная героя и героиня пьесы, в которой видят саму музу, наполняющую поэта священным огнем и настраивающую струны его души на нежные, небесные мелодии.

40. В наше время произошли настоящие чудеса таинства причастия. Не пресуществляется ли двор в семью, трон — в святыню, королевский брак — в вечный союз сердец?

41. Когда горлица становится спутницей и любимицей орла — Золотой век либо грядет, либо уже настал, правда, еще неофициально и не повсеместно.

42. Кто хочет узреть и полюбить вечный мир, пусть отправляется в Берлин и увидит королеву. Там воочию можно убедиться в том, что вечный мир превыше всего любит праведность сердца, и только она способна пленить его навеки.

43. Что бы я хотел больше всего? А вот что: умного рассказа о детстве и юности королевы. В прямом смысле — годах учения женщины. Может быть, таких же, как годы учения Натальи.¹¹ В Наталье я вижу случайный портрет королевы. Идеалы должны быть похожи друг на друга.

<Политические афоризмы>

44. Главная причина извращений во взглядах и мнениях — путаница цели и средства.

45. Многие революционеры сами толком не знают, чего хотят — формы или бесформенности.

46. Революции доказывают, что нация, наоборот, лишена настоящей энергии. Болезненность и слабость тоже могут давать энергию — ее первоначальный эффект сильнее, чем у настоящей, но он оборачивается, к сожалению, еще большей слабостью.

47. Когда говорят о нации, обычно судят по самой броской, самой крикливой ее части.

48. Нет ничего более невыгодного для старого режима, чем вывод о том, что революция является простым отражением диспропорции государственных органов. Его правление, по-видимому, было настолько ущербным, что ущербными стали многие части, и хроническая слабость укоренилась повсюду.

49. Чем часть слабее, тем больше предрасположена к беспорядкам и воспалениям.

50. Что такое рабы? Совсем обессиленные и подавленные люди. Что такое султаны? Это рабы, возбужденные сильнодействующими средствами. Как султаны и рабы оканчивают жизнь? Насильственно. Первые — нередко рабами, вторые — султанами, т. е. безумием, умопомешательством. Как лечить рабов? Потихоньку выпускать на свободу и просвещать. С ними следует обращаться, как с обмороженными. А султанов? Таким же способом, каким лечили Дионисия и Креза.¹² Сначала страхом, постом, заточением в монастырь, постепенно переходя к укрепляющим средствам. Султаны и рабы — это крайности. Есть множество промежуточных классов вплоть до короля и настоящего циника — класса совершенного здоровья. Террористов и придворных льстецов следует отнести к классам, близким к султанам и рабам, — они также переходят друг в друга, как и те, и представляют собой формы болезни весьма слабой конституции.

51. Наиболее здоровую конституцию при максимуме раздражений репрезентирует король, а при минимуме — отпетый циник. Чем больше они схожи, чем легче и неизменнее они путают свои роли, тем больше их конституция приближается к идеалу конституции совершенной. Чем меньше король зависит от трона, тем больше он — король.

52. Все раздражения относительно — суть числа, кроме Одного, которое абсолютно и больше, нежели число.

53. Самая совершенная конституция возникает посредством инцитации и абсолютного соединения с вышеназванным раздражением, заменяющим ей все остальные, — ибо первоначально оно действует сильнее, так что относительные

раздражения ослабевают и наоборот. Но если оно завладевает конституцией целиком, то делает ее абсолютно устойчивой к относительным раздражениям. Это раздражение — абсолютная любовь.

54. Без нее циник и король — лишь ярлыки.

55. Улучшение несовершенной конституции начинается с того, что ее делают более способной к любви.

56. Лучшее государство состоит из людей, к улучшениям равнодушных.

57. В несовершенных государствах это — лучшие граждане. Они участвуют во всем хорошем, втихомолку потешаются над чудачествами современников и сторонятся всякого зла. Они ничего не меняют, ибо сознают, что подобные изменения в данных обстоятельствах приведут лишь к новым заблуждениям и благо никогда не приходит извне. Они никого не оскорбляют и не стыдятся — оттого их тоже никто не стыдится и всякий им рад.

58. Нынешний спор о формах правления — это спор о преимуществе зрелого возраста или цветущей молодости.

59. Республика — это *fluidum deferens*¹³ молодежи. Где молодежь, там республика.

60. Женитьба меняет систему. Женатый человек требует порядка, безопасности и покоя, желает размеренной семейной жизни в Единой семье — ищет подлинную монархию.

61. Государь без семейного духа — не монарх.

62. Зачем, однако, нужен отец семейства, наделенный единоличной и неограниченной властью? И какого произвола можно ожидать от него?

63. Произвол царит во всех относительных ситуациях — даже если удалиться в пустыню, и там произвол будет руководить моими сущностными интересами. Индивидуум как таковой по своей природе находится под властью *случайности*. В совершенной демократии таких случайностей много, в представительной демократии — меньше, в монархии — одна произвольная судьба.

64. Однако, разум требует, чтобы каждый был своим собственным законодателем, не так ли? Человек должен подчиняться только своим собственным законам.

65. Если Солон и Ликург¹⁴ дали истинные, всеобщие законы, человеческие законы — откуда они их взяли? — Видимо, из чувства человечества и наблюдения за ним. Если я такой же человек, как и они, откуда мне взять мои законы? Наверно, из того же самого источника — погрешаю ли я против природы, если начинаю жить по законам Солона или Ликурга? Всякий истинный закон — это мой закон — неважно, кем он сформулирован и установлен. Однако сформулировать и установить или наблюдать за изначальным чувством, а потом выразить таковое не так уж просто — иначе, к чему писанные законы? Может быть, это все же искусство? Как и применение закона, видимо предполагающее кропотливо упражнять и шлифовать силу суждения. Как возникли сословия и гильдии? Из-за недостатка времени и сил у отдельного человека. Никто и никогда не мог изучать и заниматься всеми науками и искусствами одновременно — быть всем во всем. Ремесла и искусства были распределены. А искусство правления? Согласно общему требованию разума все люди должны быть еще и врачами, поэтами и так далее. Что касается всех

прочих искусств, то люди в целом смирились и больше туда не вмешиваются — за исключением искусства правления и философии: всем известно, что тут главное не робеть, каждый мнит себя знатоком и претендует на профессионализм и виртуозность.

66. Но ведь отрицать превосходство демократии невозможно? Естественный и образцовый человек — поэтическая фантазия. В таком случае остается только одно — создать искусственного. Самые превосходные люди нации дополняют друг друга — в таком обществе вспыхивает чистый дух общества. Декреты общества суть эманации духа — идеальный правитель становится реальностью.

67. Позвольте усомниться в превосходных людях нации, а заодно в том, что чистый дух вспыхнет. Излишне напоминать, что на практике все обстоит иначе. Общеизвестно, что из мертвого вещества живого тела не создашь, как из беззаконника, скряги и мракобеса нельзя получить правдолюбца, бессребреника и либерала. Ограниченное большинство весьма заблуждается на сей счет, и должно пройти еще много времени, чтобы оно наконец убедилось в этой незамысловатой истине. Большинство выбирает не самых совершенных, а, наоборот, тупиц или прохиндеев. Тупицей я называю того, у кого вульгарность срослась с естеством, — классический образец человека толпы. А прохиндеем — того, кто толпу подстрекает. Никакой дух тут не возгорится — чистый же и по-прежнему, — но возникнет большая машина — косная и инертная, иногда пробиваемая интригой. Догматики и прагматики дерутся за бразды правления.

Деспотия одного лица предпочтительнее этой деспотии хотя бы потому, что экономит время и башмаки — здесь имеет дело с правителем, играющим в открытую, там же, во-первых, не сразу разберешься, кто есть власть, а во-вторых, как лучше к ней подступить.

Если высокое положение даже народного представителя делает более зрелым и благородным, то единоличного правителя и подавно. Если бы люди уже были такими, какими они могут и должны быть, то форма правления значения не имела, повсюду ими правили бы одинаково — по исконным законам человечества. Но впоследствии все же выбрали бы самую прекрасную, самую поэтическую и самую естественную форму — семейную — монархическую — много господ — много семей — Один господин — Одна семья!

68. Сейчас совершенная демократия и монархия образуют, казалось бы, неразрешимую антиномию — преимущество одной формы правления уравнивается противоположным преимуществом другой. Молодежь отстаивает первую форму, степенные отцы семейств — вторую. Кажется, что причина этого разделения — в полном несовпадении симпатий. Один любит изменения, другой — нет. Все мы, наверное, в определенном возрасте любим революции, свободную конкуренцию, состязательность и тому подобные проявления демократии. Однако эти годы проходят, и мы чувствуем влечение к мирной жизни, когда хоровод кружится вокруг солнца, и лучше быть одной из планет, чем вести разрушительную борьбу за верховодство. Будем хотя бы терпимыми как религиозно, так и политически — признаем, что у другого разумного существа могут быть и другие пристрастия, чем у нас. Терпимость, сдается мне, постепенно ведет к высокому убеждению об относительности всякой позитивной формы — полной независимости зрелого духа от индивидуальной формы, которая для него не более чем необходимый инструмент. Придет время, когда политический монотеизм и пантеизм как необходимые корреляты образуют прочный синтез.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. Послание к Галатам святого апостола Павла: Ибо во Христе, Иисусе, не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но Вера, действующая любовью (Гал. 5, 6). Оба понятия играют центральную роль и у М. Лютера.

² Стрекозы — образ поэтов.

³ Имеются в виду король и королева.

⁴ Генрих IV (правил с 1589 по 1610 г.) сказал однажды, что если Бог дарует ему еще жизни, то он добьется, чтобы каждый француз мог иметь в супе курицу.

⁵ Прибор для измерения содержания кислорода в газах.

⁶ Лилия — намек на королеву, а также на лилию в «Сказке» Гёте (1795).

⁷ Деревья свободы сажали в Америке во время войны за независимость, а во Франции — в революцию.

⁸ Этометр — неологизм Новалиса, образованный, вероятно, по аналогии с эвдиометром, прибор для измерения нравственности.

⁹ Гофмейстер, управляющий (фр.).

¹⁰ Имеется в виду мраморная скульптурная группа И. Г. Шадова, изображающая двух молодых женщин — принцессу Луизу и принцессу Фридерiku, установленная в 1797 г. в Берлине.

¹¹ Наталья — персонаж романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера».

¹² Дионисий (396—317), тиран Сиракуз, был свергнут; лидийский царь Крез (560—546) разбит и взят в плен.

¹³ На языке химии того времени: флюид, проводящий электричество, т. е. благотворная среда.

¹⁴ Солон был законодателем Афин, Ликург — Спарты.

ФРАГМЕНТЫ И ШТУДИИ 1797—1798 годы

1. (Каждое слово — заклинание. Какой дух позовет — такой и отзовется.)

2. (Философствование в собственном смысле — это любовная ласка — выражение любви к размышлению и абсолютное вождение мудрости.)

3. Схоласт — это дикий дискурсивный мыслитель. Настоящий схоласт — мистический атомист. Он строит свою Вселенную из логических атомов — уничтожает живую природу, чтобы расчистить место для собственных интеллектуальных фокусов. Его цель — бесконечный автомат. Ему противостоит дикий интуитивный поэт, мистический макролог. Он ненавидит правила и строгую форму. Дикая, грубая жизнь царит в его природе — все у него оживает. Законы упразднены — повсюду чудеса и произвол. Чистая динамика. Итак, философский дух пробуждается сначала в отдельных формах.

На второй ступени культуры начинается сближение — весьма своеобразное: из соединения бесконечных противоположностей возникает конечное и ограниченное сущее, появляются бесчисленные эклектические формы.

Начинается эпоха недоразумений. На этой ступени развития самый ограниченный мыслитель и есть самый значитель-

ный — типичный философ второй ступени. Философы второго класса нацелены на действительность и современность в самом узком смысле. Философы первого класса взирают на них с презрением, обвиняют в верхоглядстве и полагают, что их взгляды происходят от слабости и непоследовательности.

В ответ второй класс в один голос соболезнует первому — упрекает его в самом абсурдном, полубезумном энтузиазме.

Если смотреть извне, то схоласты и алхимики расколоты, а эклектики, наоборот, монолитны, однако, взглянув изнутри, картина получится обратная. Первые так или иначе едины в главном — они абсолютно независимы и склонны к бесконечной медитации, те и другие исходят из Абсолюта, тогда как ограниченные эклектики в главном-то как раз расколоты, а едины только по пустякам. Первые — бесконечны, но однообразны, вторые — ограничены, но разнообразны. Первые — гениальны, вторые — талантливы, у первых есть идеи, у вторых — приемы. У первых нет рук — только головы, у вторых нет голов — только руки.

На третью ступень восходит такой художник, у которого техника неотделима от гениальности. Он осознал, что традиционный разрыв абсолютных философских деятельностей отражает глубинный разрыв в его собственной сущности — их сохранение возможно только при условии опосредования и связи друг с другом. Несмотря на всю их гетерогенность, он чувствует, что способен переходить от одной деятельности к другой, менять полюса по своему усмотрению. Т. е. он воспринимает таковые как необходимые элементы своего духа — осознает, что они должны быть объединены в одном общем принципе. Отсюда следует, что эклектизм есть не что иное, как результат неполноценного, ущербного применения этой способности. Он ясно осознает, что основанием такой неполноценности является слабость воображения, которая в момент перехода от одного члена к другому неспособна сохранить и созерцать себя, воспарив над ними обоими. Полное изображение истинно духовной жизни, осознанной

посредством этого действия, является философией *kat exochen*.¹ Здесь возникает та живая рефлексия, которая, если за ней тщательно ухаживать, сама расширяется до размеров многоликого духовного универсума, — зерно или почка всеобъемлющей организации. С этого начинается духовное самопостижение, к которому несть конца.

4. (Совершенная форма наук должна быть поэтической. Каждая фраза — самостоятельной, индивидуальной — служить оболочкой остроумной идеи.)

5. В нас есть поэтические произведения, которые уникальны и неповторимы, ибо мы бессознательно чувствуем их необходимость. Человеку чудится, будто он беседует с неизвестным духовным существом, которое как ни странно побуждает его развивать самые ясные мысли. Это существо, безусловно, высшее, ибо вступает с ним в отношения такого рода, в какие ни одно существо из мира явлений вступить не способно, — безусловно, родственное, так как относится к нему, как к духовному существу, и побуждает к невиданной самостоятельности. Это высшее Я соотносится с человеком так, как человек с природой или мудрец с ребенком. Человек мечтает уподобиться ему так, как он уподобляет себе не-Я.

Объяснить данный факт невозможно. Каждый должен пережить его лично. Это факт высшего порядка, встретиться с которым может только высший человек. Однако все должны стремиться к такой встрече в себе.

Возникающая таким образом наука является высшим наукоучением. (Тезис «Я определяет не-Я» выступает принципом теоретической, а тезис «Я определяется не-Я» — практической части.) Практическая часть толкует о самовоспитании Я, вплоть до способности воспринимать сообщение, о котором шла речь, теоретическая часть — о признаках истинного сообщения. Для воспитания необходим ритуал.

У Фихте теоретическая часть содержит признаки истинного представления, практическая — воспитание и образование не-Я,² дабы оно сподобилось воспринимать влияние Я и вступать в истинное сообщество с ним — параллельное самообразование Я. Моральное поведение принадлежит, следовательно, обоим мирам: в первом — как цель, во втором — как средство, это нить, связывающая их воедино.

6. (Баадера, Фихте, Шеллинга, Гюльзена и Шлегеля³ я бы назвал философской директорией⁴ Германии. Этот *Quinquévrat*⁵ себя еще покажет. Фихте — председатель и *Gardien de la Constitution*.⁶)

Поэзия

7. (Поэзия возвышает всякую единичность, своеобразно сцепляя его со всем целым, — и если философия своими законами только готовит мир к действительному влиянию идей, то поэзия, словно ключ к философии, есть цель и смысл философии, ибо воспитывает прекрасное общество — мировую семью — прекрасное домостроительство универсума.

Как философия посредством системы и государства перемножает силы индивида с силами человечества и мироздания, делает целое органом индивида, а индивид органом целого — так и поэзия в отношении жизни. Индивид живет внутри целого, а целое — внутри индивида. Благодаря поэзии возникают высшая симпатия и сотрудничество, глубочайшее единение конечного и бесконечного.)

8. (Поэт завершает движение так, как он его начинает. Если философ только все упорядочивает и устанавливает, то поэт размыкает все узы. Его слова — не общие знаки, но звуки — заклинания, вокруг которых кружатся красивые группы.

Как риза святого хранит чудесную силу, так и слово, если оно освящено прекрасным воспоминанием, само становится стихотворением.

Для поэта язык никогда не беден, но всегда слишком абстрактен. Он нуждается в расхожих, изношенных от употребления словах. Его мир также прост, как и инструмент, — однако мелодии неисчерпаемы.)

9. (Окружающий мир — повседневные происшествя, стандартные ситуации, обыденные привычки — оказывает на нас непрерывное, пусть и незаметное, но весьма сильное влияние. Насколько эта круговерть полезна и практична для нас как современников определенной эпохи, членов специфической корпорации, настолько она вредна для высшего развития нашей природы. Дивинаторные, магические, истинно поэтические люди не могут возникнуть в таких условиях, как наши.)

10. (Поэма дикаря — рассказ без начала, середины и конца, и удовольствие, им при этом испытываемое, патологическое — простой процесс, чисто динамическое оживление способности к представлению.

Эпическая поэма — облагороженное примитивное стихотворение. В сущности, то же самое.

Роман стоит уже выше — поэма длится, а роман растет; в поэме арифметическая, в романе — геометрическая прогрессия.)

11. (Быть поэтом означает рождать. Всякое стихотворение должно быть живым индивидом.) Какой неисчерпаемый материал для *новых* индивидуальных комбинаций! Кто разгадал эту тайну — должен в первую очередь отречься от бесконечной пестроты и ее пустых наслаждений и с чего-то *начать*, но за это он заплатит свободным чувством бес-

конечного мира и ограничится единичным явлением такого.

Может быть, наше земное существование есть следствие такого решения?

12. (Поэзия — основа общества, как добродетель — основа государства. Религия — смесь поэзии и добродетели, основа чего? — догадайтесь сами.)

13. (Поэзия — великое искусство конструирования трансцендентального здоровья. Следовательно, поэт — это трансцендентальный врач. Поэзия распоряжается болью и радостью — вождением и отвращением — заблуждением и истиной — здоровьем и недугом, она все смешивает ради того, чтобы достичь цели всех целей — *возвысить человека над самим собой.*)

14. (Прежние философии относятся к логологии⁷ так, как прежние поэзии к той поэзии, которой только предстоит появиться. Прежние поэзии действовали в основном динамически, будущую — трансцендентальную поэзию можно назвать органической. Когда ее изобретут, то увидят, что в былые времена все настоящие поэты творили бессознательно, органически — неполное сознание собственной деятельности существенно влияло на их творчество, по большому счету поэтичным оно было только в деталях, в целом же, как правило, — непоэтичным. Логология произведет революцию.)

15. (Содержание драмы есть становление или прехождение. Она изображает, как органический образ возникает из текучего материала — целостное событие из случайности, изображает, как органический образ растворяется в случайности и гибнет в ней. Если в драме есть то и другое, то она — настоящая. Легко видно, что драма должна содер-

жать превращение — процесс очищения и редукции. Эдип в Колоне — прекрасный тому пример, Филоктет тоже.⁸⁾

16. (Сказка Гёте является повествовательной оперой.⁹⁾

17. (Поэзия растворяет чужое существование в собственном.)

18. (Трансцендентальная поэзия смешана из философии и поэзии. Она объемлет, по сути, все трансцендентальные функции и действительно содержит все трансцендентальное вообще. Трансцендентальный поэт — это трансцендентальный человек как таковой.)

19. Из разработки трансцендентальной поэзии возникнет учение о тропах, которое постигнет законы *символической конструкции* трансцендентального мира.

20. (Гений всегда поэтичен. Когда гений творит, он творит поэтически. Истинно нравственный человек является поэтом.)

Поэтицизмы

21. (Прозе Лессинга подчас не хватает иероглифичности.)

22. (Лессинг всматривался слишком зорко¹⁰ и потому утрачивал чувство неясного целого, магического созерцания предметов в игре светотени.)

23. (Как в истории греческой поэзии эпохи эпоса, лирики и драмы следуют друг за другом, так во всеобщей истории поэзии сменяют друг друга античность, модерн и их синтез. Интересное является предметом минус-поэзии. Гёте можно

принять за центр соединения — кто разгадает, как этот центр возник, сможет создать совершенную историю поэзии.)

24. У древних религия некоторым образом уже была тем, чем она должна стать у нас — практической поэзией.

25. Всякое изображение прошедшего есть трагедия в собственном смысле, всякое изображение грядущего, будущего — комедия. Трагедия востребована на подъеме народной жизни, комедия — на спаде. В Англии и Франции сегодня уместны трагедии, в Германии — комедии.

26. Произведения пластического искусства нельзя созерцать в отрыве от музыки, а музыкальные произведения нужно слушать только в красиво декорированных залах. Без музыки и убранства поэтическими произведениями наслаждаться невозможно. Поэтому в красивом театре или изящной церкви поэзия производит исключительный эффект. В хорошем обществе должна постоянно звучать музыка. Когда осознали, что без убранства настоящей светскости не бывает, появились гостинные. Деликатесы, развлечения, наряды, танцы, даже изысканная, непринужденная и отвлеченная беседа порождены чувством высшей жизни общества, которое смешивает все прекрасное и живительное ради целостного воздействия.

* * *

27. Лирическое стихотворение — хор в драме жизни и мира. Лирические поэты являются хором, в котором прелестно сочетаются юность и старость, радость, сострадание и мудрость.

28. Мистическая вера и привязанность к существующему, старому, известному, мистическая надежда и радость по от-

ношению к грядущему, новому, неизвестному — важнейшие черты характера прежнего человечества.

29. Для идеи, проекта, плана ищут воплощение, для воплощения — план. Все идеи родственны. *Air de famille*¹¹ называется аналогией. Сравнивая детей, можно определить индивидуальность родителей. Всякая семья складывается из принципов, образующих двуединство — природу и анти-природу. Всякая семья — зародыш бесконечного индивидуального человечества.

30. Для мира мы ищем проект — этим проектом являемся мы сами. Что мы такое? Персонифицированные *всесильные точки*. Воплощение, будучи образом проекта, должно, подобно ему, действовать свободно и соотноситься с собой. Жизнь, или сущность духа, состоит, следовательно, в зачатии, рождении и воспитании себе подобного. Только тогда, когда человек находится в счастливом браке с самим собой — и сам является прекрасной семьей, он способен жениться и завести семью. Акт самообъятия.

Никогда нельзя признаваться в любви к самому себе: тайна такого признания — принцип жизни единственно истинной и вечной любви. Первый поцелуй при таком понимании — философский принцип — исток нового мира — начало абсолютной эры — осуществление бесконечно растущего союза с самим собой.

Кто отвергнет философию, расцветающую из первого поцелуя?

Любовь популяризирует личность — благодаря ей индивидуумы могут сообщить о себе и быть поняты. (Понимание любви.)

31. Что еще можно пожелать тому, у кого почтенные и добропорядочные родители, любезные и достойные друзья, умные и эрудированные знакомые, доброе имя, приятная на-

ружность, размеренная жизнь, приличное здоровье, посильные обязанности, приятные и полезные привычки, веселый нрав, сносный доход, кто окружен красотами природы и искусства, живет в ладу со своей совестью? У кого любовь, светская и семейная жизнь либо в будущем, либо светская жизнь — уже в прошлом, а в настоящем — любовь и милый семейный круг. Первому — отменного мужества и терпеливого доверия, а второму — веры и покойной смерти.

32. Я хочу, чтобы рассуждение о первом поцелуе, с которого начинается философия, прочитали во время задушевного исполнения моцартовской композиции «Wenn die Liebe in deinen blauen Augen»¹² или в предвкушении первого поцелуя. О музыкальном аккомпанементе во время медитации, беседы и чтения.

33. Я = не-Я — высший закон всех наук и искусств.

34. Об отрицательном принципе государства (безопасность) и положительном принципе государства (экспансия или безопасность в высшем смысле). Данные принципы взаимосвязаны.

Полиция — и политика.

35. (...)Чтобы познать жизнь и себя самого, нужно написать об этом роман. (...)

36. Стихосложение следует отличать от стихотворения. Рассудок — совокупность талантов. Разум полагает, фантазия проектирует, рассудок воплощает. Иное дело, когда фантазия воплощает, а проектирует рассудок. Романтическая и риторическая поэзия.

37. Мир должен быть романтизирован. Только так исконный смысл будет обретен вновь. Романтизация есть не что

иное, как качественное потенцирование. Низшая самость отождествляется в данной операции с высшей. Ибо мы сами являемся качественным рядом потенций. Эта операция еще никому неизвестна. Придавая низкому высокий смысл, обыденному — таинственный облик, известному — достоинство неизвестного, конечному — сияние бесконечного, я все это романтизирую; обратная операция для высокого, неизвестного, мистического, бесконечного — посредством соединения с противоположным они логарифмизируются,¹³ получают обыденное выражение. Романтическая философия. *Lingua gotana*.¹⁴ Чередование возвышения и снижения.

38. Лучшее в системе Брауна — та удивительная смелость, с которой Браун постулирует свою систему как общезначимую: должно быть только так, а не иначе — что бы опыт и природа там ни говорили. В этом и состоит суть всякой системы, ее реальная ценность. Благодаря этому брауновская система становится настоящей системой для браунианцев. С ней, собственного говоря, уже не поспоришь. Чем искуснее маг, тем свободнее его колдовство, его заклинания, его средства. Каждый творит чудеса по-своему.

39. Во всех настоящих мечтателях и мистиках, несомненно, действовали высшие силы — что привело к специфическим смещениям и конфигурациям. Чем грубее и мутнее вещество, пошлее, неотесаннее и случайнее человек, тем более странным было его рождение. Как правило, очищать, облагораживать и прояснять сию гротескную и причудливую массу — пустая затея; во всяком случае, время, когда такие работы можно будет проводить без лишних хлопот, еще не настало. В этом вопросе предстоит разобраться будущим историкам магии. Как важный документ постепенного развития магической силы, он должен быть скрупулезно сохранен и помещен в коллекцию. Магия — искусство пользоваться чувственным миром по своему усмотрению.

40. У нас есть две системы чувств, которые при всем внешнем различии, внутренне тесно связаны. Одна система называется телом, другая — душой. Первая из них зависит от внешних раздражений, совокупность которых мы называем природой. Вторая изначально зависит от совокупности внутренних раздражений, которые мы называем духом или духовным миром. Последняя система обычно ассоциативно связана с первой — аффицируется ею. Тем не менее следы обратного отношения тоже нередки, и вскоре замечаешь, что обе системы неразрывно взаимосвязаны и, будучи аффицированы своими мирами, образуют не однозвучие, но созвучие. Короче говоря, оба мира, как и обе системы, образуют не дисгармонию или монотонию, но свободную гармонию. Переход от монотонии к гармонии ведет, однако, через дисгармонию — гармония возникает только в конце. (Безумие — мечтательность.) Коллективное безумие — уже не безумие, а магия. Безумие по правилам и вполне сознательное. Все искусства и науки основаны на частичной гармонии. (Поэты, безумцы, святые, пророки.)

41. Мы поймем мир, если поймем самих себя, ибо мы и он — две половины, без которых целое не существует. Мы — дети Божьи, семя Божье. Однажды мы станем такими, как Отец наш небесный.

42. *О сверхчувственном или непосредственном познании.*

Всякое чувство есть репрезентация — символ — медиум. Всякое чувственное восприятие вторично. Чем своеобразнее, так сказать абстрактнее, представление, обозначение, модель, тем меньше его сходство с предметом, раздражением, тем независимее, самостоятельнее чувство — если бы оно не нуждалось во внешней причине, то было бы не чувством, а корреспондирующей сущностью. Но и тогда его форма была бы так или иначе подобна формам других сущностей и соответствовала оным. — Полное тождество или подобие

последовательности форм этой сущности последовательности форм другой означало бы полную гармонию между ними.

Чувство — это инструмент — средство. Абсолютное чувство — средство и цель одновременно. Поэтому всякая вещь является средством своего познания — опыта — воздействия на самое себя. Чтобы вполне ощутить и узнать вещь, я должен сделать ее чувством и одновременно предметом — оживить ее — превратить в абсолютное чувство в указанном выше значении.

Если бы проделать это полностью я не *мог* или не *хотел*, то должен был бы превратить в чувство одну часть таковой — индивидуальную, самую самобытную часть — один из ее элементов. Что тогда произойдет? Будет получено одновременно опосредованное и непосредственное — репрезентативное и нерепрезентативное, совершенное и несовершенное, собственное и несобственное, короче говоря, антитетично-синтетичное познание и опыт вещи. Элемент, или чувство, будет одновременно элементом и не-элементом, ведь, оживляя его, я некоторым образом отделяю таковое от целого.

Если назвать целую вещь миром, то его интегративный компонент будет во мне, а прочие — вне меня. Теоретически с чувственной стороны я подвластен миру и зависим от него.

Будучи частью мира, я сознаю, что необходимо содействовать этому чувству, ибо в противном случае мое намерение по оживлению будет осуществлено не полностью. Я обнаруживаю, что мое чувство или тело определяется не только им самим, но также идеей и духом целого — мировой душой — совершенно нераздельно, так что, говоря об одном, нельзя исключать другое. Мое тело представляет собой не нечто специфическое, отдельное от целого, а только его вариацию. Познание целого имеет характер аналогии, а она самым тесным и непосредственным образом соотносится с прямым и абсолютным познанием части. Совместно они образуют антитетично-синтетичное познание. Оно будет не непосредственным, а посредством непосредственного

опосредованным, одновременно реальным и символическим. Всякая аналогия символична. — Я обнаруживаю, что мое тело определяется как самим собой, так и мировой душой и, в свою очередь, действует через них. Мое тело есть малое целое и имеет, следовательно, особую душу; ибо я называю душой то, посредством чего возникает целое, индивидуальный принцип. — Что касается оживления особенной части, то в этом отношении, очевидно, я определяюсь самим собой, но опосредованно через всеобщее оживление.

Что же касается самого оживления, то оно есть не что иное, как присвоение, идентификация. Я могу познать нечто, только вобрав его в себя; это одновременно отчуждение от самого себя и присвоение, превращение чужой субстанции в мою: новый продукт отличен от обоих факторов и есть синтез таковых. Я воспринимаю всякое изменение присвоенной субстанции как мое и как чужое: как мое, поскольку вообще ее воспринимаю, чужое, поскольку воспринимаю ее так, а не иначе. Всякой активности в ней соответствует синхронная активность во мне, активность восприятия. Любому ее свойству соответствует воспринимающее познание-свойство во мне. Количество познавательных сил во мне соответствует количеству сил, действующих вне меня. Именно здесь возникают странные противоречия в нас относительно нас самих. Без такого одушевления мы бы не сделали подобных различий в себе. Они, эти силы, возникают только посредством одушевления и внутри такового.

Я знаю себя, насколько волю, и волю себя, насколько знаю, ибо *волю* свою *волю* — волю абсолютно. Следовательно, воля и знание во мне абсолютно едины. Если я пожелаю воспринять мою волю, деяние еще и как нечто особенное, то замечу, что могу не только волить или действовать, не зная об этом, но и знать нечто, этого не желая.

43. Прыжок через себя — это высший акт — точка отсчета — *генезис жизни*. Например, пламя есть не что иное, как

такой акт — всякая философия начинается тогда, когда философствующий философствует себя самого, т. е. сначала разрушает себя (определяет, понуждает), а потом обновляет (не определяет, освобождает). — История этого процесса — философия. Поэтому живое моральное поведение начинается с того, что ради добродетели я действую против добродетели — с этого начинается добродетельная жизнь, благодаря которой мощь может возрасть до бесконечности, однако никогда не утрачивает границы, без которой ее жизнь невозможна.

44. Геогностическая или ландшафтная фантазия в «Мейстере» никак не проявляется. Природа у Гёте очень редко становится соучастницей действия. Только один раз в начале четвертой части. В эпизоде с разбойничьим налетом Гёте лишь мимоходом обмолвился о романтической лесной возвышенности. О внешнем мире говорится редко — в основном еще в четвертой части.¹⁵

45. Кто смотрит на жизнь не как на самоуничтожающуюся иллюзию, а как на что-то иное, еще слишком захвачен жизнью. Жизнь должна быть не данностью, а романом, который мы создаем сами.

46. Все есть хлебное зерно.

Фрагменты или головоломки

47. Первый человек — первый духовидец. Он все воспринимает духовно. А разве дети — не первые люди? Свежий взгляд ребенка переощеляет интуицию самого матерого визионера.

48. Только из-за слабости органов чувств и бесчувственного отношения к себе мир фей нам недоступен. Все сказки —

видения родного мира, который везде и нигде. Высшие силы в нас, которые когда-то станут гениями нашей воли, сейчас — музы, улаждающие нас в земной юдоли сладкими воспоминаниями.

49. Скульптура, музыка и поэзия соотносятся как эпос, лирика и драма. Это неразлучные элементы, которые в разной пропорции содержатся в каждом свободном художественном существе сообразно его свойствам.

50. Что есть человек? Совершенный троп духа. Истинные сообщения, следовательно, можно выразить в смысловых образах. А любовные ласки — это истинные сообщения?

51. Все люди — вариации Одного совершенного индивида, т. е. супружеской четы. Вариационный аккорд — это семья, каковой можно считать любое сообщество, скрепленное единством душ. Если даже такие незамысловатые вариации, как Наталья и Прекрасная душа, вызывают глубокое удовольствие, то каким оно будет, если прослушать эту мощную симфонию целиком?

52. Всякое духовное прикосновение подобно прикосновению волшебной палочки. Все может стать волшебным инструментом. Кто сочтет воздействие заклинания чересчур чудесным, пусть вспомнит о первом прикосновении руки возлюбленной, ее первом значительном взгляде, где волшебная палочка — лучистый взор, о первом поцелуе, первом любовном признании и пусть спросит себя, неужели волшебные чары этих мгновений менее сказочны и чудесны, прочны и вечны?

53. Человечество — высший смысл нашей планеты, нерв, связующее звено между низшим и высшим миром, взор, устремленный в небо.

54. Роман повествует о жизни — изображает жизнь. Мимическим его можно считать только по отношению к поэту. Часто он содержит события маскарада — замаскированные события с замаскированными людьми.

Сбросить маски — знакомые события и знакомых людей. Роман как таковой не имеет определенного результата — не иллюстрирует и не конкретизирует какой-либо тезис. Он является наглядным воплощением — реализацией идеи. А идея не укладывается в тезис. Идея — это бесконечный ряд тезисов — иррациональная величина, она не исчерпывается одним тезисом и несводима к нему (музыкальна). (Может быть, иррациональность вообще относительна?) Однако можно установить закон развития идеи и критиковать роман только в соответствии с ним.

55. (...) Басня — вершина поэтического, популярного изложения философии Первого периода — естественной философии — единичных философем Первой культуры или формации, не первобытная поэзия в чистом виде, но искусственная — философия, которая стала поэзией. Изящному искусству она не принадлежит — она технична, создание замысла — проводник цели. Отсюда умышленный произвол в отборе материала, побежденный материал выдает замысел — план разумного существа. Человек чувствует, что явление должно быть дополнено мыслью. Для облегчения понимания автор сочиняет событие, которое придумано только ради того, чтобы быстро и недвусмысленно пробудить в слушателе нужную мысль. Возможно, он потратил немало сил на то, чтобы вывести этот результат из пережитой сумятицы событий — суждение, закон — и убедиться в его правильности. Это сделало возможным создание басни: выдумывается событие — иероглифическая формула, которая не содержит ничего, кроме закона, но физиогномически настолько точно

выражающая его душу, что, слушая и мысленно воспроизводя данное событие, поневоле воспроизводится и скрытый в нем закон, а поскольку сознательно воспроизводится человеческое творение, продукт замысла, то следует внимательно абстрагировать данный закон и признать его целью произведения. Чем примитивнее искусство, тем ошеломительней засыле материала. Красота и автономность формы для первого художника ничего не значат — он хочет надежно выразить мысль, его цель — понятное сообщение. Чем слабее общее чувство абстракции, ловкость и находчивость рассудка, тем короче и проще должна быть операция, тем примитивнее и случайнее замысел и мысль связываются с сюжетным материалом. Душа такого произведения максимально обнажена и не прикрыта — сюжетные ходы надуманны и неестественны, композиция карикатурна и навязчива.

В эту эпоху разум и Божество говорят не через человека, а через камни, деревья, зверей, дабы человек почувствовал и осмыслил сам себя.

Первое искусство — иероглифика.

Искусство сообщения и мысли, или язык, и искусство изображения и образности, или поэзия, — еще едины. Лишь позднее сырая масса разделяется — возникает искусство номинации, язык в собственном смысле, т. е. философия, и изящное искусство, творческое искусство, поэзия вообще.

Загадывать загадки или искусство скрывать субстанцию за ее свойствами — мистически запутывать признаки становится в этот период упражнением юного остроумия. Вероятно, популяризация древнейших теорем начиналась с мистических, аллегорических сентенций, хотя не исключено, что познание появилось на свет уже в популярной форме. Притчи возникли намного позднее. К искусственной, или технической, в общем смысле относится риторическая поэзия. Для искусственной поэзии характерна целесообразность — постороннее намерение. Язык в самом подлинном смысле принадлежит к области искусственной поэзии. Ее

цель — определенное сообщение. Если языком называть выражение намерения, то вся искусственная поэзия есть язык, ее цель — сообщить нечто, возбудить *определенную* мысль.

Роман относится к естественной поэзии, аллегория — к искусственной.

Естественная поэзия может без ущерба для себя маскироваться под искусственную, дидактическую, но их связь всегда будет случайной и непрочной.

Аллегоричность только добавит ей прелести, а прелесть (инцитаменты всякого рода) еще никому не вредила.

Музыка — скульптура — поэзия — это синонимы.

56. Как художник смотрит на предметы совсем иными глазами, нежели обычный человек — так и поэт постигает события внешнего и внутреннего мира совершенно иначе, чем обыкновенные люди.

Музыка, как не что иное, позволяет увидеть, что предметы, изменения вещества, поэтизирует только дух, и прекрасное, предмет искусства, не есть данность, содержащаяся в явлении в готовом виде. Все природные звуки грубы и бездуховны — шум леса, свист ветра, пение соловья, журчание ручья только музыкальной душе кажутся мелодическими и значительными. Музыкант извлекает сущность искусства из себя самого — в подражании его никак нельзя заподозрить. Живописец, казалось бы, следует за видимой природой — своим недостижимым образцом, однако на самом деле его искусство так же независимо и априорно, как и искусство музыканта. По сравнению с музыкантом живописец пользуется бесконечно более сложным языком знаков — художник рисует, собственно говоря, глазами, его искусство — это искусство смотреть правильно и красиво. Смотреть — вполне активная и созидательная деятельность. Его картина — только шифр — выражение — инструмент воспроизведения. Сравним с этим искусственным шифром ноты. Разнообразные движения пальцев, ног и губ еще больше противополо-

ставляют музыканта живописцу. На самом деле музыкант слушает тоже активно — улавливает на слух. Наверное, об обратном применении чувств известно немногим, но художник так или иначе сознает это. Почти каждый человек хотя бы немного художник — он смотрит и чувствует не пассивно, а активно.

Главное отличие состоит в следующем: художник оживляет в органах чувств зародыш саморазвивающейся жизни, повышает их духовную раздражимость и таким образом может излучать любые идеи произвольно, без всякой санкции извне — использовать органы чувств как инструменты для модификации реального мира, тогда как нехудожник не может пользоваться ими без спроса, и кажется, что его дух, подобно косной материи, подчиняется основным законам механики, когда любое изменение предполагает некую внешнюю причину, а действие равно противодействию. Утешаешься только тем, что подобная механическая реакция для духа неестественна, и как всякая духовная неестественность является *временной*.

Но дух даже самого неразвитого человека подчиняется не одним лишь механическим законам — каждый может развить высшие задатки и способности органов чувств.

Возвращаясь к различию живописи и музыки, нельзя не заметить, что в музыке шифр, инструмент и материал разделены, а в живописи — едины, и поэтому именно в ней они по отдельности выглядят так несовершенно. Отсюда, как мне кажется, следует, что живопись гораздо *труднее* музыки. Что она на ступень ближе к святилищу духа и потому, так сказать, благороднее музыки, можно вывести из обычного аргумента восхваляющих музыку: музыка якобы оказывает куда более сильное и общее воздействие. Физический критерий не может служить мерилom интеллектуальной высоты искусств, скорее наоборот. (Музыка знакома даже животным, но у них нет никакого представления о живописи. Они никогда не увидят ни прекрасный пейзаж, ни прелестный образ. Образ

привычного предмета только обманет — не будет воспринят в качестве образа.)

Хороший актер — скульптурный и поэтический инструмент. На самом деле опера и балет — скульптурно-поэтические концерты, коллективные художественные произведения многих пластических инструментов. (Деятельный смысл чувства. *Поэзия.*)

57. Для идеала нравственности нет соперника более опасного, чем идеал высшей силы — сильной жизни, называемый также идеалом эстетического величия, что очень правильно по сути, но абсолютно ложно по тому, что под ним разумеют: максимальное варварство, которое в век культурного одичания находит, к сожалению, весьма много приверженцев, особенно среди слабаков. Сей идеал уподобляет человеческий дух животному, brutальное обаяние которого так прельщает слабака.

58. Индивидуум — самое совершенное и систематическое существо, которое индивидуализируется благодаря *одной-единственной абсолютной случайности* — рождению. В эту случайность включены все прочие случайности его жизни, бесконечный ряд ситуаций, а вернее, все ситуации, определенные как случайности. Дедукция индивидуальной жизни из единственной случайности — единственного произвольного акта. Разложение Одной случайности — Одного великого произвольного акта — на бесконечно многие путем постепенного освоения — неторопливого, последовательного проникновения — свершения.

Из массы случайностей и ситуаций писатель-романист делает *bouts rimés*,¹⁶ некий стройный и ровный ряд, ведущий Одного индивида к Одной цели сквозь череду случайностей, специально для этого придуманных. У него есть особый индивид, который управляется обстоятельствами и сам управляет ими. Последовательный ряд чередований или измене-

ний Одного индивида образует интересный материал романа. Романист может браться за дело по-разному — например, сначала выдумать множество происшествий и, чтобы вдохнуть в них жизнь, придумать индивида (для разнообразных искушений подобрать специфический характер) или, наоборот, сначала создать какого-то особенного индивида и потом изобрести для него массу происшествий.

Итак, он может изображать индивида (а) в связи с обстоятельствами: 1) изменение обстоятельств под воздействием индивида, 2) изменение индивида под воздействием обстоятельств, 3) взаимное изменение — (б) независимо: 1) перекрестно, 2) параллельно, 3) по отдельности. Происшествия бывают: 1) взаимосвязанными действиями разумного существа (сюда относится и судьба), 2) бессвязными случайностями, 3) теми и другими вперемешку. В первом случае будут изображены: 1) борьба, 2) сообщество, 3) двоемирие, когда нет иной связи, кроме живописной, поэтической. А во втором: 1) борьба с несчастьем, 2) счастливый союз, 3) как в первом случае. Правила третьего случая следуют из двух предыдущих. Если знать, какой вариант повествования был выбран писателем, то все прочее можно вывести и обосновать в соответствии с ним. Любое повествование, чтобы считаться таковым, должно быть единым и цельным, а не противопоставлять общую бесформенность поэтической оформленности отдельной части. В противном случае это не произведение искусства, а мешок, набитый художественными фрагментами.

Чем больше поэт, тем меньше свободы он себе позволяет, тем он философичнее. Довольствуясь произвольным выбором первого момента, он раскрывает задатки этого ростка — вплоть до увядания. Всякий росток есть диссонанс, диспропорция, которая впоследствии должна быть устранена. В первый момент переменные члены пропорции еще находятся в таком соотношении, в котором они не должны оставаться, — например, в Мейстере стремление к высшему и купечество. Так продолжаться не может, равновесие долж-

но нарушиться — Мейстер должен либо оставить купеческое сословие, либо уничтожить свое стремление, иначе говоря, чувство прекрасного и экономика борются в Мейстере друг с другом. Первое и второе — красота и польза — те богини, которые являются ему на распутье, в финале приходит Наталья — оба пути и оба образа соединяются.

Намечая множество произвольных точек и соединяя их, автор, как это ни парадоксально, облегчает себе работу. Заполнить такое буриме на самом деле легче, нежели априорно подбирать к простому ядру ряд, который бы ему соответствовал, — двигаться от простого понятия к многообразному телесному миру труднее, чем в обратном направлении. Там духовные усилия должны быть больше и чище, чем здесь, где деятельность духа гораздо менее активна и сосредоточена. Здесь он укрепляется за счет других сил — там борется с противодействием в одиночку. От природы все вещи обладают центробежной тенденцией — центостремительными их делает дух, он противодействует природным свойствам органов и принуждает их объединиться в одну систему, консолидироваться вокруг одной точки, он творит мир из ничего — заново создает твердь. Если же он имеет дело со множеством твердых тел, то усиливается благодаря духовной деятельности, опираясь либо на деятельность других духов, либо на свою прежнюю деятельность — твердые тела, следуя позитивной искусственной тенденции, будут связываться и объединяться вокруг общего центра в одну систему. (Телесный мир относится к душевному миру, как твердые тела к эфирным телам, точнее — силам.)

59. Подобно тому как мы можем направлять свой мыслительный орган на что угодно — следить за его движением и результатами, выражать многообразие чувств при помощи языка, жестов и действий, владеть телом, мы должны научиться управлять внутренними органами — как всеми вместе, так и каждым в отдельности.

Наше тело способно воспроизвести любое, исходящее от духа движение. Действие страха — испуга — печали — гнева — зависти — стыда — радости — фантазии и т. д. вполне красноречиво. Сверх того, есть немало примеров, когда люди свободно подчиняли себе те части тела, которые обычно им не подвластны. Поэтому каждый человек может врачевать себя сам. Обретя безошибочное чувство собственного тела, он перестанет зависеть от природы, сможет реставрировать утраченные члены и даже убивать себя усилием воли, только так он стяжает истинные знания о теле, душе, мире, жизни, смерти и духовном царстве. Может быть, только от него одного зависит одушевление вещества — он заставит чувства придать ему любой требуемый облик и заживет буквально в собственном мире. При желании он сможет расстаться с собственным телом — будет видеть, слышать и чувствовать что и как пожелает. Фихте учил о деятельном применении мыслительного органа и открыл таковое. Не открыли Фихте законы деятельного применения органов вообще? Интеллектуальное созерцание в этом и состоит.¹⁷

60. Что такое природа? — энциклопедический систематический реестр или план нашего духа. Зачем ограничиваться простым перечнем богатств — давайте изучать, обрабатывать, использовать. Судьба тиранит нас из-за нашей духовной лени. Расширяя и развивая деятельность, мы сами станем судьбой. Поскольку мы сами ни к чему не стремимся, кажется, что все устремляется к нам. Мы отрицательны, ибо желаем — чем положительнее мы становимся, тем отрицательнее становится окружающий мир. Когда отрицания вообще не будет — мы будем всем во всём.

Бог хочет богов.

Что есть тело, как не сконцентрированное действие чувств — подчинив себе чувства, мы сможем произвольно обращать их в действия — концентрировать и, стало быть, сами решать — какое тело взять.

Что есть чувство, как не модификация органа мысли — абсолютного элемента, овладев которым мы сможем произвольно модифицировать чувства и руководить ими.

61. Живописец так овладел зрением, музыкант — слухом, поэт — воображением, языком и ощущением или одновременно многими чувствами, совокупное действие которых он направляет к языку или руке (философ — абсолютный орган), что достигает с их помощью любого эффекта и изображает духовный мир, как ему вздумается.

Гений — дух, действующий посредством активных органов чувств. Прежде гениальность была единичным, а должна стать тотальным явлением духа. Фихте начал реализовывать одну идею — *идею системы мышления* — именно так. Желаясь приобщиться к этой идее должен ему подражать — естественно, посредством *собственной деятельности* согласно *данной идее*. Идея должна заключать в себе также закон ее совершенного развития.

62. Индивидуальная праформа — характер моей изначальной воли. Характер из инстинкта — характер из принципов. Чем больше воля зависит от случайностей и обстоятельств, тем неопределеннее, неразвитее и непрактичнее, и наоборот.

Искусство всемогущества — искусство максимальной реализации воли. Телом мы должны овладеть так же, как и душой. Тело — орудие образования и преобразования мира — нужно стремиться превратить в орган с универсальными способностями. Преобразование этого орудия является преобразованием мира.

63. Мы знаем нечто настолько, насколько можем его выразить, т. е. сделать. Чем искуснее и многограннее произведенный продукт, тем лучше мы его знаем. Мы знаем его в совершенстве, если можем сообщить о нем где и как

пожелаем — возбудить и индивидуально выразить таковой в любом органе.

64. Наши государства суть правовые институты — оборонительные ведомства, не более. Воспитательными учреждениями, академиями, художественными обществами их можно назвать, к сожалению, только с большой натяжкой. Этот пробел можно восполнить с помощью особых союзов. Отсутствие полицейских учреждений следовало бы компенсировать частными объединениями.

65. Центростремительная сила — синтетическое, центробежная сила — аналитическое стремление духа и тяга к единству — тяга к многообразию, посредством взаимного определения достигается высший синтез единства и многообразия — одно во всем и все в одном.

66. Поэзия — героиня философии. Философия возводит поэзию в первопринцип. Она раскрывает для нас значение поэзии. Философия является теорией поэзии. Она показывает, что такое поэзия, что она есть одно и все.

67. Наслаждаться плодами творчества, по-моему, благороднее, нежели мастерить и производить самому, наблюдать благороднее, нежели действовать, мыслить, нежели реализовывать или быть!!!

68. Истинный поэт всеведущ, он — действительный мир в миниатюре.

69. Мир — это результат взаимодействия меня и Божества. Все, что есть и будет, возникает благодаря духовному прикосновению.

70. Внешняя солицитация¹⁸ происходит от недостатка внутренней гетерогенности — соприкосновения с собой!!!

71. Все, что мы узнаём, есть *сообщение*. Поэтому мир является в действительности *сообщением* — откровением Духа. Время, когда Дух Божий был понятен, миновало. Смысл мира утрачен. Мы сохранили только букву. Явление заслонило от нас само являющееся. Формулярная сущность.

<ТЕПЛИЦКИЕ ФРАГМЕНТЫ>

<антология>

72. Требование принимать современный мир за наилучший и абсолютно мой — то же самое, что считать свою невесту лучшей и единственной женщиной, жить исключительно ради нее и ею одной. Есть еще целый ряд подобных требований и притязаний, признавать которые обязан тот, кто твердо решил уважать прошлое, кто исторически религиозен — абсолютно верует и мистически чувствует историю, истинно влюблен в судьбу. Фатум есть мистическая история. Всякая сознательная любовь в известном значении есть религия, у которой только Один апостол, евангелист и приверженец. Такая религия не исключает перемены — однако и не нуждается в таковой.

Где предмет по своей природе исключает ревность, там христианская религия — христианская любовь.

73. Философия жизни является наукой о независимой жизни, которую я сам создал и подчинил своей власти, и принадлежит учению об искусстве жить или системе инструкций по устроению такой жизни.

Все историческое соотносится с тем, что дано, все философское, напротив, — с тем, что сделано. Но у истории тоже есть философская часть.

74. Мнение, вера, убеждение о трудности и легкости, дозволенности и недозволенности, возможности и невозможности, успехе и неуспехе и т. д. какого-либо предприятия, поступка действительно предопределяют таковые — например, если я верю, что нечто является тягостным и вредным, то так и есть, и т. д. Даже успех знания основан на силе веры — в любом знании есть вера.

75. Воспитание девочек в уединении благоприятно для счастливой семейной жизни, потому что мужчина, с коим она впоследствии тесно сойдется, произведет на нее глубокое и неповторимое впечатление, что для брака совершенно необходимо, — первое впечатление является самым сильным и самым верным, оно непременно возвращается даже тогда, когда кажется, что оно стерлось.

76. Мир — универсальный троп духа — символический образ такового.

77. Всякая книга, которую человек написал с определенным умыслом или без такового, — будучи скорее не книгой, но выражением его мыслей и характера в письменной форме — не может оцениваться однозначно, как и сам человек. Здесь компетентен не художник, но настоящий знаток человеческой природы — этот вопрос не по художественной, а по антропологической части. Такого рода книги судят также односторонне, предвзято, категорично и бесчеловечно, как и людей. Чувство универсальной гуманности еще так незрело, что критика в адрес такого рода сочинений удивления не вызывает. Она упускает из виду как раз самое главное. Однако знаток, для которого человек таков, каким его видят, обнаружит множество нюансов, гармоний и удач. Даже в весьма посредственном или просто плохом тексте он способен понять и оценить редкое сочетание и развитие человеческих задатков — великолепное природное искусство духа,

который открылся в варварской форме, потому что либо вовсе не обладал писательским талантом, либо пренебрег таковым.

78. Браун — лекарь нашего времени. Господствующая конституция — нежная, астеническая. Лечебная система является естественным продуктом господствующей конституции, поэтому ее нужно изменить.

79. Подобие и непоподобие Асмуса, Линя и Вольтера. Якоби¹⁹ тоже принадлежит к числу трансцендентных эмпириков: образ мыслей есть действие внешнего мира и фатума — пассивный мыслитель, которому философия дается в дар. Вольтер — чистый эмпирик, как и многие французские философы, Линь незаметно склоняется к трансцендентальным эмпирикам. Они образуют переход к догматизму — отсюда прямая дорога к мечтателям или трансцендентальным догматикам, затем к Канту, от него к Фихте и, наконец, к магическому идеализму.

80. Как мало народов, которые способны войти в историю! Таковую привилегию народ получает только благодаря литературе или произведениям искусства, ведь иначе от него не остается ничего индивидуального и характерного. Естественно, что народ приобщается к истории тогда, когда становится публикой. Историчен ли человек, который еще не достиг совершеннолетия и не обрел собственную сущность?

81. Сердце — ключ мира и жизни. Мы живем в состоянии беспомощности, чтобы любить и заботиться о других. Собственное несовершенство делает восприимчивым к воздействию извне, испытать такое воздействие — вот цель. В болезнях нам *должны и могут* помочь только *другие*. С этой точки зрения Христос — ключ мира.

82. Самоощущение — как и саморефлексия — активное ощущение. Орган ощущения, как и орган мысли, можно подчинить своей власти.

83. Подлинную невинность, как и подлинную жизнь, нельзя утратить. Обычная невинность однократна и безвозвратна, как и человек. Кто, подобно богам, любит первенцев, никогда не польстится на вторую — хотя вторая и выше первой. Вещь возникает лишь один раз, ибо однократность составляет ее суть. Наша жизнь абсолютна и одновременно относительна. Мы никогда не умираем совсем. Наша жизнь, очевидно, является звеном в некой большой коллективной жизни.

84. Повседневная жизнь подобна священнодействию — почти как у весталок.²⁰ У нас только одно дело — хранить священный и тайный огонь, который, как кажется, является двойным.

От нас зависит, как мы заботимся о нем и ждем. Может быть, способ заботы определяет масштаб нашей верности, любви и тщательности по отношению к высшему — характер нашей сущности? Верность профессии — символический знак нашей религиозности, т. е. сущности?

<Огнепоклонники²¹>

85. Вся наша жизнь — богослужение.

86. Идея тем оригинальнее и индивидуальнее, тем привлекательнее — чем больше мыслей, миров и настроений скрещиваются и соприкасаются в оной. Если произведение не случайно, многозначно, любопытно, многогранно — может быть понято и любимо по-разному, то оно в высшей степени интересно и является подлинной эманацией личности. Как

возвышенные и вульгарные, изысканные и банальные люди в чем-то схожи — так и книги. Высшая книга может быть подобна азбуке. Вообще, с книгами дело обстоит так же, как и с людьми. Человек — источник аналогии для Вселенной.

87. Механическое богослужение. Католическая религия куда более зрима, тонка, интимна, нежели протестантская. Кроме шпилей да ряс — кстати, весьма старомодных — от религии там ничего не осталось.

88. Существует три главных породы людей: дикари, цивилизованные варвары, европейцы. Европейец выше немца, насколько тот выше саксонца, саксонец — жителя Лейпцига. Выше всех — гражданин мира. Все национальное, временное, местечковое, индивидуальное можно универсализировать и таким образом канонизировать, сделать всеобщим. Христос — соотечественник, облагороженный таким образом. Индивидуальный колорит универсального — романтическая стихия. Стало быть, всякий национальный и даже личный Бог является романтическим универсумом. Личность — романтический элемент внутри Я.

89. Прекрасная тайна пречистой Девы, делающая ее невыразимо притягательной, — это предчувствие материнства — предвкушение будущего мира, который дремлет и развивается в ней. Она есть образ и подобие будущего.

<Заметки о повседневной жизни>

90. Еда — это лишь акцентированная жизнь. Еда, питье и дыхание соответствуют троякому делению тел на твердые, жидкие и газообразные. Тело дышит, едят и пьют только губы — тот орган, который сортирует посредством разнообразных звуков духовные и чувственные восприятия. Если

губы не хочется поцеловать, то для светской жизни они непригодны. Нежное, мягкое, выпуклое символизирует желание прикоснуться. Так природа иносказательно и скромно приглашает наслаждаться ею, вся природа, пожалуй, женственна — дева и мать одновременно.

91. Свет — символ подлинной разумности. Стало быть, свет аналогичен активному действию — материя прикасается к себе. День — сознание планеты, и, пока богоподобное солнце в вечной самодеятельности одушевляет середину, другие планеты могут поочередно смежать очи и освежаться сном для новой жизни и созерцания. Так что религия есть и тут — ведь что такое жизнь планет, как не служение солнцу. А вот и ты — древняя и детская религия парсов, в тебе мы обретаем религию вселенной.

92. Чем больше предмет, тем больше его любишь — абсолютному предмету подобает абсолютная любовь. К тебе обращаюсь я, благородный Кеплер,²² чей возвышенный разум создал одухотворенную, нравственную Вселенную. Чтобы прослыть мудрецом в наши дни, нужно все умертвить — не возвысить низкое, но унижить высокое — и даже человеческий дух подчинить механическим законам.

93. Что же такое солнце? Самовозбудимое и, следовательно, самодеятельное, вечно светящееся тело. А планета? Относительно возбудимое тело, реагирующее на внешнее возбуждение.

94. Свет — стихия общности — Вселенной, подлинная разумность в духовной сфере не есть ли то же самое?

95. Как и мы, звезды то загораются, то меркнут — но нам, как и им, в помрачении дарован свет утешения и надежды других сияющих и осиянных звезд.

96. Кометы — воистину эксцентричные существа, способные к высшим озарениям и затмениям — подлинный Джинистан,²³ населенный могучими добрыми и злыми духами, полный органических тел, способных расширяться до газа и сгущаться до золота.

97. Совместная трапеза — символическое действо единения. Все виды единения, кроме брака, суть действия, определяемые целью, объектом и друг другом. Брак, напротив, есть независимое тотальное единение. Вкусить, усвоить, ассимилировать означает съесть, и еда — не что иное, как процесс усвоения. Всякое духовное наслаждение, следовательно, может быть выражено посредством еды — друзья питаются друг другом и живут за счет этого.

Телесная субституция духа — вот подлинный троп — поминать своего друга в смелой, сверхчувственной фантазии, вкушая его плоть и пия его кровь.

Изнеженный вкус нашего времени, наверное, сочтет это полным варварством, но никто и не призывает думать о грубой и тленной плоти и крови. Телесное присвоение достаточно таинственно, чтобы служить красивым образом духовного смысла, — неужели плоть и кровь так отвратительны и неблагородны? На самом деле они дороже золота и алмазов, и близится время, когда мы сформируем более высокие понятия об органическом теле.

Кто знает, какой возвышенный символ — кровь? Именно гадкий вид органических элементов позволяет заключить о их возвышенном содержании. Мы трепещем перед ними, как перед призраками, и с детским ужасом предчувствуем в этой странной смеси таинственный мир, искони нам знакомый.

Возвращаясь к поминальной трапезе, разве нельзя представить себе, что наш друг — сейчас такое существо, плоть и кровь которого — хлеб и вино?

Так мы ежедневно вкушаем гения природы, и каждая трапеза становится поминальной, насыщающей как душу,

так и тело — тайным средством земного преображения и обожествления, оживляющим общением с абсолютной жизнью. Вкушая во сне Безымянного, мы пробуждаемся, словно дитя у материнской груди, и осознаем, что бодрость и крепость дарованы милостью и любовью, что воздух, питье и еда суть члены неизъяснимо милой личности.

98. (Сон. Подъем. Утро и т. д.)

Сон — остановка высшего органа, прекращение *духовно-го* раздражения — того раздражения, которое должно быть абсолютным. Произвол затруднен — сон — аналог смерти. Более короткий, но частый сон. Его восстанавливающее воздействие. Знак того, что выспался, — бодрое самочувствие. Чем меньше сна требуется человеку, тем он совершеннее. Кратковременный перерыв укрепляет, пожалуй, больше, чем длительный. Полуосознанность во сне. Станные сновидения. Жизнь есть сон. (Время сплавляет предметы друг с другом.) Восприятие будущего как полнокровной и многогранной жизни — утреннее восприятие. Поэтический путь солнца. Жизнь завершается подобно дню и совершенной пьесе — печально, но с упованием. Вечер сентиментален, утро наивно. Утро должно быть строгим и деловым, вечер — роскошным. Работа до обеда должна нарастать, а после обеда убывать. Никакого общества поутру. Утром мы молоды, вечером — стары. К вечеру завещание, как и все прочие дела, должно быть приведено в порядок.

99. Гёте — совершенно практический поэт. В своем творчестве он так же прост, мил, уютен и солиден, как англичанин в торговле. Для немецкой литературы он сделал то же, что Веджвуд²⁴ для искусства Англии, как и англичане, он обладает природным экономическим и благоприобретенным аристократическим вкусом. То и другое прекрасно сочетается и близко родственно в *химическом* смысле.²⁵ Из его физических опытов явствует, что он лучше будет отделять какую-

нибудь безделушку, полировать и наводить лоск, нежели начинать новый мир, осуществлять нечто заведомо неисполнимое или убогое, в чем виртуозности и мастерства достичь невозможно. Но и на этом поприще он избирает романтический или иной весьма замысловатый предмет. Его теория света,²⁶ метаморфозы растений и насекомых²⁷ подтверждают и убедительно доказывают, что даже самый ученый доклад принадлежит сфере искусства. В известном смысле правомерно утверждать, что Гёте — первый физик своего времени,²⁸ который действительно открыл новую эпоху в истории физики. Речь идет не об объеме знаний и не об открытиях. Не они определяют ранг естествоиспытателя. Все дело в том, как созерцается природа: не так ли, как античность созерцается художником, ибо что есть природа как не живая античность? Природа и понимание природы возникают одновременно, как античность и знание о ней. Следовательно, глубоко заблуждаются те, кто полагает, что античность существует сама по себе. Античность возникает здесь и сейчас — в душе исследователя и под его взором. Древние руины — особые возбудители, посредством которых образуется античность. Античность нерукотворна. Дух создает ее посредством глаза, а резной камень — тело, значимое только благодаря ей и проявляющее таковую. Гёте-физик также соотносится с другими физиками, как Гёте-поэт — с другими поэтами. В объеме, многообразии и глубине он иногда им уступает, но кто сможет сравниться с ним в образовательном искусстве? Где у Гёте — деяние, у других — лишь тенденция. Он реализует то, что другие только почитают возможным или необходимым. Мы все можем и должны быть творцами, но в действительности ими не являемся. Школьный философ назвал бы это активным эмпиризмом. Ограничимся созерцанием художественного таланта Гёте и еще раз посмотрим на его рассудок. Дар абстракции предстает здесь в совершенно ином свете. Он абстрагирует с редкой точностью, не конструируя при этом объект, которому абстракция соответствует. Это

не что иное, как прикладная философия. В итоге к вящему изумлению выходит прикладной, практический философ, каким каждый истинный художник на самом деле всегда и был. *Теоретический* философ должен быть и практическим, тогда как прикладной в теорию вникать не обязан, ибо это уже отдельное искусство («Мейстер» Гёте).

Резиденция искусства как такового — рассудок. Он конструирует согласно собственному понятию. Воображение, остроумие, сила суждения выводятся из него. Поэтому «Вильгельм Мейстер» — это целиком художественный продукт — творение рассудка. Многие, весьма посредственные книги помещены в галерею искусств и, наоборот, множество значимых произведений из нее изъято на основании данного критерия. У итальянцев и испанцев художественный талант встречается намного чаще, чем у нас. Даже французы не обделены им, у англичан его куда меньше — в этом они похожи на нас, у которых художественный талант большая редкость, хотя по сравнению с другими нациями у нас способностей, потребных рассудку для его творений, больше и они богаче. Изобилие художественных реквизитов делает наших немногочисленных художников уникальными и неповторимыми, и можно рассчитывать на то, что у нас вскоре появятся самые прекрасные произведения, ибо в энергичной универсальности с немцами не может соперничать ни одна нация. Если я правильно понимаю современных любителей древности, то они, радуя за подражание классическим писателям, хотят только одного — воспитать художников, разбудить в нас художественный талант. Ни одна современная нация не обладает столь высоким художественным талантом, как древние, для которых все является произведением искусства. Однако не будет преувеличением предположить, что эти произведения появились и могли появиться только для нас. С классической литературой происходит то же, что и с античностью; она, собственно говоря, не дана — не наличествует, а только должна быть создана нами.

Благодаря усердному и вдумчивому изучению древних писателей перед нами предстанет такая классическая литература, какой не было даже у древних. А задача древних была бы обратной, ведь быть только художником — быть односторонним и ограниченным человеком. В строгости Гёте, возможно, и уступает древним, но превосходит их в содержании, что, впрочем, не является его заслугой. Его «Мейстер» к ним достаточно близок — это в полном смысле роман, без всяких оговорок, что в наше время дорогого стоит! Гёте будет и должен быть превзойден только в том, в чем можно превзойти древних, — в содержании, силе, разнообразии и глубине мысли, а в художественности — едва ли, разве что весьма незначительно, ибо его правильность и строгость, возможно, даже образцовее, чем кажется.

100. Мировая психология. Без гипотезы о мировой душе организм объяснить невозможно, как и всемирный план без гипотезы о мировом разумном существе. Если при объяснении организма не учитывать душу и таинственную нить, связующую ее с телом, далеко не продвинешься. Может быть, жизнь есть не что иное, как результат их объединения — акт соприкосновения.

Как свет возникает при трении стали о камень, звук — касании смычком струны, судорога — замыкании и размыкании гальванической цепи, так, наверное, и жизнь — при пробуждении (пенетрации) органического вещества. Косвенная конструкция. Истина является сама, если возникают условия ее явления. Механическая операция относится к высшему результату так, как сталь, камень и прикосновение к искре (свободное сотрудничество).

Каждое воздействие сопровождается высшим гением.

Индивидуальная душа должна прийти в соответствие с мировой. Соправление мировой души и души индивидуальной.

101. Вопрос об основании, законе явления и т. п. — вопрос абстрактный, т. е. уводящий от предмета к духу. Вопрос об усвоении, ассимиляции предмета. Благодаря объяснению предмет перестает быть чужим. Дух стремится абсорбировать раздражение. Его раздражает все чужеродное. Превращение чужого в свое, *присвоение* является, следовательно, беспрестанным делом духа.

Когда не будет ни раздражения и ни вообще чужого — дух научится отчуждаться от себя и раздражать себя сам.

Сейчас дух — дух инстинктивный, природный, он должен стать духом разумным благодаря рассудительности и с помощью искусства.

(Природа должна стать искусством, а искусство — второй природой.)

102. Изображение предмета посредством рядов (рядов вариаций, изменений и т. п.). Так, например, изображение персонажей в «Мейстере», прекрасной души и Наталии — в их собственной рефлексии, в вещах первого, второго, третьего плана и т. д. Например, исторический ряд, собрание гравюр от примитивнейшего истока искусства вплоть до совершенства и т. д., форм — от лягушки до Аполлона и т. д.

103. Религиозные, моральные, духовные, поэтические преупления и т. д. (Поэзия есть абсолютная Реальность. Это центр моей философии. Чем поэтичнее, тем правдивее.) Прекрасное — среднего рода? О всеобщих понятиях — они среднего рода, смешанного или *quid*?²⁹ (...)

104. Наше тело — это часть мира, вернее, его звено: оно выражает самостоятельность, аналогию с целым, короче говоря, понятие микрокосма. Этому звену должно соответствовать целое. Сколько чувств, столько и модусов универсума — универсум совершенно аналогичен человеческой сущности

как телу, душе и духу. Сущность человека — аббревиатура, универсум — элонгатура одной и той же субстанции. Я не должен и не хочу воздействовать на целый мир произвольно, для этого у меня есть тело — модифицируя тело, я модифицирую мой мир. Отказом от воздействия на сосуд моего бытия я косвенно тоже образую мой мир.

105. Дерево для меня — цветущий, человек — говорящий, животное — блуждающий огонь.³⁰

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По преимуществу, прежде всего (*греч.*).

² Ср.: Фихте говорит в «Основании теоретического знания» («Основа общего наукоучения» § 4, 1794): «Я полагает себя как определяемое через не-Я», а в «Основании науки практического» § 5: «Я полагает себя как определяющее не-Я» (*Фихте И. Г.* Основа общего наукоучения // Соч.: В 2 т. Т. 1. СПб., 1993. С. 244).

³ Франц Ксавер фон Баадер (1765—1841) — немецкий философ и теолог, представитель философского романтизма. Профессор Мюнхенского университета. Развивал учение о мире и обществе как органической целостности, принимающей различные формы. Придерживался воззрения об интуитивном познании мира, опираясь на мистику Я. Беме и Т. Парацельса. Теософские построения Баадера, содержащие мистическую диалектику саморазвития Бога в человеке как самоосвобождения из темной «бездны», оказали большое влияние на позднего Ф. Шеллинга, Й. Гёрреса, Фр. Шлегеля.

Август Людвиг Гюльзен (1765—1809), философ раннего романтизма, близкий Фихте. Гюльзен был домашним учителем у Фридриха де Ламотта Фуке. Фр. Шлегель высоко ценил Гюльзена.

⁴ Директория — намек на правительство Франции с 1795 по 1799 г.

⁵ Директория возглавлялась Советом, состоящим из пяти членов — квинквиратом.

⁶ Страж конституции (*фр.*).

⁷ Логология — это слово встречается в английской философии XVIII века, но переосмыслено Новалисом как «высшее наукоучение» (фр. 5), отличающееся от предшествующей философии также и способом выражения. Логология — это поэтическая философия.

⁸ Драмы Софокла.

⁹ Сказка Гёте была напечатана в издаваемом Ф. Шиллером журнале «Оры» (1795 г.) в «Разговорах немецких беженцев».

¹⁰ Ср. аналогичное замечание о Шиллере в «Фихтеанских штудиях» (фр. 37).

¹¹ Семейная атмосфера (фр.).

¹² Имеется в виду песня В. А. Моцарта «К Хлое», текст к которой написал И. Г. Якоби.

¹³ Как и во фр. 10 Новалис употребляет в этом фрагменте математические термины, которые образуют здесь оппозицию: потенцирование — логарифмизирование.

¹⁴ Средневековая оппозиция *lingua gotana* (язык простонародья) — *lingua latina* (язык образованных кругов) имела значение для формирования понятия «романтизм». Кроме того, язык простонародья — исходная точка романтического потенцирования.

¹⁵ Имеется в виду первая глава 7-й книги романа «Годы учения Вильгельма Мейстера». Нападение разбойников описывается в 4-й книге (гл. 5).

¹⁶ Фр. буриме — литературная игра, заключающаяся в сочинении стихов, чаще шуточных, на заданные рифмы, иногда еще и на заданную тему.

¹⁷ Интеллектуальное созерцание — у Канта и Фихте это понятие означает чувственно-непосредственное постижение Абсолютного (*intellektuelle Anschauung*). Шеллинг пользуется термином *intellektuale Anschauung*, который он в «Трактатах к разъяснению идеализма наукоучения» (1797—1798) определяет так: «Исток самосознания есть воление. В абсолютном волении дух непосредственно проникается самим собой, т. е. имеет интеллектуальное созерцание самого себя. Созерцанием это познание называется, так как оно ни чем не опосредовано, интеллектуальным, так как имеет характер деятельности, направленной на объект, выходящей за рамки эмпирического, и не может быть достигнуто в понятиях. То, что выражается в понятиях, покоится. Понятия бывают только об объектах, и о том, что ограничено и созерцается чувственно. Понятие движения — это не само движение, и без

созерцания мы бы не знали, что такое движение. Свобода познается только свободой, деятельность — только деятельностью. Если бы мы не имели интеллектуального созерцания, то навечно замкнулись бы в наших объективных представлениях и не имели бы ни трансцендентального мышления, ни трансцендентального воображения, никакой философии вообще, ни теоретической, ни практической» (*Schelling F. W. J. Werke / Nach der Originalausgabe in neuer Anordnung hrsg. von Manfred Schröter. 6 Hauptbände und 6 Ergänzungsbände. Bd. I. München, 1927. S. 325*).

¹⁸ От лат. *sollicitatio* — тревога, беспокойство, аффект, возбуждение.

¹⁹ Асмус — здесь, вероятно, псевдоним поэта и журналиста Матиаса Клаудиуса (1740—1815); Линь — Шарль-Жозеф де Линь (1735—1814) — принц (или князь), австрийский фельдмаршал и дипломат; Якоби — писатель и философ Фридрих Генрих Якоби (1743—1819).

²⁰ Жрицы богини Весты в Древнем Риме, пользовавшиеся большим уважением и почетом.

²¹ Огнепоклонники — парсы. Парсизм — древнеперсидская религия, основанная Заратустрой, в которой большую роль играло поклонение огню и солнцу.

²² Астроном Иоганн Кеплер (1571—1630) объяснял движение планет силой, исходящей от солнца. В одном из фрагментов Новалис говорит о «дезастрономизации» законов Кеплера, т. е. переносе таковых на другие науки, в частности этику.

²³ Джинистан — у персов сказочная страна, населенная духами и демонами — джинами. У Новалиса также персонаж сказки Клингзора в романе «Генрих фон Офтердинген».

²⁴ Джозайя Веджвуд и Сыновья (*Josiah Wedgwood and Sons*) — английская фирма по изготовлению посуды, знаменитая торговая марка. Фирма была основана Джозайей Веджвудом в 1759 году.

²⁵ Подчеркивая химический характер родства, Новалис указывает на различие обоих компонентов, но также и их взаимодействие. «Химически» смешивая многообразное, Гёте поступает как «практический художник».

²⁶ Имеются в виду «Статьи об оптике» (*Beiträge zur Optik*) Гёте, опубликованные в 1791—1792 гг.

²⁷ Речь идет об «Опыте объяснения метаморфозы растений» (1790) и докладах, которые Гёте читал в 1796 г., под названием «Метаморфоза насекомых, прежде всего бабочек». Стихотворение

Гёте «Метаморфоза растений» было опубликовано в журнале Шиллера «Альманах муз» в 1799 г.

²⁸ В начале сентября 1798 г. Новалис пишет Каролине Шлегель: «Чем глубже я вникаю в сырое понятие Мировой души у Шеллинга, тем более интересным мне кажется его ум, исследующий наивысшее, но не имеющий дара выражать его в чистых понятиях, — что делает Гёте самым удивительным физиком нашего времени».

²⁹ Здесь: какого (*лат.*).

³⁰ Цветущий огонь — огонь традиционно есть символ единой, но многообразно меняющейся жизни, а также зачатия и смерти.

Из «ВСЕОБЩЕГО ЧЕРНОВИКА» 1798—1799 годы

1. Психология и энциклопедистика. Ясным нечто становится только посредством репрезентации. Вещь понимается легче всего, если предстает в репрезентации. Так, Я понимается, поскольку репрезентируется посредством не-Я. Не-Я — символ Я и служит для самопонимания Я. И, наоборот, не-Я можно понять, репрезентировав посредством Я, которое становится его символом. К математике данное наблюдение имеет следующее отношение: математика, чтобы быть понятой, нуждается в репрезентации. Одну науку можно репрезентировать с помощью другой. Педагогические основания математики являются, следовательно, символическими и аналогическими. Известная наука служит для математики подобием, и уподобление должно стать основным принципом изложения математики. (Как антропология — основа истории человечества, так и математическая физика — основа истории математики. Физика — вот изначальная, подлинная история. То, что обычно называют историей, является лишь ее производной.)

(Даже Бог доступен пониманию только путем репрезентации.)

Философия. (Изначально знание и деяние были слиты, потом разделились — в итоге они снова должны объединиться, сотрудничать, гармонизировать, но не слиться.)

Я хочу знать и действовать *одновременно*, чередуя знание с делом, а дело с знанием.

(Химия есть вещественное искусство (одноголосие), механика — динамическое искусство (двухголосие). Физика (синтез). Союз химии и механики (гармония). Искусство жизни.)

2. Система чисел — образец истинной языковой системы: буквы должны стать числами, язык — арифметикой. Что пифагорейцы понимали под математикой? Дух механики — это, наверно, дух целого безотносительно к частям или индивидуальностям.

3. Природа неумолимо складывает, вычитает, умножает, возводит в степень и т. д. Прикладные математические науки показывают нам природу математически. *Реальная* математика — это физика.

4. Созерцание большого и созерцание малого должны возрастать параллельно: первое — упрощаться, второе — усложняться. Совокупные знания о мироздании в целом и о каждой части в отдельности (макрокосм и микрокосм) постепенно прирастают благодаря аналогиям: целое разъясняется через часть, часть — через целое.

5. Связанность — это синхронная свобода. В нейтральной или индифферентной точке оба члена оппозиции совершенно свободны — один действует одновременно с другим, что делает их не воспринимаемыми. Душа и материя не воспринимаются, если полностью проникают друг в друга: $a = b$.

Будучи связаны в обычном смысле, они соотносятся обратным образом. Максимум и минимум вообще связаны. Если в точке абсолютной неразличенности, снимая друг друга ради третьего иллюзорно, они не воспринимаемы, то в точке абсолютной различенности они реально сняты, и иллюзорно каждый из них абсолютно воспринимаем. (Абсолютное

возбуждение (абсолютно) питает — и (абсолютно) истощает.)

Здесь абсолютная смерть становится абсолютной величиной, которой на конечных путях никогда не достичь, — абсолютная смерть содержит возможность абсолютной жизни — смерть полярна, жизнь непременно синтетична. Жизнь возникает из взаимного насыщения плюс- и минус-смерти. Смерть есть нечто простое, стихия. Абсолютно полярные элементы, взаимно насыщая друг друга, конституируют абсолютную жизнь. Несовершенные элементы (плюс- и минус-элементы) конституируют лишь несовершенную жизнь, так как они не могут полностью насытить и пронизать друг друга, в результате чего совершенная гармония оказывается невозможной.

Совершенная жизнь — небо. Мир — воплощение несовершенной жизни. Если невоспринимаемая гармония — субстанция, то совершенная жизнь есть субстанция, а мир — совокупность акциденций. Так называемая смерть есть следствие абсолютной жизни, неба — отсюда постоянное разрушение всякой несовершенной жизни — некое нескончаемое переваривание, постоянное возникновение все новых пожирающих точек — новых утроб — некое непрерывное поедание и выделение — абсолютное наслаждение. (Все должно стать небом.) Цель нашей жизни — это упражнение в добродетели, добродетель выше наслаждения. Природа или абсолютная жизнь — нечто имманентно наслаждающееся, дух — трансцендентно продуцирующее — выделяющее. Мир — сфера несовершенных соединений духа и природы. Их полная неразличимость образует нравственную сущность *par excellence* — Бога. Сущность Бога состоит в непрерывной морализации мира. Как чистое небо оживляет мир — чистый дух одухотворяет и населяет его, так Бог наполняет мир нравственностью — соединяет жизнь или небо с духом. Все должно стать 1. небом — 2. духом — 3. добродетелью. Третий пункт синтезирует первый со вторым.

Основной принцип — ты можешь стать только тем, кто ты есть.

a — Перфект, b — Футурум
Презенс = синтез a и b .

Абсолютный презент — *несовершенный* презент.

Несовершенное настоящее предполагает несовершенное будущее и несовершенное прошедшее — будущее с подмешанным к нему прошедшим, отчасти связанное с ним, т. е. модифицированное — прошедшее, смешанное с будущим и модифицированное таковым. Так возникает несовершенное настоящее, которое есть, собственно говоря, процесс его создания.

(Несовершенное настоящее — несовершенная разумность.)

Совершенное настоящее творит совершенное и свободное будущее, а также совершенное и свободное прошедшее, которые одновременно подвергаются воздействию и воздействуют сами. В совершенном настоящем они неразличимы. Признаки и свойства нового единства нельзя вывести из свойств изолированных элементов. (...)

Синтез опосредованного и непосредственного — совершенного и несовершенного — Бога и человека — природы (Вселенной) и природного существа (индивида) — духа (волшебника) и души (художника).

Наделенный совершенным разумом зовется визионером.

Как тленные существа, мы стремимся к духовному совершенству — духовности. Как нетленные, духовные существа — к земному совершенству — телесности.

Мы достигаем обеих целей только нравственно. Демон, который может явиться — *действительно* явиться, должен быть добрым духом. Как и человек, настоящий чудотворец — духовидец. Человек, который становится духом, есть одновременно дух, который становится телом. Этот, так сказать, высший род смерти не имеет ничего общего с низкой

смертью — скорее, с тем, что можно назвать преображением.

Судный День — это не какой-то один день, а весь период, именуемый еще тысячелетним царством.

Каждый человек нравственным поведением может приблизить свой судный день. Тысячелетнее царство постоянно существует в нас. Лучшие из нас, еще при жизни стяжавшие духовный мир, умирают мнимо — позволяют себе мнимую смерть, как и добрые духи, осуществившие воплощение в телесном мире, не являются — дабы не мешать нам. Не достигший совершенства в этом мире либо стяжает его в будущем, либо вновь пойдет по кругу земного существования.

В потустороннем мире, наверно, тоже есть смерть, которая завершается земным рождением.

В этом случае человеческий род меньше — малочисленнее, чем мы думаем. Но рассуждать можно и иначе.

Призрак — косвенное, ложное, обманчивое преображение — результат помутнения. Только мудрецу, преображенному уже на земле, духи являются во плоти.

Разумная мечта есть мысль и т. п. Обыденные мечты суть косвенные мысли — симптомы воспаленного безумия. Мечтать не мечтая — синтетическая операция гения, в которой одно усиливает другое. (Аналогично моральная мечта.)

Зримая мораль — аналогия прекрасного. Моральное мышление аналогично философии. Моральная речь — риторике и поэзии.

Думать — ощущать — умозаключать — судить — фантазировать — видеть и т. д. — это Одна операция, разная только по предмету или направлению.

6. При помощи немногих известных элементов найти бесконечное множество неизвестных — такова формула построения ряда.

Числовые ряды — поверхности — тела — ряды тел — поверхности тел — тела тел и т. д.

Сложение — вычитание — умножение — деление.

Потенцирование — экстрагирование — логарифмирование.

Полагание — отрицание — и т. д. рядов — бесконечности — идеального ряда.

Формула рядов ряда формул рядов.

7. Универсальную шкалу можно было бы разметить так:

± Точка разрушения

Сфера болезни а. (косвенная астеническая граница.)

b. (прямая стеническая граница.)

c. Граница насыщения

Сфера здоровья d. Точка неразличенности

e. Точка вожделения

Сфера болезни f. (прямая астеническая граница.)

g. (косвенная стеническая граница.)

± Точка разрушения

Результат выхода за а и g — разрушение — смерть. Смерть бывает прямой и косвенной (прямое и косвенное стогание). Соотношения отдельных сфер и расстояния между точками определяются индивидуальной конституцией. Соответственно, чем больше сфера здоровья, тем сильнее конституция. У самой сильной конституции вообще нет сфер болезни: либо здоровье, либо смерть. Чем меньше сфера здоровья по сравнению со сферой болезни, тем болезненней конституция.

8. Философская инструкция для экспериментатора. Может быть, огонь, искра принадлежат новому царству, отличному от растительного, животного и человеческого. Живые процессы.

Четыре вида огня: 1. Такой огонь, чьи экскременты аоргической природы. 2. Экскременты — растения. 3. Экскременты — животные. 4. Экскременты — люди. Чем огонь возвышеннее — *искусственное*, тем сложнее выделяемые экскременты.

Всякое пожирание — это процесс ассимиляции — соединения — генерации.

Огонь есть пожирающее *kat exochen*.¹

Брожения и экскременты имеют огненную природу — они только пожирают, например, как ржавеющие металлы.

Металлы, которые разлагают воду, могут также ее восстанавливать.

Не является ли воздух таким же продуктом горения, как и вода?

Огонь соединяет разделенное и разделяет соединенное. Восстанавливает и разлагает воду. Окисляет и раскисляет. Намагничивает и размагничивает — электризует и деэлектризует. Всеобщий растворитель является также всеобщим восстановителем.

Возможно, электрические искры — это просто спрессованный огонь — сжатый огонь?

Свертывание и кристаллизация — это на самом деле затухание огня или, возможно, действие брожения.

(Может быть, брожение есть затухание?)

Выветривание окаменелостей. Жизненный огонь разделяет соединения, которые он сам же и создал, — брожение, гниение.

9. Не является ли огонь гальваническим актом? Или продуктом его продуктов? Истинные продукты должны снова продуцировать само продуцирующее. Из произведения вновь возникает производящее.

10. Чем нечто универсальнее, тем разнообразнее его можно применять или варьировать. Самый универсальный природный факт зиждется на бесконечном ряде вариативных явлений — единичных действительных феноменов — экспериментов.

Взгляд на эксперимент в нарастающем ряду точек зрения. Перевод на инструментальный язык.

Человек — такая субстанция, которая раскалывает природу на бесконечное число кусков, т. е. поляризует. Мир человека многообразен настолько, насколько многообразен сам человек. Животный мир уже намного беднее и т. д. по нисходящей.

11. Подобно тому как в математике благодаря закономерному функционированию известных членов и частей уравнения последовательно находят и конструируют неизвестные, в других науках находят и конструируют неизвестные, отсутствующие члены и части научного целого благодаря функциональным свойствам известных членов и частей.

12. Всякий член системы — функция: 1. системы в целом, 2. последовательности всех членов, 3. каждого члена в отдельности. Редукция сложных уравнений к простым.

13. Синтез различных систем, а также системы и несистемы. Царство произвола (анархия) и царство закона — система (архия) — не имеют ничего общего — они абсолютно разделены — гармонический синтез обеих.

14. Когда дух умирает — он становится человеком. Когда умирает человек — он становится духом. Свободная смерть духа — свободная смерть человека.

Что соответствует человеческой экзистенции в потустороннем мире? — Демоническая или гениальная экзистенция, телом которой является наша душа.

15. Существенно индивидуальный характер математического метода состоит, по Канту, в том, что математик в отличие от философа действует не дискурсивно, а интуитивно — не выводит из понятий, а конструирует понятия, изображает чувственно, но активно чувственно, создавая чистое созерцание. (Мурхард)² (Однако математический метод, как

мне кажется, не индивидуален. Математик ваяет понятия, чтобы зафиксировать и методично использовать. Данным методом может воспользоваться не только философ, но и любой научный мастер. Каждая наука должна извлекать свои понятия самостоятельно. Пластический метод — это подлинно экспериментальный метод. Действовать нужно одновременно в двух мирах, а не только в одном — нельзя мыслить без чувства и чувствовать без мысли. Обратный математический метод может заключаться в конструкции не понятий, а созерцаний, в нечувственном, непосредственном изображении созерцаний, активном мышлении, образовании чистых мыслей, фиксации созерцания (чувства) посредством мысли, дабы обеспечить возможность прогрессии, регрессии, проверки и т. д. Метод понимания или познания есть не что иное, как настоящий метод наблюдения. Там требовались фигуры, здесь — слова.

Там разум изображает и мыслит (внешние чувства) свои внутренние движения, здесь — наоборот. Слова и фигуры взаимно определяют друг друга, слышимые и видимые слова — это, собственно говоря, словесные фигуры. Словесные фигуры — идеальные фигуры других фигур. Все фигуры должны стать словесными или языковыми, а фигуральные слова — внутренними картинками — идеальными словами остальных мыслей или слов, тогда как они все должны сделаться внутренними картинками. Гениальность в первую очередь характеризует фантазию, которая творит фигурные слова.

Когда слова станут фигурами — мифами, а фигуры — языковыми фигурами, иероглифами, когда фигурами научатся говорить и писать, а словами ваять статуи и исполнять музыку, наступит Золотой Век. Оба искусства составляют единое целое, они нераздельны и должны достичь совершенства совместно.)

16. В ходе своих рассуждений Вернер³ задается вопросом, определяются ли изменения смесей формальными

изменениями и возможно ли применение симптоматики в химии. Данный вопрос чрезвычайно важен, ибо с него начинается критика новой высшей науки, основанной на обеих.

Его ответ весьма популяризован — он утверждает, что такой вывод возможен только *постфактум*, *апостериори*, когда состав смеси уже известен. Такая наука, следовательно, абсолютно непрактична и доставляет теоретику разве что *теоретическое удовольствие*. Переход и взаимосвязь можно показать только задним числом. (Возможность перехода внешних признаков во внутренние элементы, т. е. симптоматику, в химии он игнорирует, а ведь здесь-то и кроется решение вопроса.)

В этом вопросе Вернер насквозь *догматичен* — он утверждает, что параметры уравнения должны быть заданы полностью (вещь в себе и т. д.). Идеалист, напротив, полагает, что посредством только метода, только формы он сможет определить изменение состава смеси — магический ведун — пророк.

(Их объединение.)

(Их переходы.)

Основания его догматизма:

С одной стороны, относительность симптомов, из чего он делает вывод, что сущность пользуется симптомами для индикации изменения состава *бессистемно*.

С другой стороны, известная зависимость симптомов от случайности, которая не позволяет узнать, является ли данный симптом признаком сущности этого предмета или какого-то другого, обусловлен ли он составом соединения, его сущностным составом, т. е. случаен он или нет.

Первая причина беспорядка или произвольности сущности при выборе симптомов — антропоморфизм, из-за которого определенная сущность определенного предмета возвышается до уровня разумной. Такое возвышение превращает всю физику, чего господин Вернер, естественно, не

желает, ведь если нет *определенной* сущности, действующей по незыблемым законам, то и науки об этих законах тоже нет — нет и системы законов, т. е. физики. Аргументы против декларации независимости и гипотеза об анархии в природе здесь не рассматриваются.

Вторая причина — в формулировке признаков случайности и существенности. Случайные симптомы обнаруживаются либо сами по себе, либо потому, что несовместимы с другими симптомами и не вписываются в их систему, как, например, псевдокристаллизация.

Взаимоотношения двух сущностей опосредуются третьей — образующей как бы переход от одной к другой. *Всякий синтез содержит переход*. Симптоматические отношения также выводимы из внутреннего состава смесей, которому в точности соответствует их внешний состав.

Обе причины указывают на пробелы в ориктогнозии.⁴ Первая причина свидетельствует о том, что наука не имеет законов определения существ — не учитывает их переходной природы. Каждое существо наряду с индивидуальной внутренней природой обладает еще и общественной или соотносительной внутренней природой, а также индивидуальной и общественной внешней природой, которые переходят друг в друга. Одна определяет другую или все определяются взаимно, т. е. *циклически*.

17. Вопрос о возможности математики распадается на две части:

1. Возможна ли она? 2. Как она возможна? Продуманное решение общей задачи математики косвенно включает решения всех прочих математических задач.

(Кантовский метод в метафизике, которая для него синонимична философии. Его знаменитый вопрос.) (Это вопрос о возможности и методе конструирования философского гения.)

Основная проблема математики.

(Существует ли математический гений (жизнь)? Как он возможен? Первое решение дает тезис, второе — доказательство, метод конструирования для этого.)

Гений — синтезирующий принцип, гений делает невозможное возможным, возможное — невозможным, неизвестное — известным, известное — неизвестным и т. д. Короче, он является морализирующим — транссубстанцирующим принципом. (Жизнь и гениальный принцип или гений — одно и то же.) (Несовершенный гений.)

18. Для полного расчленения понятия материи *метафизическое* естествознание прибегает не к какому-то особенно-му опыту, а только к такому, который оно само обнаруживает в обособленном, но, по сути, эмпирическом понятии согласно априорным принципам или чистым созерцаниям пространства и времени. (Грен) Примечание. На основании данного понятия о функциях метафизического учения о природе ее проблематика распадается на две части: критическую и доказательную. Ее данные суть единичные всеобщие понятия о предмете. Их можно представить как разрозненные знаки. В первую очередь, метафизик должен (1) собрать все имеющиеся знаки — максимально точно определить значение каждого из них — сравнить и упорядочить значения, исключить лишние знаки — исправить ошибочные и привести данные в необходимые, стройные множества, именуемые также уравнениями, для того, чтобы (2) начать планомерный поиск недостающих, неизвестных данных, с их помощью постепенно научиться конструировать метафизическую природу и созерцать ее целиком. Его задачей является наука или искусство по составлению формул природы — метафизический физик соотносится с физическим (эмпирическим) физиком, как художник — с ремесленником. Ремесленник исполняет указания художника. Оба должны понимать друг друга. Ремесленник должен уметь понимать формулу (образец). А художник, выводя свои фор-

мулы, должен считаться с ремесленником, оценивать его смекалку и навык, а главное — сферу его ремесленной деятельности.

Так называемые факты и опытные данные суть не что иное, как специальные продукты, созданные либо самой природой, либо ее обработчиками — ремесленниками и мастерами (естественные и искусственные продукты). Природа работает на целое, ремесленники — на единичное. В целом те и другие оперируют одними и теми же инструментами и силами, т. е. силами, для них общими. Хранилище фактов и опытных данных упорядочивается по формуляру, как каталог. Наличие результатов или фактов, согласующихся с формуляром, так же мало свидетельствует в его пользу, как отсутствие таковых его опровергает. Не следует винить в этом только формуляр или только ремесленника. Виноваты они могут быть оба, так сегодня обычно и происходит. Основательная критика обеих сторон не будет лишена *мнимых* противоречий между искусством построения концепций, наукой вообще (теорией) и техникой (практикой) вообще и докажет, что, достигнув совершенства, они не могут не гармонизировать друг с другом.

Сказанное Греном об априорных принципах или отношениях к чистым созерцаниям в пространстве и времени относится как к систематизации известных данных, так и к вычислению или обнаружению неизвестных (исключению). Это становится очевидным, как только речь заходит об общих понятиях, например о метафизическом естествознании. Идеальные репрезентативные элементы суть знаки, которые, стало быть, также материальны. Система знаков должна соответствовать системе элементарных деятельностей, ибо знаки по аналогии (аллегорически) соответствуют самим элементам. Изначальная деятельность превращается в элемент посредством собственного понятия. Мир или результат такого превращения соответствует изначальному понятию (изначальной рефлексии). Как изначальная наука или рефлексия

соответствует изначальной деятельности, а мир — отношению изначальной науки и изначальной деятельности, так и образная идеальная наука ему соответствует и соотносится с миром, как изначальная наука и изначальная деятельность. Наука об элементах мира — произведение, возникшее синхронно с миром. Подобно тому как мир репрезентирует изначальную деятельность, ее элементы тоже должны быть репрезентированы. Совершенство одной репрезентации предполагает совершенство другой. Каков мир, такова наука о нем — и наоборот.

Реформатор науки о мире, или метафизический, теоретический художник, косвенно совершенствует мир — и, наоборот, практический эмпирический ремесленник — науку о мире — мировую формуляристику. Первый нуждается в интеллектуальном или непосредственном пространстве и времени, второй — в чувственном пространстве и времени или опосредованном пространстве и опосредованном времени (...)

(Вместо «материя» я бы говорил «мир». В метафизическом естествознании это выражается словом «природа». Природа — это часть мира. Следовательно, метафизическое естествознание является частью метафизического учения о мире. Поэтому работа над ним завершится только тогда, когда будет завершено метафизическое учение о мире. Итак, Грен предоставил только материал. Поэтому специальная критика такового тоже предоставит только материал. Ограничимся общими замечаниями. Истинная антиномия — это абсолютное уравнение. Формулировка высшей антиномии станет результатом совершенной критики сведений науки о мире. Метод решения этого уравнения будет содержаться в ней как в высшей формуле, ибо любая формула должна указывать и на метод своего решения. Стало быть, методом решения антиномии станет создание новой антиномии. Полученные антиномии по форме и содержанию всегда должны быть подобны изначальной антиномии. Субстанции

должны оставаться совершенно незаметными в ходе всего решения. Ведь субстанция совершенно невидима, непосредственна. Реальный ноль или бесконечность (∞) должны быть членами уравнения всякой совершенной антиномии. По этому признаку можно узнать, что имеешь дело с настоящей антиномией. Изначальная наука полностью исчерпывается абсолютной антиномией. Вопрос о *мировой субстанции* и т. д. — антиномический вопрос, на который возможны два противоположных ответа, т. е. вопрос о нуле — вопрос, который снимает себя сам, но именно поэтому он истинно философский, — вопрос истинно научного ума, ибо он воспринимает *eo ipso* субстанцию *quastiones*⁵ или, скорее, конструирует таковую. На такой вопрос вопрошающий может ответить только сам — и не как иначе. Такой вопрос — повод вспомнить о самовластии — о принципе, создавшем мир. Таким вопросом вопрошающий принуждает себя к *абсолютной самоорганизации* — чисто синтетическому (синхронному), философскому, гениальному или продуктивному мышлению. Так человек пробуждает свой гений. Глупые вопросы детей теперь предстают в совершенно ином свете. Можно сказать, что мир возник из глупого вопроса.)

19. Для эксперимента требуется природный гений, т. е. волшебная способность проникать в смысл природы и действовать в согласии с ее духом. Истинный наблюдатель — художник — ищет значительное и умеет выявлять в причудливой и пестрой сумятице впечатлений самое важное.

20. Для изучения природы нужна совсем особенная любовь и непосредственность вкупе с ясностью рассудка и безмятежностью духа. Когда увлечение природой охватит всю нацию и свяжет граждан новыми узами, когда в каждом крае появятся собственные естествоиспытатели и лаборатории, лишь тогда на этом колоссальном поприще будет достигнут прогресс, соответствующий ее масштабу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По преимуществу, прежде всего (*греч.*).

² Фридрих Вильгельм Август Мурхард (1778—1853), немецкий математик, правовед, писатель и библиотекарь.

³ Абрахам Готлиб Вернер (1749—1817) — выдающийся немецкий геолог, учитель Новалиса и Александра фон Гумбольдта, родоначальник школы непунистов.

⁴ Часть минералогии, указывающая способы распознавать минералы, по их наружным признакам (от *греч.* *oryktos* — ископаемое, *gnosis* — знание).

⁵ Исследование, предмет исследования (*лат.*).

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ШТУДИИ 1798—1799 годы

1. *a* — путь синтеза ведет от составных частей (вернее от элементов) к целому, *b* — путь анализа от целого к элементам. Совершенный анализ и синтез — это *uno momento*, как вдох и выдох. *a* — эмпирический путь, *b* — априорный путь. У Лапласа они объединены. Математический метод доказательства — это эмпирический путь.

Недостаточно универсализировать единичное, особенное, нужно стремиться индивидуализировать универсум. Только *сравнивать* тоже недостаточно, нужно еще уметь *различать*.

a — путь от природы к духу.

b — путь от духа к природе.

(Нравственный путь.)

2. Изучение механизмов создает механика и приучает дух к хитроумным изобретениям и конструкциям. (Силы обратно пропорциональны скоростям.)

Математика сил есть механика. Математика образов — геометрия. Математика света — оптика. Математика уха — генерал-бас.¹ Математика зрения — перспектива.

Если математика претендует стать искусством поиска и дедукции одних данных и фактов из других — общий анализ и синтез.

Система номенклатуры чисел в арифметике.

Все науки должны стать математикой. Прежняя математика была только первым и самым легким выражением откровения истинно научного духа.

Энциклопедистика. Трансцендентальная физика — первая, но самая низкая наука — как наукоучение. Эшенмайер² называет ее метафизикой природы. Речь в ней идет о природе, которая еще не стала природой, пребывая в том состоянии, когда *смещение и движение* (вещество и сила) еще едины. Ее предмет — хаос. Превращение хаоса в гармоничные небо и землю. Понятие неба. Теория истинного неба — внутреннего универсума. Небо есть душа звездной системы, а она — его тело.

Химия — искусство изменения (приготовления) вещества. Сила и движение — синонимы. Механика — искусство изменения движения, искусство модификации движения. Практическая физика — искусство модифицировать природу — произвольно создавать природные явления. Природа и жизнь — одно и то же. Химия и механика содержат еще нечто хаотическое. (Их процессы, видимо, зависят от трансцендентальной физики.) В практической физике или высшей химии и механике (механика химии и химия механики, как мне кажется, взаимосвязанные науки) имеются только материальные соединения, а не смеси, динамические соединения, а не смеси, материальные и динамические соединения, а не смеси; но в химии бывают только материальные смеси и *материальные движения* (сильные вещества), а в механике — динамические смеси и динамические вещества (материальные силы).

Современная теория *природных явлений* была либо химической, либо механической (Световая теория Ньютона и Эйлера.³) Сторонник практической физики взирал на природу, как на нечто автономное, самоизменяющееся и гармонически согласное с духом. Его химия выше: она соединяет вещества, не уничтожая их индивидуальность, и производит высшие республиканские тела. Так и его механика. У них

Один медиум — материя и движение, парные благодаря двусторонней симпатии (плюс и минус, мужская и женская форма). Сила и вещество в гармонии — различные вещества и движения соединяются синхронно. *Все совершается косвенно.* Морализация природы.

Магические химия, механика и физика относятся к совершенно другой области.

Фактура противопоставлена природе. Дух — это художник. Фактура и природа смешанны — раздельны — едины. Смешанным занимается трансцендентальная физика и поэтика, раздельным — практическая физика и поэтика, единым — высшая физика и поэтика.

Высшая философия повествует о *браке между природой и духом.*

Химическая и механическая психология. Трансцендентальная поэтика. Практическая поэтика. Природа рождает, дух создает. *Il est beaucoup plus commode d'être fait, que de se faire lui même.*⁴

Психология. Любовь — это конечная цель мировой истории — единство универсума.

3. Энциклопедистика. Трансцендентальная поэтика учит о становящемся духе. В химической и механической психологии происходит непрерывное уничтожение мнимых индивидуальностей. В трансцендентальной поэтике имеется только Один общий грубый индивид. В практической поэтике речь идет об образованных индивидах или об Одном бесконечно образованном индивиде.

4. Археология. Гальванизм антиков,⁵ их вещество — ревивификация⁶ древнего мира. Чудесная религия, которая ее осеняет — история — философия скульптур — гемм — человеческие петрификации⁷ — живопись — портрет — ландшафты: человек всегда выражает символическую философию своей сущности в творениях и творчестве — он возве-

щает себя и свое Евангелие природе. Он есть Мессия природы — антики — творения прошлого и будущего одновременно. Гёте созерцает природу как античность — характер античности — эпиграммы⁸ — античные творения родом из другого мира, они словно упали с неба. Слово о Мадонне.⁹ В заключение несколько стихотворений. Созерцание античных произведений должно быть *научным* (физическим) и поэтическим.

Есть ли у античности центр или универсальный дух? Мистическое чувство образов. Античные произведения трагивают не Одно, а все чувства, всё человечество. —

5. Энциклопедистика. *Наукоучитель занимается наукой* в целом — имеет дело с науками как таковыми. Наукоучение является истинной, независимой, самостоятельной энциклопедией — наукой наук. Наукоучение образует *систему научного духа*, так сказать, *психологию наук* в целом.

6. Энциклопедистика. Человеческая психология, как, впрочем, и наукоучение, должна воспринимать человека как целое, как систему (только *сверху вниз*), а общая психология иметь дело только с целым.

Тогда *психология и физиология* будут восприниматься как полное единство, а душа — как принцип системы, субстанция, обитающая на небе.

Физиология была бы мировой психологией, *природа и душа* единством — ведь под природой понимается только *дух целого*, субстанциальный принцип.

7. Космология. Бога следует отделять от природы — Бог никак с ней не связан, Он — цель природы, с которой она однажды достигнет гармонии. Природа должна стать моральной, и тогда кантовский моральный Бог¹⁰ и моральное поведение предстанут в совершенно ином свете. Моральный Бог бесконечно выше, чем магический Бог.

8. Теософия. Мы должны стремиться стать магами, чтобы оставаться моральными людьми. Чем моральнее, тем гармоничнее с Богом, тем божественней — *союзнее* с Богом.

Бог воспринимается только моральным чувством. Моральное чувство — это чувство существования без внешней аффектации — чувство Завета — чувство Высшего — чувство гармонии — чувство свободно избранной, пусть нереальной, но все же совместной жизни и бытия — чувство вещи в себе — подлинное чувство интуиции. Воспринимать интуитивно — это воспринимать безо всякой причины или прикосновения. Слово «чувство», указывающее на опосредованное познание, прикосновение, смешение, здесь, пожалуй, не совсем уместно — с другой стороны, это бесконечное выражение подобно тому, как существуют бесконечные величины. Его суть можно выразить только *approximando*,¹¹ приблизительно. Оно есть *нечувство*, или такое чувство, в сравнении с которым всякое другое чувство не является оным.

Что возвести на небеса — Бога или Мировую Душу? Наверно, будет лучше назвать небо моральным универсумом и поместить в этот универсум Мировую Душу.

9. Нравственность и религия. Таким образом, моральные и религиозные поступки теснейшим образом связаны. Нужно стремиться к гармонии как внутренней, так и внешней — бескорыстно исполнять и закон, и волю Божью. Ведь бывают односторонне моральные и односторонне религиозные поступки.

10. Учение о личности. Подлинно синтетическая личность — это такая, в которой одновременно много личностей — гений. Всякая личность — зародыш *бесконечного гения*. Она способна делиться на множество личностей, но может быть и Одной. Настоящий анализ личности как таковой производит другие личности — личность обособляется, разделяется и растворяется только в личностях. Личность — это

гармония, а не мешанина, не движение и не субстанция, как «душа». Дух и личность — одно и то же. (Сила есть причина.) Всякое личное проявление принадлежит определенной личности. Все проявления личности соотносятся как с неопределенной (универсальной) персональностью, так и с одной или многими определенными персональностями.

Например, проявить себя одновременно человеком, гражданином, отцом семейства и писателем.

11. Космология. Наряду с бесконечными величинами должны существовать и бесконечные науки, бесконечные люди, бесконечные моралисты, бесконечные боги. Гетерогенные вещи могут только приближаться друг к другу.

12. Математика. В конечном счете математика — это не какая-то специальная наука, но общенаучный инструмент. Выражение прекрасный инструмент — *contradictio in adjecto*.¹² Скорее это экзотерическая душевная способность рассудка, ставшая внешним объектом и органом, — реализованный и объективированный рассудок. Может быть, со многими, а то и со всеми способностями души произойдет то же самое — в результате наших усилий они станут внешними инструментами? — Все внутреннее должно стать внешним и видимым, душа — репрезентабельной. Система наук будет символическим телом (органической системой) нашего внутреннего мира, Дух станет чувственно воспринимаемым механизмом — не в нас, а вне нас. (У внешнего мира противоположная задача.)

13. Учение о воспитании природы. Природа должна стать нравственной. Мы — ее воспитатели — нравственные тангенты — нравственные стимуляторы.

Нравственность, как рассудок и проч., можно объективировать — *зримая нравственность*.

14. Учение о будущем. (Космогогика.) Природа станет моральной, если, искренне возлюбив искусство, предастся такому и будет исполнять его волю; искусство — если, искренне возлюбив природу, будет жить во имя природы и трудиться в согласии с ней. Сделать это они должны добровольно — ради себя и недобровольно — ради другого. Они должны встретиться в себе с другим и с собой в другом.

Если наш интеллектуальный мир и мир вокруг нас находятся в гармонии, то мы подобны Богу.

15. Учение о человеке. *Ребенок — это любовь, ставшая зримой.* А мы — зримые семена любви между природой и духом или искусством.

Теософия. *Бог есть любовь.* Любовь — это высшая реальность — первооснова.

Энциклопедистика. Теория любви — высшая наука, природная наука или научная природа. *Филиелогия*¹³ (а также филология.)

Физика и учение о будущем. Рождение есть семя *бесконечного рождения*, которое завершит мировую драму. Истинное рождение — очеловечивание. Рождения в обычном смысле — просто процессы, обуславливающие истинное рождение. (...)

Космология. Только в этой системе мира камень является камнем и отличается от растения и животного.

Нынешнее определение и классификация индивидов в этой системе мира является скорее ложной или относительной, случайной — исторической — безнравственной?

Всякая вещь занимает место в мировой системе в соответствии со статусом и функцией (синтезом количества и качества).

Учение о будущем. Правопорядок должен стать моральным, тогда все заборы и запреты упадут сами — каждый будет пользоваться всеми благами жизни без ущерба для других.

Математика тоже соотносится с одним только *правом* — правовые природа и искусство, а не магические. Магическими они станут только через *моральное совершенствование*. Возможность магии основана на любви. Любовь действует магически.

Бытие должно превратиться в обладание. Бытие односторонне, обладание — синтетично, *либерально*.

16. Романтизм. Романы, где есть настоящая любовь, сказки, магические происшествия.

17. Романтизм. Абсолютизация — Универсализация — *Классификация* индивидуального момента, индивидуальной ситуации и т. д. — истинная сущность *романтизации*. См. *Мастер. Сказка*.

18. Физическое учение об искусстве. Гениальный экспериментатор — чрезвычайная редкость. Настоящий экспериментатор должен иметь *смутное чувство природы*, которое тем надежнее будет сопровождать его, тем точнее позволит найти и распознать скрытый ключевой феномен, чем больше его талант. Природа как бы *вдохновляет* настоящего любителя и раскрывается через него тем полнее, чем гармоничнее он с ней связан. Настоящий любитель природы отличается умением разнообразить, упрощать, комбинировать, анализировать, романтизировать и популяризировать эксперименты, придумывать новые — подбирать и чередовать их, следуя естественному вкусу и чутью, остро и четко наблюдать, создавать искусные описания, обобщенные и одновременно подробные. Итак, экспериментатор — тоже гений.

19. Энциклопедистика. (...) Некоторые искусства и науки являются как бы ключами для других — если овладеешь ими, то легко воспользуешься и прочими.

Базой наук и искусств должна быть одна наука и искусство, которую можно сравнить с алгеброй — она, правда, возникает позже специальных наук и искусств, ибо родовое или общее возникает после единичного, овеществляясь посредством контактов уже существующих индивидов.

20. Историческая наука. О настоящем моменте — вечном процессе застывания земного времени — у него странный жизненный огонь. Время все создает, но все и *разрушает* — связывает — разделяет.

Природа воспоминания — душевный огонь — особенная жизнь души — внутренний способ жизни — процесс застывания.

Это происходит из-за прикосновения другого мира — некой второй жизни, абсолютно противоположной.

Мы выскакиваем в другой мир, словно электрические искры. Увеличение мощности. Смерть есть превращение — вытеснение индивидуального принципа, который вступает в новую, более прочную и стойкую связь.

21. Естествознание. Чем больше сопротивляется пожираемое, тем больше воспламеняется наслаждение. Применение к кислороду. Изнасилование — высшее наслаждение. Женщина — это наш кислород. (...)

22. Духовная физика. Наше мышление — это гальванизация — прикосновение к смертному духу — духовной атмосфере, небесного, бессмертного духа. Все мышление и проч. есть, в сущности, симпрактика в высшем смысле.

23. Физика. Растительная жизнь по сравнению с животной есть непрерывное зачатие и рождение, животная по сравнению с растительной — непрерывное поедание и оплодотворение.

Как женщина — это высшая видимая пища, переход от тела к душе, так и половые органы — это высшие внешние органы, переходные от видимых к невидимым.

Взгляд — (речь) — прикосновение рук — поцелуй — прикосновение к груди — половым органам — объятие — вот ступени лестницы, по которой душа спускается вниз, рядом — другая лестница, по которой тело поднимается вверх — вплоть до объятия. Учуять — обнюхать — покрыть. Подготовка души и тела к пробуждению полового инстинкта. Душа и тело соприкасаются в половом акте химически — гальванически — электрически — огненно — душа мгновенно поедает тело (и переваривает его?) — тело принимает душу (и рождает ее?) тоже мгновенно.

24. Романтизм. Не должен ли роман заключать все стилевые жанры, связанные общим духом в одну разнообразную последовательность?

25. Учение о человеке. Человек может облагородить (сделать достойной себя) любую вещь, *пожелав ее*.

26. Энциклопедистика. Универсальная поэтика и совокупная система поэзии. Наука является совершенной: 1. Если она применима ко всему. 2. Если все применимо к ней. 3. Если она, будучи абсолютно тотальной и универсальной, подчиняется только себе самой и относится ко всем остальным наукам и искусствам, как абсолютный индивид — к относительным индивидам.

27. Естествознание. Природа *изменяется* скачкообразно. Следствия из этого тезиса. Синтетические операции — скачки (Озарения — Решения). Закономерность гения — скакуна *par excellence*.

28. Политика. Совершенный гражданин не имеет вне государства ни жизни, ни собственности. (Международное право — начало универсального законодательства, универсального государства. Об альянсах — мирных соглашениях — трактатах — униях — гарантиях.)

Республика и монархия полностью объединены актом унии. Вероятно, существует множество необходимых ступеней государств, которые, однако, следует объединить в одну унию. (...)

29. Будущая литература. Настанет прекрасное время, когда ничего не будут читать, кроме художественных композиций и литературных произведений. Все прочие книги — лишь средства, и, исполнив свою задачу, они тотчас будут забыты — такие книги недолговечны.

30. Духовная педагогика. Чужие системы изучаются для того, чтобы обрести собственную систему. Чужая система — это стимул к *моей собственной*. Я пойму собственную философию, физику под влиянием другой системы — при достаточной самостоятельности, разумеется. Моя философия или физика либо согласуются с чужой системой, либо нет. В первом случае имеет место гомогенность — некое научное подобие, хотя бы в этом отношении. (Брак гетерогенных систем).

31. Романтизм и т. д. (...) В настоящей сказке все должно быть чудесным — таинственным и бессвязным — одушевленным. В каждой по-своему. Природа чудесно смешана с духовным миром. Время всеобщей анархии — беззакония — свободы — естественного состояния природы — время *до* мира (государства). Время *до* мира являет как бы фрагментарные черты времени *после* мира — природное состояние есть особый образ вечного Царства. Мир сказки — это мир, абсолютно противоположный реальному миру (истории) и именно

потому абсолютно похожий на него, как хаос — на совершенное творение. (Об идиллии).

В грядущем мире все будет так же, как в прошлом, но при этом совсем иначе. Грядущий мир — это разумный хаос, хаос, проникший сам в себя — в себе и вне себя сущий, — хаос второй степени или ∞ .

Настоящая сказка должна быть пророческой повестью — идеальной повестью — абсолютной повестью — абсолютно необходимой повестью. Настоящий сказочник — провидец.

Признания истинно синтетического ребенка — идеально-го ребенка.¹⁴ (Ребенок намного умнее и мудрее взрослого — ребенок насквозь ироничен.) Игры ребенка — подражание взрослым. (Постепенно история должна стать сказкой — вернуться к своему началу.)

32. Антропология. Вечная дева есть не что иное, как вечный, женственный ребенок. Что соответствует деве у нас, мужчин. Девочка, которая выходит из детского возраста, утрачивает девственность (не все дети — дети).

33. Учение о будущей жизни. Наша жизнь — не сон, но она должна и, возможно, станет таковым.

34. (...) О всеобщем *n* языке музыки.¹⁵ Дух возбуждается от свободы и неопределенности — это действует на него благотворно, кажется ему таким знакомым, таким родным — в такие краткие мгновения он переносится на свою индийскую родину.¹⁶ В нем оживает все любимое, доброе, будущее и прошедшее — надежда и тоска. Попытка говорить посредством музыки *определенно*. Изначально язык был музыкальнее, а потом прозаизировался — обеззвучел. В наше время он больше напоминает шум и — *звук*, если унижать это прекрасное слово. Он снова должен стать песней. *Согласные превращают голос в шум*.

35. Политика. Свобода в сочетании с равенством является высшей характеристикой республики, т. е. истинной гармонией.

36. Политика. Совершенная конституция — определение государственного тела, государственной души, государственного духа — делает частные законы излишними. С точным определением данных членов понимание законов придет само. До тех пор пока члены еще несовершенны, еще не определены окончательно — отменять законы нельзя. С наступлением истинной культуры общее число законов сократится.

Законы восполняют ущербность натур и существ и, следовательно, синтетичны. Когда мы полнее определим сущность духа, не потребуются и духовные законы.

Этика. О моральном законе. Когда мы полностью познаем себя и мир, определим себя и мир, моральный закон исчезнет и будет заменен описанием морального существа. Законы — это данные, из которых я *конструирую* описания.

37. Политика. Мы теснее связаны с невидимым, нежели с видимым. (Мистический республиканец.)

38. Политика. Иерархия = Монархия. Правление одного лица. Епископальная конституция = Аристократия. Правление многих.

Протестантизм = демократия. Правление всех вместе и каждого в отдельности.

Их сочетания, ограничения и т. д.

39. Политика. Государственное деление всегда инстинктивно основывалось на каком-то относительном понимании и знании человеческой природы, государство — всегда макроантропос — цеха = члены и отдельные силы — со-

словия = способности. Дворянство — нравственная сила, жрец — религиозная, ученые — интеллект, король — воля. Аллегорический человек.

40. Политика. Решение основной проблемы политики. Возможна ли политическая жизнь? Возможен ли априорный синтез противоположных политических элементов? Гениальное государство. (Воссоединение оппозиционных элементов.)

41. Нравственная психология. Женская грудь — это грудь, возвышенная до тайны, — нравственная грудь. Подобные замечания. Так, например, умерший — это человек, возвышенный до абсолютной тайны.

42. Антропология. (Не является ли человек единством природы, т. е. дифференциалом бесконечно большой и интегралом бесконечно малой природы — всеобщим принципом гомогенности — мерой всех вещей — двусторонним принципом ее реализации — органом контакта?)

43. Космология. Внешнее — это внутреннее, возведенное в тайну (возможно, и наоборот). Орган — интеграл и дифференциал противоположных бесконечных тайн и одновременно принцип равновесия — принцип обоюдной реализации — общая мера — общая функция. Некий потенцирующий принцип, если считать тайну благородным состоянием, — относительное благородство — относительная тайна. Орган разделяет — скрывает — утаивает — изолирует. С другой стороны, опосредование усиливает непосредственность. Чем изолированнее, с одной стороны, тем связанней — с другой, тем гармоничнее. (Когда органы соприкасаются, души обретают гармонию.) (Без разделения нет соединения. Прикосновение есть одновременно разделение и соедине-

ние.) Два элемента разделяются и соединяются посредством третьего.

44. Энциклопедистика. У каждой науки свой Бог, который является и целью таковой. Так механика живет идеей *Perpetuo mobile* — любой ценой стремится сконструировать *Perpetuum mobile*. Также химия со своим *Menstruo universali*,¹⁷ духовным веществом или философским камнем. Философия ищет единственный первопринцип. Математик — квадратуру круга и высшее уравнение. Человек — Бога. Врач — эликсир жизни, экстракт молодости и чувство совершенного владения телом. Политик — совершенное государство — вечный мир — свободное государство.

(Каждая цель подобного рода при всей недостижимости все же неустранима и указывает на одну из глав науки будущего. См. первый фрагмент «Цветочной пыли».)

О трудностях решения каждой из этих задач. (Принципы приближения. Сюда относится и абсолютное Я.) Нерешенность этих задач объясняется несовершенством и неразвитостью конструктивных элементов (элементы — это акциденции), избранных для решения их предметов.

Теоретически они верны и являются тождественными положениями (плеоназмами), как, например, *Perpetuum mobile*, вечная жизнь, измеренный круг. Философия этих задач.

45. Грамматика и логика. Мыслить — значит говорить. Говорить, делать или совершать — только разновидности Одной операции. Бог сказал: «Да будет свет!»,¹⁸ и стал свет.

46. Наука о будущем человечества. Теология. Любое высказывание о Боге содержит науку о будущем человечества. Всякая машина, живущая великой идеей *Perpetuo mobili*, сама должна стать *Perpetuum mobile* — каждый человек, живущий Богом и в Боге, сам должен стать Богом.

47. Поэтика. *Поэзия* в строгом смысле представляется искусством, опосредующим изобразительные и мусические искусства. (Музыка, поэзия, дескриптивная поэзия.) Не соответствует ли такт фигуре, а звук — цвету? Ритмическая и мелодическая музыка — скульптура и живопись. *Элементы поэзии.*

48. Политика. Человек всегда желал сделать государство подстилкой для собственной лени, а ведь государство существует совсем не для этого — оно является орудием совместной деятельности, его цель — сделать человека не беспомощным, а, наоборот, могущественным, не бездеятельным, но деятельным. Государство не освобождает человека от трудов, но умножает их бесконечно — зато и силы его тоже умножаются бесконечно. Путь к покою ведет только через *храм (сферу)* всеохватной деятельности.

49. Метафизика. Если невозможно сделать мысли воспринимаемыми опосредованно (и случайно), нужно сделать внешние вещи воспринимаемыми непосредственно (и произвольно), что то же самое, как сделать внешние вещи мыслями, если невозможно сделать их внешними вещами. Если нельзя сделать мысль самостоятельной, вне нас существующей и потому чужой, т. е. внешней по отношению к душе вещью, нужно проделать с внешними вещами обратное — превратить их в мысли. Обе операции идеалистичны. Кто овладел ими в совершенстве — *магический идеалист*. Не зависит ли свободное владение одной из них от другой? (...)

50. Учение о духе. В сущности, мир духов не под замком,¹⁹ он всегда открыт — обладая соответствующей эластичностью, мы вошли бы в него. Метод лечения нынешнего убожества: в былые времена — пост и моральное очищение. Ныне — метод укрепления сил.

51. Философия. Незнание, тайна — альфа и омега всего. (Мы знаем только то, что само себя знает.) Выводы отсюда. Непонятное пребывает в несовершенном (естественном) состоянии — постепенно его нужно сделать понятным. Понимание или познание есть проза — индифферентность. С обеих сторон есть плюс и минус. Познание — способ прийти к незнанию. (см. Инстинкт.) Природа непостижима *per se*. Покой и полная непостижимость. Философия есть проза. Ее согласные. Далекая философия звучит как поэзия, так как всякий звук на расстоянии превращается в гласный. Она окружена плюсом- и минуспоэзией.²⁰ Так, все на расстоянии становится поэзией — поэмой. *Actio in distans*.²¹ Дальние горы, дальние люди, дальние происшествия и т. д. — все это романтизируется, *quod idem est* — отсюда возникает наша первопоэтическая природа. Ночная и сумеречная поэзия.

Полезное прозаично *per se*. Всякая конкретная цель есть консонирующая, в принципе ограниченная цель. Дальние цели.

52. Психология. Все новое, как внешнее и иное, воздействует поэтически. Все старое, как внутреннее и свое, — также романтически. Совместно они контрастируют с обыденным, по отдельности — друг с другом. Новизна старого — старина нового. Обыденная жизнь прозаична, это — речь, а не песня. Количество обыденных вещей только усугубляет обыденность — отсюда роковое восприятие мира с обыденной (равнодушной), прагматической, прозаической точки зрения.

53. Учение о возбуждении и аналогическое учение о возбуждении. Чем проще, бессвязнее, примитивнее, тем раздражимость к чему-то одному выше. Применение к элементарной стихии.

Простое абсолютно раздражается только одним раздражителем.

Чем сложнее, тем меньше раздражимость на что-то конкретное. Слепой. Глухой и т. д. Применение к физике. Максимальное многообразие должно однажды объединиться с максимальной энергией. Применение к физике. Максимальное раздражение требует минимальной, минимальное раздражение — максимальной раздражимости. Всякий индивид имеет свою меру или норму здоровья. Что ей не соответствует, является болезнью. У абсолютно здорового индивида область здоровья распространяется и на болезни, а самым образованным народом может считаться тот, у которого проза — речь, беседа — не исключает поэзии и песни, а поэзия не отличается от прозы.

54. Музыка и ритмика. Гекзаметрические периоды — в целом. Великий ритм. Кто сроднился с этим великим ритмом, внутренним механизмом поэзии, будет писать чарующе прекрасно, делая это произвольно. Когда возвышенные мысли совершенно естественно сочетаются с его особенными колебаниями, раскрывается глубокий смысл орфического мифа о чудесах мусического искусства, тайное учение о музыке как художнице и укротительнице Вселенной. Глубоко и непредвзято всматриваясь в акустическую природу души, мы обнаруживаем новое сходство света и мысли — сочетаться с колебаниями.

55. Если природа романа в торможении,²² то он истинно поэтичен, прозаичен, консонантен.

56. Музыкальная физика. Центр — консонант, как и периферия (Универсума). Созерцание мира начинается в бесконечном абсолютном дисканте, у центра, и спускается по шкале вниз; созерцание себя начинается в бесконечном абсолютном баса, на периферии, и поднимается по шкале вверх. Абсолютное соединение баса с дискантом. В этом — систола и диастола²³ божественной жизни.

57. Философия. Рассмотреть объект всесторонне — это сделать его *центром* деятельности. Энциклопедистика. Учение о простых объектах, как и учение о космических телах вообще, является всецело математическим, поэтому духовная астрономия так проста. Астрономия есть реальная алгебра физики, астрономию можно также назвать метафизикой природы. Метафизика и астрономия — Одна наука. Солнце в астрономии — Бог в метафизике. Свобода и бессмертие — свет и тепло. В будущем Бог, свобода и бессмертие²⁴ станут такой же базой духовной физики, как солнце, свет и тепло являются базой физики материальной.

58. О Вильгельме Мейстере.²⁵ Лотарио — не что иное, как мужской вариант Терезы с переходом в Мейстера. Наталия — соединение и обогащение тетушки и Терезы. Ярно — переход от Терезы к аббату. Дядюшка, как и тетушка, односторонен. В Мейстере соединяются дядюшка и Лотарио. Индивидуальная религия тетушки становится в Наталии благотворной, действенной мировой религией. Киприани — бледная копия дядюшки, у Аврелии есть фамильное сходство с тетушкой. Арфист и Миньона связаны друг с другом. Вернер приближается к Терезе, как врач к аббату, его можно назвать физическим аббатом. Феликс — истинный сын Марианны, Лаэрт и мадам Мелина стоят на Одной ступени. Зерло — это Ярно, как актер. Фридрих — достойный обладатель Филины. Аббат не без умысла появляется в двойном обличии. Марианна и графиня лучше смотрятся вместе. Мелина — это сниженный Ярно. Граф — слабый дядюшка, который легко позволяет тетушке изменить свой образ мыслей. Он и его жена — подходящая пара.

Двойственным, как аббат, предстает и Ярно. Действующие лица второго плана тоже распределяются по ролям, как в старом театре — достаточно вспомнить дядюшку Вильгельма.

Тетушка и Тереза, Ярно и дядюшка образуют два главных контраста. Филина принадлежит к семье Ярно, как и Нарцисс. Как дядюшка немыслим без тетушки, так и Ярно — без Терезы. Третий главный контраст — между Миньоной и Филиной — проходит по обеим семьям. Главные трагические и комические пассажи романа. (Античное.) (Современное.) (Низкое.) (Высокое.)

59. Космология. Прозаическая природа современных неб и земли. Мировая эпоха утилитарной пользы. Страшный суд — начало нового, образованного, поэтического периода.

60. Государственное хозяйство. Философия акциза. Население никогда не бывает слишком большим. Направить трудовую деятельность людской массы на определенную цель и систематизировать таковую — основная проблема политика. *Профессиональная армия*. Возвышение одного сословия оборачивается унижением для другого. Чем выше налоги, чем больше государственные нужды, тем совершеннее государство. Не должно быть ни одного налога, который не приносил бы пользу каждому в отдельности. Без государства человеку пришлось бы тратить на безопасность, правопорядок, хорошие дороги и прочее намного больше. Только тот, кто воспринимает государство не как свою возлюбленную, а как-то иначе, будет жаловаться на налоги. Налоги — великое благо. Их можно рассматривать в качестве жалованья государству, т. е. самому могущественному, справедливому, умному и веселому *человеку*. Политика. Потребность в государстве — самая неотложная потребность человека. Чтобы стать человеком и оставаться таковым, потребно государство. Как у отдельного человека, у государства тоже есть права и обязанности. Человек без государства — дикарь. Вся культура рождается из взаимоотношений человека и государства. Чем человек образованнее, тем он лучше

встраивается в образованное государство. Есть дикие государства и цивилизованные государства — нравственные и безнравственные — гениальные и филистерские. Воспитание и образование государства. Государства либо воспитывают себя сами, либо получают воспитание от других государств.

61. Государственная экономия. Для экономии древесины²⁶ — общественные кухни — общественные жилища. Полицейский надзор за мебелировкой и домашней утварью. Можно провести экономию в государственном масштабе — не трогать крестьянство и сосредоточиться на купечестве. Трудовое налогообложение.

62. Политика. Учение о посреднике применимо к политике. Монарх или правительственные чиновники — те же государственные представители — государственные посредники. Законы те же самые. Здесь физиологический закон переворачивается — чем духовнее и живее члены, тем живее и индивидуальнее государство. В каждом настоящем гражданине блещет гений государства, подобно тому как в религиозном сообществе личный Бог открывается в тысяче образов. Как и всякая духовная сущность, государство и Бог являются не в одном образе, но в тысяче — только в пантеизме Бог является целиком, только в пантеизме Бог повсюду присутствует как целое, в каждом единичном явлении. Так, для большого Я простое Я или простое Ты — только дополнения. Всякое Ты дополняет большое Я. Мы еще не стали Я, но мы можем и должны им стать. Мы должны все превращать в Ты — второе Я, только так мы возвысимся до большого Я — каковое есть одно и все.

63. Физиология. Смерть есть не что иное, как прекращение обмена между внутренним и внешним возбуждением — душой и миром. Средним членом — произведением этих

бесконечно изменчивых величин — является тело, нечто возбудимое — вернее, медиум возбуждения. Тело — не только продукт, но и модификатор возбуждения — функция тела и мира, у которой есть максимум и минимум: когда они достигнуты, обмен прекращается. Смерть бывает, следовательно, двоякой. Соотношение между x и y меняется как вперед, так и назад — *но в целом функция также изменчива*. Мера конституции способна расширяться и сужаться. Из этого следует, что можно отодвигать смерть в необозримые дали. Учение о жизненном укладе в строгом смысле — это искусство формирования конституции и ее совершенствования. Подлинное искусство врачевания просто содержит инструкции по сохранению и восстановлению специального соотношения и обмена возбуждениями или факторами.

Художник бессмертия практикует высшую медицину — медицину бесконечных величин — медицину как высокое искусство — синтетическое искусство. Он всегда смотрит на оба фактора одновременно, стремится уравновесить и объединить их ради Одной цели. (Не должен ли король, как нравственный гений, обладать бессмертием от природы?)

Внешнее раздражение, будучи безмерным, присутствует как бы всегда и в целом подвластно художнику. Но каким слабым по сравнению с внешним является внутреннее раздражение. Художник бессмертия должен, прежде всего, позаботиться о том, чтобы постепенно усилить внутреннее раздражение. Это, конечно, недоказуемо, но существует особое поэтическое пророчество — бессмертие даруется только музами. Тогда и ученое сословие предстает в ином свете. Мой магический идеализм. Низшая медицина — халтура. Она помышляет только о пользе. Всякую болезнь или рану следует научиться использовать ради той высокой цели.

64. Философская телеология. Философия не умеет печь хлеб, но стяжает Бога, свободу и бессмертие. Так что же прак-

тичнее — философия или экономика? (Стяжать, т. е. сделать, — в этом вся суть.)

65. Попурри. Раздражимость и чувствительность соотносятся, как душа и тело — дух и человек или мир. Мир — *макроантропос*. Кроме мировой души есть еще мировой дух. Душа должна стать духом, а тело — миром. Мир еще не завершил своего развития, и мировой дух тоже, — из Одного Бога должен возникнуть Всебог. Из одномирия — всемирность. Низшая физика — высшая физика. Человек — презренная проза — должен стать благородной прозой, всеобъемлющей прозой. Воспитание индивидуального духа есть соучастие в воспитании мирового духа — и, следовательно, религия.

Но дух творится посредством души, ибо душа есть не что иное, как пленный, скованный, консонирующий дух. Универсальный предел, помогающий преодолеть все пределы, покоряющий любые пределы, как кислород или *Menstruum universale* и т. п. Антифлогисты²⁷ считают кислород философским камнем. Следовательно, воспитание души неотделимо от воспитания мировой души и косвенно является религиозным долгом. (Детская религия, детская нравственность и т. д.)

66. Физиология. Сильное внутреннее раздражение — сильная чувствительность.²⁸ Сильное внешнее раздражение — сильная раздражимость. Скверно уже то, что с тех пор данная оппозиция изменилась: внешнее и внутреннее раздражение — раздражимость и чувствительность — дискант и бас²⁹ — взаимно упразднили друг друга, так что усиление внешнего раздражения ослабило внутреннее, а усиление раздражимости — чувствительность. Несовершенная медицина, как и несовершенная политика, объективно зависит от несовершенных, *реальных, сегодняшних* факторов. (Спор между теорией и практикой.) Однако без научных идеалов —

необходимых основ и начал будущего — улучшения предмета и искусства достичь невозможно. (Начало и конец — два конца.)

Если высшая раздражимость проявляется в резких движениях и напряженных позах, то высшая чувствительность, наоборот, — в плавных движениях и позах. Раздражимость выражается посредством больших изменений и последствий, чувствительность — малых, бесконечная раздражимость — бесконечно больших, бесконечная чувствительность — бесконечно малых изменений.

Синтез души и тела — чувствительности и раздражимости. Конечно, они уже и сейчас переходят друг в друга в сферах неразличности, бесконечное расширение таких сфер — реализация, заполнение нуля — является трудной проблемой для художника бессмертия. Сфера неразличности — мера конституции. Произвольные члены — это *чувства* в строгом смысле. Умножение чувств и их развитие является одной из главных задач улучшения человеческого рода, совершенствования человечества. (...)

67. Историческая наука. Библия великолепно начинается Раем, символом юности, и завершается Вечным царством — святым Градом. Обе ее части также *глубоко историчны*. (Во всякой подлинно исторической части великая история символически как бы повторяется заново.) Начало Нового Завета — второе, более высокое, грехопадение и начало нового *периода*: История каждого человека должна быть Библией — и будет ею. Христос — это новый Адам.³⁰ Понятие нового рождения. Библия является высшей задачей литературы.

68. Поэтика. Поэзия — это юность *науки*. Наверно, она выглядит, как ребенок, как тот ангел под образом Сикстинской Мадонны, который так многозначительно прижимает палец к губам, словно не доверяя этому легкомыслию.

69. Учение о степенях жизни, т. е. ее многообразных функциях — движениях и переходах, причинах переходов, — включает общую патогению и терапию. Понимая, как действует природа, постигая законы феноменов, мы учимся подражать ей и использовать ее законы в собственных целях — как человек, который, приехав в другую страну, знакомится с жизнью ее граждан, чтобы самому стать гражданином, он изучает законы, чтобы, став гражданином, использовать их для своего блага. Поэтому иностранец, пожелавший чего-то достичь в каком-либо государстве, нуждается в поручителе, мандатарии из числа его членов, чтобы с его помощью прийти к своей цели. Только гражданин в состоянии чего-то достичь в государстве, негражданин для государства просто не существует — оно замечает только то, что ему принадлежит.

70. О Вильгельме Мейстере. Диалог, описание и рефлексия в «Мейстере» чередуются друг с другом. Диалог составляет большую часть, меньшую — чистая рефлексия. То повествование сплетается с рефлексией, то описание — с диалогом. Диалог вводит повествование, однако чаще повествование — диалог. Изображение характеров или рассуждение о них чередуются с происшествиями. Так, все рассуждения сопровождаются происшествиями, которые либо подтверждают и опровергают рассуждения, либо делают то и другое только для видимости.

Текст хорошо продуман — события и высказывания четко определены и излагаются в надлежащей последовательности. Тормозящая природа романа наилучшим образом проявляется в стиле. Философия и нравственность романа — романтические. Как пошлейшие, так и важнейшие вещи созерцаются и изображаются с романтической иронией. Одинаково подробно. Акценты расставлены не логически, но (метрически и) мелодически, в результате чего возникает тот чудесный романтический порядок, для которого ранг и

ранжир, начало и конец, величие и ничтожество не имеют никакого значения. Эпитеты служат подробности — будучи умело отобраны и экономно расставлены, они проявляют поэтический такт. Отбор производится в соответствии с идеей поэтического произведения.

Первая книга «Мейстера» показывает, сколь приятными бывают самые обыденные, повседневные происшествя, если излагаются согласованно и гармонично, размеренно движутся вперед, облачившись в простую одежду умного и понятного языка. Подобное удовольствие испытываешь во время путешествия, коротая вечерок в какой-нибудь семье, которая не блещет ни знатностью, ни особыми талантами, но оставляет в душе милые воспоминания согласной деятельностью своих ограниченных дарований, житейской мудростью, умением правильно распределять время и силы.

71. Историческая наука. Простая история (движение, образование) — музыкальна и пластична. Музыкальная история — философия. Пластическая история: *хроника* — рассказ — жизненный опыт. Любая масса материала является хроникой, любое описание — рассказом. Но если философ преобразится в Орфея, целое разделится на низкие, нормативные и высокие, умные и значимые массы, которые и являются подлинными *науками*. (Историческая ориктогнозия в общем смысле.)

72. Естественная история и геогнозия.³¹ Геогностическая, т. е. *хронологическая*, классификация ориктогнозии — например, кремневая порода — древнейшая и т. д.(...) Геогностические данные об ископаемых. Из географических данных нередко можно сделать выводы о данных геогнозии. Изучение геогнозии на ископаемых. Реликтовые ископаемые несут на себе отпечаток *величайших революций*: чем позже, тем *спокойнее* происходило их образование — драгоценные камни,

например. Все кристаллы моложе. Древнейшие ископаемые, следовательно, смешанного происхождения.

73. Геогнозия. Среднегорье является богатейшим месторождением разнообразных ископаемых. Новейшая, мирная эпоха не так богата необычными творениями и образованиями, поэтому в молодых пластах земной коры находят так мало минералов. Преимущественно залежи базальта.

Первые революции были просты, но жестоки — революции в ядре. Последующие были не так грубы и стихийны. Поэтому их продукты изобилуют богатством пород, форм и окрасок. Новейшие революции более поверхностны, ограничены, локальны, а их продукты однообразны, не что иное, как видоизменения более древних продуктов.

74. *Ars Litteraria*. Все, что ученый делает, говорит, высказывает, переживает, слышит и т. п., должно быть артистическим, художественным, научным продуктом или операцией. Сочиняет ли он эпиграммы, выходит на подмостки, произносит диалоги, пишет исследования и научные трактаты, рассказывает анекдоты, истории, сказки, романы — он чувствует поэтически; если он рисует, его рисунки художественны и музыкальны; вся его жизнь есть роман, как он все видит и слышит — так и читает.

Итак, настоящий ученый — это всецело образованный человек, который за что бы ни взялся и что бы ни делал, всему придает научную, идеальную, синкретическую форму.

75. Физика. Объяснение понятия полярности не покажется здесь неуместным. Полярность возникает, когда уровень распадается на элементы. Количество отделяется от качества — признаки уровня противопоставляются друг другу как нечто положительное и отрицательное. Полярность есть

несовершенство — когда-то полярности вообще не будет. Она входит в систему на стадии ее формирования. Во всяком случае, она не может быть чем-то большим, нежели средством, переходным состоянием.

76. Физиологическая стилистика. По стилю можно судить о том, привлекает предмет автора или нет и насколько, о его конституции, о его случайном настроении и т. д. Насыщенный стиль — худосочный стиль. Бледный стиль — красочный стиль. Разнообразный — однообразный стиль. Болезненный, здоровый — немощный и энергичный стиль.

Методы лечения — методы воспитания стиля. (В стиле Гёте монотонность и простота высшего общества — необходимый, но и простейший этикет.) Высшее общество — это, в сущности, воспитанная чувствительность — астеническая конституция как идеал. Итогом поляризации сословий стало возникновение как высшего общества, так и *плебса*. Ненависть к плебейству ведет к аристократизму, ибо только он противостоит плебейству. Синтез аристократа и плебея — образованный человек должен уметь быть то тем, то этим, когда пожелает. Поэтому он должен становиться то телом, то душой, то раздражимым, то чувствительным — по своему усмотрению.

77. Энциклопедистика. Поэт изобретает априорные симптомы. Если философ — это некий *химический* аналитик в математическом смысле,³² то поэт — ориктогностический аналитик в математическом смысле, находящий неизвестное в известном.

(Поскольку слова относятся к симптомам, язык является поэтическим изобретением. Все откровения и *феномены* как симптоматические системы также имеют поэтическое происхождение — поэтика природы. Тогда философа можно признать внутренним поэтом, а всю действительность — на-

сквозь поэтической. Синтетическая поэзия — аналитика внешнего и внутреннего одновременно.)

78. Психология. У веры тоже есть уровни. Они различны. Силой веры возник весь мир — вера есть синтетический принцип. Смысл и понятие одно и то же: смысл — это всеобщее понятие, т. е. индивидуальное понятие, не являющееся всеобщим в привычном смысле там, ибо оно полярно. Понятие возникает через выбор — гипотезу — тезис, так же, как и смысл. В воле кроется причина творения. Вера есть действие воли на интеллект — объективный и субъективный. Воздействие объективного интеллекта является объектом, природной сущностью, воздействие субъективного интеллекта — субъектом, понятием, рассудочной сущностью. Итак, сила веры есть воля, посредством которой постепенно возникает мир и т. п. Уровни воли.

79. Музыкальная математика. В музыке есть что-то от комбинаторного анализа,³³ и наоборот. Числовые гармонии и числовая акустика относятся к комбинаторному анализу. Цифры — математические гласные, все числа состоят из цифр.

Комбинаторный анализ ведет к числовым фантазиям и учит искусству числовых композиций — математическому генерал-басу. Язык есть музыкальный инструмент для идей. Поэт, ритор и философ сочиняет и исполняет грамматические композиции. Фуга насквозь логична или научна. Но ее толкование может быть и поэтическим. (...)

80. Дефиниция и классификация наук — необходимый и всеобщий принцип дефиниции, а также частных дефиниций и классификаций, от него производных. Высший принцип есть высший уровень. Высшему реальному уровню соответствует высший идеальный уровень. Если Бог — идеал всех уровней, то из дефиниции Бога следуют все остальные

определения. Если дефиниция Бога и дефиниция уровня бесконечно малых тоже бесконечны, то начать следует с дефиниции некоего среднего, т. е. конечного уровня или дефиниции уровня как такового.

Знание средств повышения уровня и его классификации, а также применение данного знания позволяет двигаться как вширь, так и вглубь — макрологизировать и микрологизировать — и продолжать эти операции сколько угодно к их обоюдной выгоде. (Экспериментировать учатся с помощью опытов.)

81. Моя книга должна стать научной Библией³⁴ — реальным и идеальным примером — зерном всех книг.

82. Беспочвенные спекуляции (праздное мышление) оканчиваются *оценением* — бездейтельностью. Работать нужно всегда предметно, достигая совершенства путем филигранной обработки.

83. В истинном синтетическом методе главное — это движение вперед и назад. Метод интуитивного духа.

84. Академическая лекция — *устная книга*. Она должна содержать все элементы книги. (...)

85. Совершенные книги делают лекции излишними. Книга — это записанная и дополненная с помощью штрихов (как и музыка) природа. (Живопись и рисование всё представляют на плоскости и в плоских фигурах, музыка — в движении, поэзия — в словах и языковых знаках.)

86. Философия. Свобода и бессмертие так же нераздельны, как пространство и время. Как мир и вечность заполняют пространство и время, так всемогущество и всеприсутствие заполняют те обе сферы.

Бог есть сфера добродетели. (Всемогущество подразумевает всезнание.)

87. Философия. Если я говорю — нет Бога, нет не-Я, нет вещи в себе, то я догматичен. Критически я могу утверждать, что сейчас эти сущности существуют только в моем воображении. Всякая иллюзия также существенна для истины, как тело для души, заблуждение является необходимым инструментом истины — с помощью заблуждения я создаю истину: совершенное владение заблуждением — совершенное владение истиной.

Всякий синтез — прогресс — переход начинаются с иллюзии: я созерцаю вне меня то, что есть во мне — я верю в существование того, что в данный момент делаю, и т. д. Заблуждение по поводу пространства и времени.

Вера есть операция заблуждения — основание иллюзии. Всякое знание на расстоянии есть вера — понятие вне меня есть вещь. Всякое знание начинается и завершается верой. Когда область знания увеличивается, область веры тоже расширяется и растет.

Я верит в то, что видит чужую сущность — при ее приближении возникает другая, средняя сущность — продукт, который принадлежит Я, но одновременно кажется не принадлежащим ему. Промежуточные результаты процесса — вот, что главное — случайно возникшая или созданная вещь, отличная от задуманной.

88. Философия. Если человек вдруг искренне уверует в то, что он нравственен, так и будет. Предположить идеал — искомое — это способ его обрести. Постулат Фихте³⁵ — одновременно мыслить, действовать и наблюдать — является идеалом философствования — я начинаю этот идеал реализовывать, когда устремляюсь к нему.

Многие люди не хотят плавать до тех пор, пока не научились.

Как эмпирический, так и спекулятивный поиск является бесконечным. Пользоваться обоими одновременно — экспериментальный путь — вот где истина.

Поверив в то, что он философствует и, действуя в соответствии с этой верой, Фихте *начинает* философствовать.

Синтез реализуется во времени, когда я постепенно пытаюсь реализовать это понятие, когда начинаю синтезировать.

Результат этого процесса — *цель наизнанку*, осознав это, я могу действовать одновременно целенаправленно и бесцельно, если захочу реализовать и цель, и ее противоположность, и т. д.

Антиномия намерения или плана и результата или процесса. Антиномия понятия — предмета — доказательства — решения и т. д.

Когда *a* определяет *b* — оно определяет само себя и через определение себя определяет *b*.

Косвенная конструкция намерения.

Определяя себя, я определяю мир — следовательно, косвенно себя, а через себя — его. Рефлексия (абстракция) так же обманчива, как и наблюдение (рефлексия) — идеализм и реализм.

Любой результат усердной работы чего-то стоит — сгладится в дело. (Объективная и бесконечная деятельность у Фихте — и промежуточная деятельность).

Пока я верю, что Соня где-то рядом и может явиться, и действую в соответствии с этой верой, она и будет рядом и однажды непременно появится — именно там, где я не подозревал, — может быть, во мне, в моей душе (Теория случайности и необходимости) и потому действительно вне меня, ибо истинно внешнее действует только через меня — во мне и на меня — в восхитительном отношении. Об иллюзии чувств.

89. Космология. Мир внутренний в большей степени мой, чем мир внешний. Он такой интимный, уютный, хо-

чется жить в нем одном — такой он родной. Жаль, что он так призрачен и зыбок. Может быть, благо и истина и должны выглядеть так нереально, а иллюзия — так правдоподобно? Внешнее существует во мне, принадлежит мне — и наоборот.

90. (Пожалуй, сказка лучше всего выражает мое душевное настроение.) (Поэтика. Все есть сказка.)

91. Психология. Использовать часы душевного подъема для собирания познаний в телесном мире. Использовать часы физического подъема для собирания познаний в душевном мире. Часы душевного подъема посвятить развитию и одушевлению тела, а часы физического подъема — развитию и телесному воплощению души. В итоге часы душевного подъема постепенно станут плодотворнее и чаще и часы физического и телесного подъема — также чаще и плодотворнее. (В телесных занятиях и упражнениях следует наблюдать за душой, в душевных движениях и переживаниях — за телом.) Влияние данного наблюдения на диетику.³⁶

92. Космология. Все вещи являются *симптомами* друг друга. Звуки и штрихи — *простые* внешние явления, которые можно многообразно формировать, варьировать и комбинировать, — наиболее удобны для обозначения универсума. Универсум есть абсолютный субъект или совокупность всех предикатов. Этим определяется сочетание в нем безмерности и меры, ибо только так возможна совокупность всех предикатов. Заглядывая в глубины духа, невольно испытываешь ужас. Глубокомыслие и воля не знают границ и подобны небесам. Фантазия в изнеможении замирает — что демонстрирует ее союминутную конституцию. Здесь мы сталкиваемся с возможностью умопомешательства и слабоумия — короче, с духовным учением о жизни и ее конституции, моральный

закон является единственно истинным, великим законом потенцирования универсума — основным законом гармонического развития.

Человек постепенно продвигается — с каждым верным шагом все легче, ускоряясь и раздвигая пространство. Он движется вперед, только оглядываясь назад, ибо если смотрит вперед, то возвращается назад.

Философия истории. (Прогрессирует ли человечество? — это особый философский вопрос, на который ответить невозможно; но можно спросить, способно ли человечество изменяться? Этот вопрос более высокий — только по изменению можно делать вывод об улучшении или ухудшении.) (...)

Космология. Не имеет значения, полагаю ли я Вселенную внутри себя или себя во Вселенной. Спиноза все располагал вовне, Фихте — внутри. Так и со свободой. Если свобода есть в целом, то и во мне она есть. Если я назову свободу необходимостью и заполню ей все целое, то необходимость будет во мне, и наоборот. Очень многие вопросы подобного рода принадлежат к основным недоразумениям в философии. Только после того, как я узнаю, что есть вещь, я смогу ей целесообразно воспользоваться. Кто ищет в *a*, *b*, *x* и *n* определенные действительные числа, заблуждается и не заблуждается: не заблуждается — веруя в реальность *идеалов*, заблуждается — отрицая реальность *неидеалов*; заблуждаться в целом означает путаться в этих членах — от членения ошибка возрастает до бесконечности, тогда как истина бесконечно утверждает и усиливает самое себя.

(Только вся система универсума полностью объяснима вплоть до бесконечно малых величин. Объяснение возможно только в системе — совершенное объяснение только в совершенной системе.)

93. (...) Философия и патологическая логика. Учти, что, обсуждая заблуждения, придешь к новому заблуждению.

Идеализация реализма и реализация идеализма ведет к истине. Одно работает на другое — и косвенно на себя. Ради идеализма идеалист должен утверждать реализм — и наоборот. Доказательство реализма — это идеализм — и наоборот. Если доказывать идеализм напрямую, придешь к нулю, т. е. будешь ходить по кругу, вернее, топтаться на месте — всякое доказательство идет от противного.

Все доказуемо = все антиномично.

Есть такая сфера, в которой всякое доказательство есть либо круг, либо заблуждение — там все недоказуемо. Эта сфера — образованный Золотой Век. Полярная сфера с ней тоже гармонирует. Развивая полярную сферу — я реализую Золотой Век. Я пребываю в нем бессознательно, пока бессознательно пребываю в полярной сфере, сознательно — сознательно пребывая в обеих.

Итак, я — одновременно природа и дух, одновременно сознание и бессознательное, одновременно война и мир, я поступаю осознанно и неосознанно тоже одновременно.

94. Патологическая философия. Абсолютный порыв к завершенности и совершенству превращается в болезнь, если он, саморазрушаясь, отрекается от незавершенности и несовершенства. Добиваясь чего-то конкретного, следует ставить промежуточные определенные границы. Кто этого не хочет, совершенен, как тот, кто не желает плавать, пока не научится.

Он — магический идеалист, как есть магические реалисты. Первый ищет чудодвижение — чудосубъект, второй — чудообъект — чудообраз. Оба случая — разновидности логической болезни — безумия, в которых идеал открывается или отражается раздвоенно: святые — отшельники, чудесно преломляющие горний свет, — истинные пророки. Сон тоже является пророчеством — карикатурой чудесного будущего.

(Применение к болезням)

95. Философия. Не бывает философии *in concreto*. Философия, как и философский камень или квадратура круга и т. п., — просто необходимая задача ученого, идеал науки вообще.

Поэтому наукоучение Фихте есть не что иное, как описание такого идеала. Конкретными науками можно считать только математику и физику.

Философия — интеллигенция как таковая, завершенная философия — завершенная интеллигенция.

96. Item.³⁷ Опыты, наблюдения, эксперименты, исторические или научные знания к идеализму — конструированию априори — непосредственно не относятся, однако косвенно — как отрицательная масса и тенденция — они его усиливают, и наоборот, идеи *напрямую* не помогают в эксперименте и т. д., но как косвенные вспомогательные средства, они незаменимы. В этом и заключается новая концепция априорного и апостериорного знания.

97. Высшую физику, высшую математику или синтез таковых раньше считали частью философии. С помощью философии хотели нечто создать — в философии искали некий всемогущий орган. *Магический идеализм*. О применении математики к физике, и наоборот.

98. Вопрос Канта, возможны ли синтетические суждения априори,³⁸ допускает разнообразные формулировки.

Например: = Философия — это искусство (догматика) (наука)?

= Существует ли искусство изобретения без эмпирических данных, абсолютное искусство изобретения?

- = Можно ли произвольно создавать болезни?
- = Мыслимы ли стихи согласно правилам, а безумие — согласно принципам?
- = Возможен ли *Perpetuum mobile* и т. п.?
- = Возможен ли гений и как его определить?
- = Возможна ли квадратура круга?
- = Возможна ли магия?
- = Доказуемы ли Бог, свобода и бессмертие?
- = Исчисляема ли бесконечность и т. д.?

99. Внешние явления соотносятся с внутренними так, как перспективные изменения фигуры с ее основным образом, внешние и внутренние явления подобным образом соотносятся внутри себя.

(Перевод движения в фигуру, и обратно.) Взаимосвязь внешних знаков — они связаны *alternando*³⁹ (ср. гальванизм) с внутренними изменениями, а последние — между собой. (Схема внутренних изменений.)

Важный сказочный прием: если вдруг возможно одно невозможное, становится возможным и другое — преодолев себя, человек преодолевает и природу тоже — происходит чудо, даруемое противоположным приятным в тот момент, когда противоположное неприятное стало для него приятным. Волшебные условия: медведь превращается в принца в тот момент, когда полюбили медведя, и т. п. Так происходит в сказках обоих гениев.⁴⁰ Подобное могло бы случиться, если бы человек смог возлюбить зло в мире — полюбив болезнь или боль, он познал бы само сладострастие — испытал бы высшее положительное наслаждение. Может быть, болезнь — это средство высшего синтеза: чем больнее, тем сильнее скрытое в ней наслаждение? (Гармония.) Болезнь — необходимое *начало* более глубокой связи двух существ — необходимое начало любви. Энтузиазм болезни и боли. Смерть — более интимная связь любящих существ.

Поэтика зла

Не начинается ли все лучшее с болезни? Половина болезни есть зло, целая болезнь — наслаждение, причем наивысшее.

О притягательной силе зла

Нужно ли искоренить зло в мире, как грех? Не должна ли поэзия искоренить отвращение, как нравственность — грех. Путь от добродушия к добродетели ведет через грех? Нет, но через философию. Нет ничего абсолютно греховного и абсолютно злого. — Возможно, что человек делается абсолютно греховным *постепенно* и также постепенно творит абсолютное зло. Но зло и грех — это искусственные продукты, которые человек по нравственным и поэтическим законам должен просто аннигилировать — не *верить*, не *принимать*.

Только за счет мнения (которое есть творческое знание, возникшее из веры) зло и грех живут и процветают.

Как субъект и объект *должны* соединиться (*пока не соединились*) и существовать в единстве — так и мнимо объективный грех, т. е. зло, соединяясь с мнимо субъективным злом, грехом, *ipso facto*⁴¹ уничтожается для *добродетельных поэтов*, ибо противоположности, соединяясь, неизбежно аннигилируются.

На более высокой ступени сознания уже сейчас греха нет — такое сознание должно стать перманентным.

Так и философ должен аннигилировать мещанскую точку зрения, основу логического зла и лжи — этого можно добиться, сделав более высокую точку зрения господствующей и в итоге единственно возможной.

Через отрицание греха добро становится реальным, входит в мир и распространяется в нем.

Зло и грех изолируют и изолированы сами — это принципы разделения, в соединении разделение преодолевается и не преодолевается — однако грех и зло как *мнимые* разделение и соединение по-настоящему преодолеваются только посредством *истинного* разделения и объединения, совершающегося поочередно.

100. Всякая наука становится поэзией после того, как она стала философией.

101. Об одежде как символе.

Шарфик ребенка — это сложенный и собранный парус, который у юноши реет, словно плащ или накидка, как на изображениях Фортуны. Волосы ребенок носит длинными и простыми, так как еще не боится врагов, юноша — вьющимися, чтобы вплетать цветы, мужчина — короткими, чтобы никто не мог за них ухватиться, старик — снова простыми, как ребенок, ибо он свят, как ребенок; открытая грудь — у ребенка, прикрытая — у юноши в объяснении не нуждаются. Детская одежда проста, легка, ярка и удобна, юношеская — легка, щеголевата и изыскана, мужская — удобна, проста и практична, одежда старика — проста и мрачна. Светлые цветы — ребенку, ветви — юноше, посох — мужу и темные цветы — старику. Сандалии — ребенку, сандалии — старику, штиблеты — юноше, сапоги — мужчине. Ребенку и старику — шапки, юноше и мужчине — экстравагантные головные уборы. Для ребенка, как и для старика, — венки, для юноши — что-то изящное, для мужчины — практичное.

Только юноши носят бороду для красоты. Одежда древних и т. д. Одежда = символ духа разных эпох.

Сказанное относится к символистике, которая образует часть тропики. Любой символ можно при помощи им символизируемого символизировать заново — антисимволы. Бывают также символы символов — подсимволы.

На смешении символа и символизируемого — на их отождествлении — на вере в истинную и полную репрезентацию — на отношении образа и оригинала, явления и субстанции — на выводе о внешнем сходстве — на полном внутреннем соответствии и взаимосвязи — другими словами, на смешении субъекта и объекта основаны все суеверия и заблуждения прежних времен, народов и индивидов.

(Возвышение случайного до существенного, произвольного — до фатального: например, в астрологии — выводы из произвольных имен планет и созвездий.)

Символика человеческого тела — животного мира — растительного мира — природы — минералов — атмосферных явлений — созвездий — ощущений — мыслей — души — истории — математики.

(Все может символизировать все — символическая функция.)

102. Всякий искусственный образ, всякий вымышленный характер может иметь больше или меньше жизни — жизненных притязаний и надежд. Художественные галереи — это спальни будущего мира.

Историк, философ и художник будущего мира сроднились с ним, совершенствуются и живут ради него. Кто несчастен в сегодняшнем мире, кто не находит того, что ищет, пусть окунется в книжный и художественный мир, в природу, вечно античную и современную — и живет в этой *ecclesia pressa*⁴² лучшего мира. Он непременно обретет здесь любовь, дружбу, родину и Бога — они еще дремлют, но сон этот вечный и многозначительный.

Наступит день, когда причастник лучшего мира, словно Пигмалион, увидит, что созданный и собранный им мир пробудился в небесной славе денницы и ответил на его верность и любовь.

103. Потуги на оригинальность — ученый, *грубый* эгоизм. Кто не относится к чужой мысли, как к собственной, а к собственной, как к чужой, — ненастоящий ученый.

Продуцирование новых идей может оказаться бесполезной роскошью, активное собирание и обработка уже имеющихся данных — деятельность более высокого порядка. Для настоящего ученого нет ничего своего и ничего чужого. Свое и чужое для него неразделимы. (Для философского тела само тело является чужим и своим одновременно — раздражением и раздражимостью.)

Ученый умеет присваивать чужое и отчуждать свое. (Учиться и учить — наблюдать и выражать — питаться и выделять.)

Высокое стремление к высокой оригинальности — и в ученом мире нужно научиться *любить* и *выбирать*, чтобы не утратить собственного существования и наслаждаться самим собой.

104. Филология и философия — одно и то же. Любое начало есть акт свободы — *выбор* — конструкция абсолютного начала.

Фихтеанское Я — это Робинзон — научный вымысел для облегчения изложения и развития наукоучения — начало истории и т. д. Изображение философского естественного состояния — изолированного принципа или понятия. Всякое понятие есть некое Я. Я — всеобщая молекула мысли.

Работа с понятием — по формуле Я у Фихте. (Умственные эксперименты относительно наукоучения Фихте.)

Чем больше расширяется горизонт (сфера) сознания, тем больше сжимается индивидуальное величие и тем заметнее, явственнее выступает духовное, разумное величие человека. Чем больше и выше целое, тем замечательнее единичное. Способность к ограничению возрастает вместе с безграничностью. Гётевский философ или мыслитель. С раз-

витием и совершенствованием мышления возрастает свобода. (Степени свободы. Свобода и любовь — одно и то же.) Многообразие методов увеличивается, в конце концов мыслитель научается делать из всего все — философ становится поэтом. Поэт — высший уровень мыслящего и ощущающего человека.

Деление на поэтов и мыслителей является абсолютно надуманным, невыгодным ни тем, ни другим — признак болезни и болезненной конституции.

(Реальность есть кажимость, Отрицание — или идеальность — некажимость, Ограничение — синтез кажимости и некажимости, присоединенный к ним коррелят.)

105. Чем скромнее и медленнее начинают, тем больше потенциал для совершенствования — таков закон. Если малыми средствами можно достичь многого, то большими — еще большего.

Если сможешь любить что-то одно, полюбишь также и все.

Искусство все превращать в Софию или наоборот.

106. Все совершенное выражает не только самоё себя, но и весь окружающий мир. Поэтому всякое совершенство окружено покровом вечной Девы,⁴³ который одним мановением превращается в магический аромат, небесную колесницу ясновидца.

Мы видим не только античность — она есть и небо, и телескоп, и неподвижная звезда — и, стало быть, откровение высшего мира.

Не следует наивно полагать, что античность и все совершенное *сделаны*, т. е. сделаны в нашем понимании. Они сделаны, как возлюбленная сделана ночью условленным знаком своего любовника, искра — контактом проводника или звезда — движением в глазу. Как звезда попадает в телескоп и пронизывает его, так и *небесный* образ — мраморную ста-

тую. (Поэтическая теория телескопа: звезда и т. п. есть спонтанная, а телескоп или глаз — рецептивная световая сущность.)

В процессе работы творение отдаляется от мастера не только пространственно — завершив процесс, мастер видит, что произведение, почитаемое им за свое, отделено от него мысленной пропастью, перескочить которую может только фантазия — тень великана интеллекта.

Вместо того чтобы стать его собственностью, творение перерастает своего творца, делая его неразумным органом и собственностью высшей силы. Художник принадлежит творению, а не творение — художнику.

107. Если видишь великана, сначала определи местонахождение солнца и присмотришься, не тень ли это пигмеев?

(О чудовищном эффекте малого — не объясним ли он так же, как гигантские тени пигмеев?)

108. Предвззудки ученых.

Большинство черт их характера зиждется на пошлом эгоизме, и многим из них противостоят противоположные предвззудки.

1. Потуги на самобытность (мания оригинальности). Поэтому борьба за лавры первооткрывателя.

2. Претензия на методичность и непогрешимость.

3. Ненависть к авторитету.

4. Презрение к неученым.

5. Ревность к коллегам и желание их принизить.

6. Презрение к другим наукам.

7. Непомерное восхищение изнурительным трудом.

8. Мания считать, что все старо как мир, и на этом основании презирать.

9. Презрение ко всему, чему нельзя научить или научиться. (Отсюда ненависть к религии, чуду и т. д.)

109. Поэтический философ en état de createur absolu.⁴⁴ Даже круг и треугольник *по-другому* создать невозможно.⁴⁵ К ним нечего прибавить, кроме задуманного их создателем. Никогда нельзя упускать из виду, что высшее, разумеется, не в реальной, а в идеальной истории, предшествует низшему — из этого следует, что, если математик действительно делает что-то правильно, то делает это как *поэтический философ*.

110. (...) Допустимы ли интеллектуальные границы или несовершенства во имя религии, как беспомощность — во имя любви? Дабы не нарушать бесконечных связей с потусторонними силами, мы признали себя людьми и *избрали* Бога в монархии. (Поэтическая форма мира).

Дедукция духов из сущности разума — наши отношения с ними. Мы не ограничены в интеллектуальном прогрессе и т. д., но должны сами транзиторно ограничить себя *ad hunc actum*⁴⁶ — сочетать ограниченность и безграничность — уметь творить чудеса, но творить их невольно — все знать, но не хотеть этого — <...>

Вместе с правильным развитием воли развиваются наши способности и знания. Достигнув нравственного совершенства, мы сможем творить чудеса, по крайней мере — нравственные. (vid. Христос.) Доброе деяние есть высшее чудо — акт свободного самоопределения.

Не был ли тезис Фихте о том, что Я не способно к самоограничению, непоследовательным, уступкой закону достаточного основания.⁴⁷ Возможность самоограничения есть возможность всякого синтеза — всякого чуда, а с чуда начался мир. (Возможны ли синтетические суждения априори = существует ли магический интеллект, т. е. разум.)

111. (...) *Чудесная сила веры* — всякая вера чудесна и чудотворна. Бог существует, если я в Него верю. Вера есть косвенная чудотворная сила. Посредством веры мы можем

каждое мгновение творить чудеса для нас — часто и для других, если они в нас верят. Вера есть усвоенная в этом мире способность действовать и ощущать иной мир — способность к прорыву в потусторонний мир. Истинная вера обращена только к предметам иного мира. Вера есть ощущение, что мы пробудились, действуем и мыслим в ином мире.

Прикладная, т. е. земная, вера — воля. Вера — восприятие *реализованной воли*.

112. (...) Любое изображение основано на реализации не-реального и т. д. (Чудесная сила вымысла.) Мой цикл «Вера и любовь» построен на *изобразительной вере*. Так, гипотеза о том, что вечный мир воцарился, Бог среди нас, Америка здесь или нигде,⁴⁸ Золотой век наступил, мы — волшебники, мы — моральны и проч.

113. Объединение увеличения и уменьшения в одном движении — (искривленная окружность). Больше подобных объединений, например объединение сна и бдения в Одном состоянии.

(Может быть, душа ночью отправляется к антиподам — в мир, в котором все, как здесь, только время идет вспять. Больше об антиподах в отношении к внутреннему человеку. Так называемые духи — это лишь антиподы людей.)

114. Время и пространство возникают одновременно и, по-видимому, едины, как субъект и объект. Пространство — это твердое время, время — текучее, изменчивое пространство, пространство — основа всего твердого, время — всего изменчивого. Пространство есть схема, время — понятие — действие (генезис) этой схемы. (Всякий момент следует мысленно дополнять предыдущим и последующим моментом.)

115. Собственно говоря, критицизм⁴⁹ (или *исчерпывающий* метод, который включает и метод обращения) — это такая теория, которая в изучении природы отсылает нас к себе, к внутреннему наблюдению и опыту, а в изучении самих себя — к внешним наблюдениям и опытам, с философской точки зрения, этот метод — самый плодотворный из всех.

Он позволяет постигнуть природу или *внешний мир* как человеческое существо — показывает, что мы можем и должны понимать *все* только так, как понимаем самих себя и своих возлюбленных, себя и их.

Мы осознаем себя частью системы, т. е. частью восходящей и нисходящей линии от бесконечно малых к бесконечно большим величинам — человеком бесконечных вариаций.

Мы можем понять чужой мир только через самоотчуждение — самоизменение — самонаблюдение.

Сейчас мы видим истинные узы между субъектом и объектом — видим, что в нас тоже есть внешний мир, который соединен с нашим внутренним миром такой же аналогической связью, какой внешний мир, вне нас существующий, связан с нашей внешностью, с которой он соединен так, как наша внешность с нашим внутренним миром.

А потому мы воспринимаем внутренний мир и душу природы только посредством мысли, а внешний мир и тело природы — посредством чувств.

Так называемая трансцендентальная философия — возвращение к субъекту — идеализм и категории — связь между объектом и представлением предстают теперь в совершенно новом свете.

Демонстрация того, почему нечто относится к внешней и внутренней природе — наглядность всякой существующей вещи и ее разновидностей.

Природа есть идеал. Истинный идеал возможен, действителен и необходим в одно и то же время.

Принцип Я — это, так сказать, истинно общественный, либеральный и универсальный принцип — единство, кото-

рое не является пределом или ограничением. Наоборот, он делает все определения возможными и устойчивыми — задает им абсолютный контекст и значение. Самость является основой всякого познания — основой постоянства в изменчивом мире — принципом высшего многообразия — (Ты.) (Вместо не-Я — Ты.)

Общность и своеобразие. Все может быть Я, есть Я или должно им стать.

116. Познание — созерцание и религиозный опыт (нравственная помощь) *Бога* — истинный источник жизни.

117. Ничто так не похоже на роман, как то, что принято называть миром и судьбой — мы живем в некоем колоссальном (большом и малом) романе. Созерцание происходящего вокруг нас. Романтическая направленность, оценка и трактовка человеческой жизни.

118. Философия — это, собственно говоря, тоска по отчизне — *стремление быть повсюду дома*.

119. Проповедь — осколок Библии,⁵⁰ Священной книги — канонической части Библии. (Ее апокрифическая часть).

Деятельное употребление как религиозного, так и морального чувства — продуктивное религиозное чувство — продуктивное моральное чувство.

Продуктивная способность воображения Фихте есть не что иное, как чувство, возбужденное разумом, идеей, верой и волей.

Всякая проповедь должна воскрешать религию — *изрекать религиозные истины* — это высшее человеческое достижение.

Проповедь содержит созерцания Бога — опыт переживания Бога. Всякая проповедь богодухновенна — она не может не быть *гениальной*.

(Художественная конструкция проповеди — косвенно.)

Как, говоря о совершенстве, избежать скуки? Кажется, что созерцание Бога в качестве предмета религиозного исследования слишком однообразно — достаточно вспомнить безупречные драматические характеры, сухость чисто философской или *математической* системы и т. д.

Даже созерцание Иисуса утомительно — проповедь должна быть пантеистической, содержать практическую, индивидуальную религию, теологию в индивидуальной форме.

Внутренние, религиозные эксперименты и наблюдения.

120. Ничто так не противоречит духу сказки, как моральный фатум — образцовый порядок — в сказке царит природная анархия. Абстрактный мир — мир фантазии — выводы об абстракции относительно состояния после смерти.

121. *Возвышение* — самое превосходное из известных мне средств, чтобы вырваться из под гнета фатума. Так, например, возвышение всего общества до дворянского сословия, возвышение всех людей до гениев, всех феноменов — до чуда, материи — до духа, людей — до Бога, обычного времени — до Золотого века и т. д.

122. О нашем Я — как о теле, горящем в душе. Сходство души с кислородом. (Кислород как процесс возбуждения.) Всякий синтез — огонь без пламени или нечто аналогичное.

123. Всякая случайность чудесна — прикосновение высшего существа — проблема данности деятельно религиозного чувства. (Превращение в случайность.) Чудесные слова и формулы. (Синтез произвольного и непроизвольного.) (Огонь между ничто и нечто.)

124. В каждой системе — мыслительном индивидууме, который может быть агрегатом, продуктом и т. п., — есть Одна идея, одно или несколько наблюдений, которые, возвысившись над остальными, подавили их и управляют в одиночку. В духовной системе природы эти идеи нужно собрать, подыскать для них подходящую почву, климат, уход, обстановку — создать *рай для идей*, который и будет истинной системой. Рай — это идеальная почва.

Странный вопрос о местонахождении рая — (местонахождении души). (Кунсткамера так же соотносится с природными силами, как ботанический и английский сад (подражание раю) — с почвой и ее плодами — помолодевшая, концентрированная, потенцированная почва.)

Рай словно рассеялся по Земле и потому изменился до неузнаваемости — рассеянные черты должны быть воссоединены, скелет нужно собрать воедино. Возрождение рая.

125. Доказательства Бога, может быть, в совокупности что-то и значат — в качестве метода. Бог здесь есть нечто, как ∞ в математике или 0^0 . (Нулевые степени.) (Философия или 0.)

(Бог есть либо $1 \cdot \infty$, либо $1 : \infty$, либо 0.)

Бог — синтетическое понятие, возникшее из концентрации душевных способностей вокруг морального откровения, морального чуда. (Как и философия, Бог у каждого свой — персонифицированный икс, фихтеанское не-Я.)

Фихтеанское не-Я есть единство всех *раздражений* — раздражающее как таковое и потому ассимилированное вечно неизвестное. Только жизнь есть раздражитель, и только жизнью нельзя наслаждаться.

126. Сравнивая собственное штукарство с природными творениями, учишься понимать природу. Можно понять художника, лишь став художником, и, став им, понять самого себя.

127. Сказка есть как бы канон поэзии⁵¹ — все поэтическое должно быть сказочным. Поэт поклоняется случайности.

128. Поэт пользуется вещами и словами, как клавишами, и вся поэзия зиждется на деятельной ассоциации идей — на самодеятельном, нарочитом, идеальном *производстве случайностей* (случайном, т. е. свободном образовании сцеплений). (Казуистика — Фатум. *Казуация.*) (*Игра.*⁵²)

129. Игра облаков — игра природы в высшей степени поэтична. Природа — Эолова арфа — музыкальный инструмент, звуки которого являются клавишами наших высших струн. (*Ассоциация идей.*)

130. Трактовка наук в манере Гёте — мой проект.

131. Настоящая сказка, как и сновидение, бессвязна — ансамбль чудесных вещей и происшествий — например, *музыкальная фантазия* — гармоническая гамма эоловой арфы — *сама природа*.

Если в сказку привносится какая-нибудь история, то это уже постороннее вмешательство: сказки — ряд милых, занимательных опытов — увлекательная беседа — праздник. Сказка более высокого порядка возникает, когда в нее вносится *рассудок* (композиция, значение и т. д.), уживающийся со сказочным духом. Сказка может стать даже *полезной*.

Тон сказки изменчив, но может быть и *прост*. Составные части сказки.

132. Примечательно, что абсолютный, чудесный синтез часто образует ось сказки или цель таковой.

133. Время — внутреннее пространство, пространство — внешнее время. Синтез таких временных фигур и т. д. Пространство и время возникают одновременно. Сила времен-

ных индивидов измеряется пространством, сила пространственных индивидов — временем (длительностью).

Всякое тело имеет свое время, всякое время — свое тело. Временные конструкции. (Треугольник времени — фигура времени — стереометрия времени — тригонометрия времени.)

134. Наш дух есть ассоциативная субстанция — он возникает из гармонии и синхронности многообразных явлений и сохраняется благодаря им. (Дух — подагра⁵³ — играющее существо.) (...)

135. Всякая историческая наука стремится стать математической. Математическая сила *приводит в систему*. Всякая математическая наука стремится снова стать философской — *одушевленной* или рациональной, потом поэтической — моральной и, наконец, *религиозной*.

136. О духе меркантилизма.

Торговый дух является духом мира. Самым замечательным из всех. Им все движется, он все соединяет. Он пробуждает страны и города, нации и произведения искусства. Он — дух культуры и совершенствования человеческого рода. *Исторический* торговый дух, раб выгоды и конъюнктуры — просто бастард истинного, созидательного торгового духа.

137. Философия в сущности своей антиисторична. Она движется от будущего и необходимого к действительному, является наукой всеобщего интуитивного чувства. Она объясняет прошлое через будущее, а история — наоборот. (Она все рассматривает изолированно, элементарно, бесвязно.)

138. Что искал Спиноза? Даже философия Фихте не вполне свободна от гениальной эмпирии — счастливых оза-

рений. Жизнь подобна краскам, звукам и силе. Романтик изучает жизнь, как художник, музыкант или механик — краску, звук или силу. Тщательное изучение жизни делает романтиком, как тщательное изучение краски, композиции, звука и силы — художником, музыкантом или механиком.

139. Деятельное использование органов чувств есть не что иное, как *магическое, чудодейственное* мышление или *произвольное* использование телесного мира, ибо воля есть не что иное, как магическая, *силовая* способность мышления.

140. Поэт понимает природу лучше, чем ученый муж.

141. (Мысль об отрицательности христианства замечательна. Она возвышает христианство до фундаментального уровня — силы, проектирующей новое мироздание и человечество, — истинной твердыни — живого морального пространства.)

Сказанное прекрасно сочетается с моими идеями о прежней недооценке *пространства и времени*, индивидуальность и мощь которых для меня совершенно проявились. Деятельность пространства и времени есть созидаящая сила, их законы правят миром.

Абсолютная абстракция — аннигиляция сиюминутного — апофеоз грядущего, этого подлинного, лучшего мира — вот где средоточие заповедей христианства, оно примыкает к религии древних, божественности античности и возрождению древнего мира как второе крыло, обе религии удерживают универсум в вечном парении, как ангела — в вечном наслаждении пространством и временем.

142. Лучшее в природе эти господа видят все же туманно. Фихте в этом вопросе посрамил своих друзей, а Гемстергейс интуитивно предвидел священный путь к физике достаточно

четко. И в Спинозе жива Божья искра разума природы. Вдохновенный Плотин, должно быть, под влиянием Платона первым вступил в святилище — после него уже никто не вступал под его своды.

Во многих древних текстах бьется таинственный пульс и указывает место соприкосновения с невидимым миром — возникновение жизни. Гёте будет литургом⁵⁴ этой физики — он в совершенстве познал литургию. Теодицея Лейбница⁵⁵ — блестящий опыт на этом поприще. Будущая физика станет чем-то подобным, но грандиознее. В прежней так называемой физикотеологии⁵⁶ вместо восхищения следовало употреблять другое слово.

143. Ликвидация сословной конституции⁵⁷ станет неизбежной тогда, когда возникнет истинное неравенство — кризис и вырождение традиционных сословий.

Это может произойти по разным причинам: 1. Если природное сословие изменит своему предназначению. 2. Если это сделает художественное сословие. 3. Если одно чересчур умножится или сократится. 4. Если между активностью одного и восприимчивостью другого возникнет диспропорция. 5. Если часть одного сословия перейдет в другое, не приобретя при этом новых прав и *vice versa*.⁵⁸

144. Науки — последствия потребностей и изъянов, поэтому они представляют собой лучшее средство для устранения оных. Следовательно, если мы ищем идеальное средство для исполнения наших желаний, то должны прибегнуть к наукам и рассматривать их изучение как прямую дорогу к цели. Чрезвычайно интересное применение этого общего замечания предлагает медицина. Если спросить, какие перспективы есть сейчас у человечества для освобождения от телесных недугов — в ответ укажут на состояние медицины. Ее *развитие и распространение* уравнивает груз телесных недугов, которые нас обременяют.

Чем раньше медицина станет важнейшей наукой для каждого, чем большего прогресса достигнет общая физика, а медицина научится этот прогресс использовать, чем теснее все науки соединятся во имя осуществления общей задачи — благоденствия человека и позволят философии руководить и управлять своими решениями — тем легче будет тот груз, тем свободнее вздохнет грудь человеческого рода.

Чтобы это счастливое время наступило быстрее, каждый должен искоренить болезнь. Поэтому пусть изучает медицину, наблюдает и исследует — и больше уповает на просвещение головы, а не на поглощение пилюль и микстур.

145. Современность — дифференциал функции прошлого и будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Генерал-бас (нем. Generalbaß, буквально общий бас), basso continuo (итал. непрерывный бас), цифрованный бас (итал. basso numerato) — басовый голос многоголосного музыкального сочинения с цифрами (обозначающими созвучия), на основе которых исполнитель строит (в известной мере импровизирует) аккомпанемент. Генерал-бас сложился в итальянской инструментальной музыке XVI века. Получил всеобщее распространение в гомофонной и полифонической музыке XVII—середины XVIII века, особенно в эпоху барокко. Начиная с венской классической школы, ограничившей масштаб исполнительского «волонтаризма», генерал-бас вышел из композиторской практики.

² Карл Август Эшенмейер (1768—1852), немецкий врач, философ и оккультист. Эшенмейер был учеником Шеллинга и Якоби. Вслед за Якоби он полагал, что дискурсивное мышление можно преодолеть при помощи интуитивного познания Абсолютного, в котором познание и познаваемое совпадают. Из работы Эшенмейера «Положения метафизики природы в применении

к предметам химии и медицины» (1797) Новалис делал выписки осенью 1797 г.

³ Исаак Ньютон (1642—1726) рассматривал свет как поток частиц (корпускул) («химически»), Леонард Эйлер (1707—1783) рассматривал свет как волны эфира («механически»).

⁴ Удобнее быть созданием, чем создавать себя самому (фр.).

⁵ Гальваническое, т. е. электризующее, возбуждающее, оживляющее действие античных статуй. Летом 1798 г. Новалис вместе с братьями Шлегель осмотрел собрание античного искусства в Дрездене.

⁶ От фр. *revivification* — оживление, возрождение.

⁷ Петрификация (от греч. *petros* — камень и лат. *facio* — делаю) — окаменение, состояние вещества, пропитавшегося солями извести.

⁸ «Венецианские эпиграммы» Гёте, напечатанные в «Альманахе муз на 1796 год», начинаются с панегирика античным саркофагам.

⁹ Сикстинская Мадонна Рафаэля, о которой Новалис хотел написать. Здесь, возможно, имеется в виду диалог А. В. Шлегеля «Картины», в конце которого речь идет об этой картине Рафаэля, следуют сонеты и стихотворение о Мадонне.

¹⁰ В третьей секции «О мнении, знании и вере» канона чистого разума (Трансцендентальное учение о методе) Кант пишет: «Правда, никто не будет в состоянии хвастаться знанием, что Бог и будущая жизнь существуют; а если кто и обладает этим знанием, то это тот человек, которого я давно искал: всякое знание (если оно касается предмета чистого разума) можно передать другим, и, следовательно, я мог бы надеяться благодаря поучениям этого человека видеть свое знание расширенным в столь необычайной степени. Но, в действительности, это убеждение есть не логическая, а моральная достоверность, и так как оно опирается на субъективные основания (морального строя личности), то я не могу даже сказать: „Морально достоверно, что Бог существует“, а могу лишь говорить: „Я морально уверен, что Бог существует“. Иными словами, вера в Бога и будущий мир так сплетена с моральным строем моей личности, что насколько я не подвергаюсь опасности утратить этот строй моей личности, настолько же я не беспокоюсь, чтобы эта вера могла быть отнята от меня» (Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1993. С. 460).

¹¹ Приблизительно (лат.).

¹² Противоречие в определении (лат.).

¹³ Филиелогия: неологизм Новалиса, в котором соединяются понятия «любовь» (philia) и «наука» (logia).

¹⁴ О ребенке как высшем существе Новалис говорит в «Учениях в Саисе», а также в стихотворении «К Тику»: «Ребенок радости не зная, / Зброшен в дальней стороне, / Отвергнув блеск чужого края, / Остался верен старине.//» (Новалис. К Тику // Генрих фон Офтердинген. М., 2003. С. 181. Перевод В. Б. Микушевича).

¹⁵ Новалис пользуется и как математическим знаком обобщения.

¹⁶ Индийская родина: согласно представлениям того времени Индия была прародиной человеческой цивилизации. Фр. Шлегель пытался научно обосновать эту идею в своей книге «О языке и мудрости индусов» (1808). Новалис говорит об «истинном санскрите» как праязыке человечества.

¹⁷ Так называемый «всеобщий растворитель» алхимиков (алкагест).

¹⁸ Быт. 1, 3.

¹⁹ Ср. в «Фаусте» Гёте: «Мир духов рядом, дверь не запоре, / Но сам ты слеп, и все в тебе мертво. / Умойся в утренней заре, как в море, / Очнись, вот этот мир, войди в него.//» (Гёте И. В. Фауст / Пер. Бориса Пастернака // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. М., 1976. С. 23).

²⁰ Во фрагментах 1798 г. содержится следующее высказывание: «Любопытный вопрос — является ли лирическое стихотворение, собственно говоря, стихотворением, плюспоэзией или прозой, минуспоэзией» (НКА. Bd. 2. S. 536).

²¹ Действие на расстоянии (лат.).

²² Рассуждения о природе романа и главного героя содержатся в разговоре Вильгельма Мейстера и Зерло в романе Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера»: «Герою романа надо быть пассивным, действующим в малой дозе; от героя романа требуются поступки и деяния. Грандисон, Кларисса, Памела, Векфилдский священник и даже Том Джонс — если не всегда пассивные, то, во всяком случае, тормозящие действие персонажи, а все события в известной мере соотнобразуются с их образом мыслей. В драме герой ничего с собой не соотнобразует, все ему противится, а он либо сдвигает и сметает препятствия со своего пути, либо становится их жертвой» (Гёте И. В. Годы Учения Вильгельма

Мейстера // Гёте И. В. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М., 1978. С. 251).

²³ Термин *систола* означает сокращение мышцы, *диастола* — расслабление мышцы. Во время сердечного цикла происходит повышение и снижение давления крови, соответственно высокое давление в момент систолы желудочков называется *систолическим*, а низкое во время их диастолы — *диастолическим*.

²⁴ Постулаты чистого практического разума, по Канту.

²⁵ Новалис излагает здесь свою теорию взаимосвязи персонажей романа, которая имела большое значение для художественной техники «Генриха фон Офтердингена». На Новалиса повлияла критическая рецензия Фр. Шлегеля «О Мейстере Гёте», напечатанная в журнале «Атенеум» в 1798 г.

²⁶ Хотя дрова оставались в то время еще основным видом топлива, но постепенно в обиход начал входить уголь, в разработке месторождений которого на территории Саксонии Новалис принимал участие.

²⁷ Антифлогисты: 1) старая школа врачей, которая ко всем болезням применяла одинаковые отводящие и жаропонижающие средства, например кровопускание, слабительные и т. п. 2) В химии так называемые приверженцы теории горения Лавуазье и противники теории Сталя о флогистоне, гипотетической горючей материи, которой до открытия кислорода объясняли горение. Антифлогисты привлекли к кислороду и горению внимание химии того времени.

²⁸ Чувствительность (сенсibilität) — способность при воздействии на нервную систему вызывать одновременно соответствующие ощущения, в то время как раздражительность или раздражимость есть способность частей организма, в особенности мускулов, сокращаться и обнаруживать движения. Эти понятия ввел в научное употребление Карл Фридрих Кильмейер (1765—1844), специалист по сравнительной анатомии, а развил Альбрехт фон Галлер (1708—1777), швейцарский анатом, физиолог, естествоиспытатель и поэт.

²⁹ Дискант — самый высокий голос у мальчиков, аналогичный женскому сопрано. Бас — самый низкий мужской голос.

³⁰ Ср. 1 Кор. 15, 45; Рим. 5, 14.

³¹ Геогнозия — принятый в XVIII в. другой термин для геологии. Новалис: «Геогнозия — учение о родстве окаменелостей» (НКА. Bd. 3. S. 339).

³² Речь идет о математическом анализе, суть которого Новалис выразил так: «Анализ — искусство находить неизвестное из известного» (НКА. Bd. 3. S. 239).

³³ Комбинаторный анализ: понятие, введенное в математику К. Ф. Гинденбургом (1741—1808). В комбинаторном анализе философская комбинаторика (*ars combinatorica*) соединяется с математическим анализом. Новалис изучал произведения Гинденбурга.

³⁴ Библия понимается здесь, во-первых, в этимологическом смысле, как «книга». В другом месте «Всеобщего черновика» говорится: «Все науки составляют одну книгу». Свой проект энциклопедии он называет «новой библеистикой» (*neue Bibellehre*). Новалису были также близки воззрения Г. Э. Лессинга и И. Г. Гердера о Библии как книге, отражающей определенный исторический этап развития человечества. К тому же он искал пути к новой религии через науку и соединение наук.

³⁵ Во «Втором введении в наукоучение» Фихте говорит: «Оно (интеллектуальное созерцание. — А. В.) есть непосредственное сознание того, что я действую, и того, что за действие я совершаю; оно есть то, чем я нечто познаю, ибо это нечто произвожу. Что такая способность интеллектуального созерцания имеется, этого нельзя назвать посредством понятий и того, что она такое. Каждый должен найти ее непосредственно в самом себе, или же он не сможет познать ее никогда. Требование, чтобы ему доказали ее посредством рассуждений, гораздо более странно, чем было бы требование слепорожденного, чтобы ему объяснили, что такое краски, без того, чтобы он научился видеть.

Однако всякому можно показать в им самим признанном опыте, что это интеллектуальное созерцание встречается в каждом моменте его сознания. Я не могу сделать ни единого шага, не могу двинуть ни рукой, ни ногой без интеллектуального созерцания моего самосознания в этих действиях; только через это созерцание я знаю, что я это делаю, только через него я различаю свое действие и в нем — меня самого от преднаходимого предмета действия. Каждый, кто приписывает себе какую бы то ни было деятельность, ссылается на интеллектуальное созерцание. В нем — источник жизни, без него — смерть.

Но это созерцание никогда не появляется одно, как полный акт сознания, как и чувственное созерцание никогда не появляется одно и не заполняет сознания, но и то и другое должно

быть опознано» (Фихте И. Г. Второе введение в наукоучение // Фихте И. Г. Соч.: В 2 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 489—490).

³⁶ Диететика — учение о режимах питания. В широком смысле: наука о связи питания и здоровья.

³⁷ Также, равно, далее (лат.).

³⁸ Для Новалиса вопрос Канта: «Возможны ли синтетические суждения априори?» равнозначен возможности романтического гения и магического идеализма, в котором человек способен конструировать чувственный мир по своему усмотрению.

³⁹ Поочередно, альтернативой (итал.).

⁴⁰ Имеется в виду сказка писателя-просветителя Виланда «Адис и Дахи» из сборника сказок «Джинистан, или Избранные сказки о феях и духах, частью выдуманные, частью заново переведенные и переработанные».

⁴¹ Тем самым (лат.).

⁴² Угнетенная церковь. Так называла себя римско-католическая церковь в тех странах, в которых она в мирских делах была связана государственными законами.

⁴³ Ср. повесть «Ученики в Саисе».

⁴⁴ Своего рода абсолютный творец (фр.).

⁴⁵ В Предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» (1787) Кант пишет: «Новый свет открылся тому, кто впервые доказал теорему о равнобедренном треугольнике... он понял, что его задача состоит не в том, что он усматривает в фигуре или в понятии ее, как бы прочитывая в ней ее свойства, а в том, чтобы создать фигуру (путем конструирования) с помощью того, что он сам а priori сообразно понятиям мысленно вложил в нее и представил в ней; он понял, что иметь надежное априорное знание мы можем лишь в том случае, если приписываем вещи только то, что необходимо следует из вложенного в нее нами сообразно нашим понятиям» (Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1993. С. 18—19).

⁴⁶ Для этого акта (лат.).

⁴⁷ Принцип достаточного основания — это принцип, требующий, чтобы для каждого утверждения указывались убедительные основания, в силу которых оно принимается и считается истинным. Сформулирован Аристотелем.

⁴⁸ «Америка здесь или нигде»: измененная цитата из «Годов учения Вильгельма Мейстера». В 7-й книге, гл. 3 Ярно восклицает: «...здесь или нигде моя Америка!» (Гёте И. В. Годы учения

Вильгельма Мейстера // Гёте И. В. Собрание сочинений. Т. 7. М., 1978. С. 354).

⁴⁹ Критицизм — учение И. Канта. Новалис переосмысливает критицизм. В отличие от Канта и Фихте, которые понимали под природой объект сознания, для Новалиса природа — живое, «человеческое существо». Мы понимаем природу так, как понимаем самих себя. «Вместо Не-Я — Ты». Это «ты» для Новалиса — самоотчужденное Я, вариация Я, которую он постигает как внешний мир.

⁵⁰ Проповедь понимается Новалисом и как определенный религиозный жанр, и как суть Библии — благовествование, возвещение божественного откровения. Всякая истинная проповедь связана с живым созерцанием Бога, а потому мистична и богодухновенна. С языковой точки зрения проповедь должна строиться по поэтическим законам. Проповедник должен быть религиозным гением.

⁵¹ В сказке осуществляется романтический идеал прогрессивной и универсальной поэзии — явление абсолютного мира как синтез реального и идеального. Будучи квинтэссенцией поэзии, сказка в принципе присутствует в любом романтическом произведении, но в разной «концентрации». Новалис пишет, что его роман «Генрих фон Офтердинген» должен «постепенно перейти в сказку». Сказка построена на поэтических ассоциациях (см. фр. 131).

⁵² Казуистика — часть этики, в которой правильное поведение в практической жизни измеряется соблюдением заповедей и правил. Каузация — слово, придуманное Новалисом, — имеет противоположное значение — создание вещей и событий, свободная игра воображения. Если казуистика есть фатум, то каузация — игра.

⁵³ Подагра в медицинской науке того времени была общим названием, которое применялось также и для душевных болезней. Для Новалиса подагра — символическая болезнь, которая знаменует собой наступление эпохи, когда тело будет подчинено духу. Подагра «основывается на ассоциации, поэтизации тела» (НКА. Bd. 3. S. 451).

⁵⁴ Литург: священнослужитель, определяющий порядок литургии.

⁵⁵ «Essai de Théodicée» («Опыт теодицеи») Лейбница был опубликован в 1710 г. на французском, а в 1744 г. — на немецком языке.

⁵⁶ Физикотелеология — направление в просветительской философии, в которой существование Бога объясняется разумным устройством природы.

⁵⁷ В письме к Каролине Шлегель от 27 февраля 1799 г. Новалис пишет: «Руссо исключительно тонко понимал женственность, и вся его философия возникла из раздумий женской души. Его апология естественного состояния принадлежит женской философии — женщина — это подлинный естественный человек, истинная женщина есть идеал естественного человека, тогда как истинный мужчина есть идеал человека художественного. Естественный и художественный человек — вот подлинные *изначальные сословия*. Общество состоит из сословий. Брак — такое же элементарное общество, как рычаг — элементарная машина. В браке сосуществуют два сословия. Ребенок в браке соответствует художнику в обществе — это несословие, способствующее внутреннему соединению — истинному наслаждению обоих сословий» (цит. по: Novalis Werke / Hrsg. und komment. von G. Schulz, C. H. Beck. München, 1987. S. 478. Пер. наш. — А. В.).

⁵⁸ Наоборот (*φρ.*).

ФРАГМЕНТЫ И ШТУДИИ 1799—1800 годы

<СМЕШАННЫЕ ФРАГМЕНТЫ И ШТУДИИ> <ИЮНЬ—ДЕКАБРЬ 1799>

<учебная тетрадь>
18 июня — *<декабрь 1799>*

1. (Что может сравниться с радостью все понимать — быть повсюду дома — во всем разбираться — все уметь? Если это сочетается со справедливостью, доброй и живой волей, прекрасными и высокими помыслами, то можно спокойно считать себя образцовым человеком, искренно любить себя и уважать.)

2. Характер — совершенно развитая воля.

3. Если кристаллизация, отверждение, загустение связаны с нагреванием, а испарение, таяние и разжижение сопровождаются охлаждением, то учеба и любовь в прямом смысле согревают, тогда как праздность и эгоизм остужают — многие феномены души объясняются именно так.

4. История есть специфический продукт воли и рассудка — без их участия нет *истории* — напротив, благодаря им все может стать таковой — *примером* — образом закона.

5. Религиозные фантазии — назидательная книга.¹ Духовные песни. Молитвы за Ю(лию). Святая жизнь или лучший мир, история. Библейские изречения.

6. О сфере женщины: детская — кухня — сад — подвал — кладовая — спальня — горница — гостиная — чердак или чулан.

7. Невинность и незнание — сестры. Но сестры бывают благородные и неблагородные. Неблагородные невинность и незнание смертны и смазливы — но беспомощны и хрупки. Благородные сестры бессмертны — их высокий образ незыблем — лик вечно сияет с райских времен. Они пребывают на небесах и осеняют только самых благородных и испытанных людей.

8. Многие лишены присутствия духа в настоящем, зато смогут стяжать его в будущем.

9. Идея Лютера о примирении и заслуге Христа. Понятие одного Евангелия. Возможно ли создание многих Евангелий? Должно ли оно быть исключительно историческим? Или история — это только материя? А *Евангелие будущего*? Союз с Тиком, Шлегелем и Шлейермахером для этой цели.²

10. Своеобразный старинный дух школы и воспитания в гернгутерстве — особенно у моего отца.

11. Религия *неизвестного* Бога в Афинах.³

12. Религии пока нет — нужно учредить воспитательную ложу истинной религии. Вы полагаете, что религия уже существует? Религию только предстоит сделать и создать — объединив многих людей.

13. Весьма вероятно, что мышление — это (*тоже*) гальванизм, но толковать об этом можно много — то и се, пятое-десятое.

14. Если холод укрепляет телесную мускулатуру — не укрепит ли острота, шутка и легкомыслие духовную? А смешение серьезного с несерьезным, забавного со святым может стать весьма благотворным и целебным.

15. Наклонности имеют материальное происхождение — здесь действуют силы притяжения и отталкивания. Наклонности делают нас *природными силами*. Они нарушают течение человеческой жизни — и о страстных людях можно сказать, что они в прямом смысле *падают*. Кто безропотно отдается своим наклонностям — поступает вопреки подлинным интересам этих наклонностей, ибо только посильным сопротивлением можно добиться их максимального и длительного воздействия.

16. Очевидно, что смекалка и сноровка позволяют аккурратно отображать на бумаге любые предметы, рисовать, раскрашивать и группировать их.

Нешаблонно изображать не куклы, не так называемые характеры, а человеческие души, живой, причудливый, непредсказуемый, красочный мир — (мифология древних).

17. Элементы романтического. Предметы, словно звуки золотой арфы, должны рождаться естественно и непринужденно, не выдавая инструмент.

18. Физика есть не что иное, как учение о *фантазии*.

19. Абстрактные слова — словесные *виды газа* — нечто невидимое — абстрактные силы.

20. Синтетические мысли — это ассоциативные мысли. Созерцание таковых ведет к естественному сходству и родству мыслей. Никто в царстве мыслей лучше самой мысли не разбирается. Идеализм есть учение о силах или видах газа.

21. Роман целиком и полностью должен быть поэзией. Поэзия, как и философия, — гармоническое настроение души, когда все хорошеет, всякая вещь обретает истинный облик, подобающие окружение и антураж. В истинно поэтической книге все кажется естественным и все-таки чудесным — возникает ощущение, что иначе и быть не может, мирская жизнь была сном, а настоящее чувство мира начинает пробуждаться только сейчас. Воспоминание и предчувствие происходят, видимо, именно из этого источника — как и то настоящее, когда мы пребываем во власти иллюзии, считанные часы, когда мы словно попадаем внутрь созерцаемых предметов, переживая бесконечные, непостижимые ощущения гармонии множественного мира.

22. Высший мистицизм искусства подобен драме судьбы, явлению природы.

23. Люди ничем так не ограничены, как *мнениями*. Поэтом мнением человека можно возвысить и унижить. Истинное человеколюбие.

24. Слишком большая духовная подвижность и чувствительность свидетельствуют о недостатке мощности — (Ср. фантастические, мнительные люди. Их хорошо использовать в качестве измерительных приборов.)

25. Из логической предпосылки Фихте⁴ — гипотезы Одной универсальной мысли — вытекает вся его философия.

фия. Прикладная логика является наукоучением, не более. Философия начинается с одной убогой и тривиальной мысли — такова ее суть. Она начинается с дуновения.

Наукоучение — это доказательство реальности логики — гармонии логики и природы, аналогия математических открытий и вычислений — всего того, что та может достичь. (Лесаж добился подобных результатов с помощью математики.⁵⁾)

26. Если телесная жизнь — это горение, то духовную жизнь можно считать возбуждением (или наоборот?) А смерть — изменением мощности.

27. Воззрение Риттера⁶ на возникновение и исчезновение веществ объясняет смерть — Никто не знает, где мы материализуемся, когда исчезаем здесь — и зарождаются ли все мировые тела одинаково? Если судить по влиянию солнца, то именно туда мы и отправляемся.

28. Настоящая видимая музыка — это арабески, узоры, орнаменты и т. п.

29. Новая теория театра.

30. Смерть — это романтический принцип нашей жизни. Смерть — минус, жизнь — плюс. Смерть усиливает жизнь.

31. Гернгутеры хотели учредить культ ребенка? Но подлинен ли он? Не культ ли это матери и дитя, древний женский культ?

Когда Христос говорит, станьте как дети — он имеет в виду свободных детей, а не испорченных, изнеженных, приторных современных детей.

32. Псалмы. (Сочинения д-ра Лютера, сочинения Цинцендорфа. Старинные благочестивые книги и проповеди.)

33. Мне кажется, что в наши дни распространилось всеобщее поветрие — прятать внешний мир под искусственными покровами, стыдиться открытой природы и, скрывая и пряча чувственность, сообщать ей некую темную духовную силу. Данное поветрие, очевидно, является романтическим, однако вредит детской невинности и ясности — в отношениях между полами это особенно заметно.

34. Совершенный человек живет как бы во многих местах и людях одновременно — находится в гуще людей и событий. Так воспитывается истинное и грандиозное присутствие духа, которое делает человека подлинным гражданином мира, в любой момент жизни наводит его на самые продуктивные ассоциации, укрепляет и настраивает на светлую и разумную деятельность.

35. Когда, говоря о чем-то конкретном, впадают в излишнее многословие, испытываешь неприятное ощущение, а так как поэзия есть не что иное, как изобилие, ставшее формой — оформляющая себя сущность, то поэзии ничто так не угрожает, как неуместное использование. Если поэзия начинает умничать и напускает на себя серьезный вид, она перестает быть поэзией.

Что поэзия должна избегать аффектации, мне ясно, ибо аффекты — это нечто роковое, болезненное.

Даже риторика — псевдоискусство, если не направлена на излечение народа от болезней и безумств. Аффекты — это лекарства, с ними не шутят.

Ясный рассудок вкупе с живой фантазией является единственно целительной пищей для души. Рассудок совершает только просчитанные, определенные шаги.

36. О свободе и общности в царстве света — динамически.

37. Новая трактовка *морали* (см. Гемстергейс⁷).

38. Современное изучение животного и растительного мира — сравнительная естественная история и физиология.

39. Душеспасительные книги — проповеди — молитвы — новые Евангелия. Понятие Ветхого и Нового Завета — Послания. Религиозные пьесы в театре.

40. Тайна искусства — преобразовывать всякое природное явление, всякий естественный закон в *формулу* — искусство конструировать по аналогии.

41. Ничто так надежно не охраняет от бессмыслицы, как деятельность — техническая работа.

42. Самые разнообразные теории природы.

43. По-видимому, звук есть не что иное, как преломленное движение, а цвет — преломленный свет.

Танец теснейшим образом связан с музыкой, как бы ее другая половина.

Звук естественно сочетается с движением.

Цвет — своего рода нейтральное состояние вещества и света — стремление вещества стать светом — противоположное стремление света.

Не является ли всякое качество состоянием преломления в указанном значении?

Радость от разнообразия движений.

Не являются ли кристаллические формы преломлением силы тяжести? Влияние смещения на образование фигур.

Может быть, кристаллические формы имеют электрическое происхождение?

44. Пантомима — радость разнообразных движений. Балет. Игра машин. Электрический танец.

45. Стил ь романа — это не континуум, а композиция, проявляющаяся в каждом периоде. Люб о й кусочек должен быть определенным отрезком — ограничением — самостоятельным целым.

46. Мнение индивидуально, а действительное мнение должно согласовываться со всеми остальными — если оно не нуждается в оных, то не является действительным мнением. Так обстоит дело и с религиями, и с природными сущностями, и со всем прочим.

47. Настоящее удовольствие — тоже своего рода *Perpetuum mobile*, оно воспроизводит само себя, а если не воспроизводит, то из-за *трения* — в коем причина всех бед и зол в мире. (Вообще, механика есть самая полезная формула аналогии для физики.)

48. Почему в религии не может быть виртуозности?⁸ Потому что она зиждется на любви. Шлейермахер провозгласил Один вид любви — религии — художественную религию — почти что религию художника, поклоняющегося красоте и идеалу. Любовь свободна — она охотнее выбирает самых бедных и беспомощных.

Бог печется о бедных и грешниках. Есть натуры, неспособные ни к любви, ни к религии. Задача религии — сострадание Божеству — бесконечная печаль религии. Можно возлюбить Бога, если Он беспомощен. Насколько этот вопрос разрешен в христианстве? Любовь к безжизненным предметам. Очеловечивание человека. Любовь Христа к морали.

49. Свобода, как и счастье, вредна для одного и полезна для другого.

50. Преодоление жизни.

51. Родство благодарности и сострадания.

52. Последовательное конструирование с помощью речи и звука. Воздействие речи зиждется на памяти, искусство речи учит правилам, в какой последовательности должны располагаться мысли, чтобы была достигнута определенная цель. Только речь приводит мысли в движение и устроена так, чтобы мыслительные пальцы легко подчинялись определенной аппликатуре.

53. Если у человека отсутствует религиозное чувство, оно замещается каким-нибудь другим, и тут, наверняка, возникнет большой спор, так как оба чувства и их предметы будут похожи, названы одними и теми же словами, но при всем том абсолютно различны — а это вызывает неразбериху.

54. Комические диалоги, ради эксперимента смешанные с великими идеями и настоящей поэзией.

55. Книги следует писать так же, как и музыку.

56. Поэтическое искусство — это лишь произвольное, деятельное, продуктивное употребление наших органов, мышление, наверно, можно считать чем-то подобным, следовательно, мышление и поэзия — одно и то же. Ведь когда мы мыслим, чувства используют богатство впечатлений для нового вида впечатлений, а то, что из этого получается, мы называем мыслями.

57. Уничтожение греха,⁹ издревле тяготившего человечество, а также и веры в возмездие и воздаяние, стало прямым следствием христианского Откровения.

58. О формулах субституции в философии. В философии можно имитировать любые приемы. Главная проблема: как возможна редукция качества к количеству?

59. (Исторические) романы — например, эпохи *Реформации* — Теофраста Парацельса — Нидерландской войны — открытия Америки — ранних христиан — крестовых походов — жизни *Иисуса* — Магомета — разрушения Константинополя.¹⁰

Множество диалогов в романе.

60. Сентиментальные романы, подобно историям болезни, относятся к сфере медицины.

61. В жизни образованного человека музыка и не-музыка должны чередоваться, как сон и явь.

62. Новелла. Человек обрел возлюбленную, но пускается в новое беспокойное плавание — ищет религию, какую неизвестно, его возлюбленная умирает и является ему в духе, как та, которую он ищет. Дома он находит ее ребенка и становится садовником. (Жизнь морехода — чужбина — море — небо — шторм — звезды. Жизнь садовника.)

63. Странно, что в хорошем рассказе всегда есть нечто таинственное — непостижимое. Кажется, что история раскрывает глаза, которые прежде были закрыты, — мы попадаем в совершенно иной мир, когда возвращаемся оттуда.

64. Проповеди должны быть ассоциациями богодухновенных и небесных созерцаний.

65. Музыкальные законы я считаю фундаментальными законами природы в прямом смысле.

Кристаллизации: акустические фигуры химических вибраций <химический смысл>.

Гениальные, благородные, интуитивные, чудодейственные, умные, глупые и проч. растения, животные, камни, стихии и проч. Бесконечная индивидуальность этих существ — их музыкальное и индивидуальное чувство — характер — повадки и проч.

Это существа *минувших, исторических* эпох. Природа — окаменевший волшебный город.

66. Образы — аллегорические из природы — недавний у фонтана — радуга вокруг родника. Поднимающиеся вверх облака, как молитвы родников.

67. Пространство, как осадок времени — как необходимое следствие времени.

68. *Математические фрагменты.*

69. Полемика против юриспруденции и государственных связей вообще. Новые виды хозяйства. (Искусство использовать кусок земной поверхности.)

Меньше сева — больше пара. Культивация. Отмена скотоводства. Применение гальванизма в экономике. Мелиорация почвы. Мелиорация ее состояния. <наименование — заливные луга>

70. Проповеди следовало бы называть вообще-то легендами, ибо подлинный сюжет проповедей — легендарный сюжет.

Бога нужно искать среди людей. В человеческих деяниях, мыслях и ощущениях Святой Дух проявляется отчетливее всего.

Религиозное учение — дело другое. Оно может быть понятно только религиозному человеку и использоваться только для религии.

Религию нельзя проповедовать иначе, чем любовь и патриотизм. Если бы кто-то захотел объясниться в любви, как бы он начал?

71. Всякое несправедливое действие, всякое недостойное чувство по отношению к своей возлюбленной — прелюбодеяние.

72. О соотношении Ветхого и Нового Завета — домовитость первого и космополитизм второго.

73. Странное совпадение — возникновение христианства и Римской империи. Трагический образ первого христианства.

Рождение рыцарского духа в крестовых походах. В крестовых походах рождается Европа. Новое восприятие крестовых походов. Новая точка зрения на историю, исследованную Гиббоном¹¹ — отделение старого мира от нового — Ветхого и Нового Завета — победа сверхчувственного — преображение неба — римская республика как вселенская жертва. Толкование истории как Евангелия. Монахи как историографы. Исторический момент открытия Америки.

74. Учение об экспериментальной религии.

75. В мире есть только один храм — человеческое тело. Нет ничего более священного, чем этот высокий образ. Поклониться человеку — означает восславить откровение во плоти. (Божественное почитание лингама,¹² груди, статуй.) Касаясь человека, прикасаешься к небу. Об убийстве изуверченных, старых и больных людей.

76. История Христа — поэма в той мере, в какой ею является любая история, и вообще только та история является историей, которая может быть еще и сказкой.

77. Частные истории абсолютно невозможны — всякая история должна быть мировой историей, и конкретный материал можно изучать только в связи с историческим целым.

78. Настоящий литературный стиль — писать фолиантами. Невероятные литературные богатства Средневековья.

79. Наивное не полярно.¹³ Полярно сентиментальное.

80. Религиозность физиогномики. Священный, неисчерпаемый иероглиф человеческого образа. Трудно по-настоящему разглядеть человека. Относительность и ложность понятий человеческой красоты и уродства. Самые уродливые люди могут быть бесконечно прекрасными. Регулярное наблюдение за мимикой. *Единичные моменты откровения* этого иероглифа.

81. Поэтические фантазии о чувственном наслаждении. Парамифии Гердера,¹⁴ а также библейские — об Иисусе, только аллегоричнее и поэтичнее.

82. Нет религии, которая не была бы христианством.

83. Не возвышает ли религия, как и гальванизм, все естественные функции? Концентрация религии посредством воздержания.

84. В литургических собраниях каждый имеет право вставать и делиться божественными историями из сокровищницы собственного религиозного опыта с другими прихожанами.

ми. Религиозная внимательность к просветлениям чужого мира является основным условием человеческой религиозности. Все можно сделать предметом не только эпиграммы или анекдота, но превратить в афоризм, религиозную эпиграмму, Слово Божие.

Все жалостливое в нашей церковной музыке больше подходит для религии покаяния — Ветхого Завета, в коем мы до сих пор и пребываем. Новый Завет все еще скрыт от нас за семью печатями.

Однако у нас есть неплохой опыт настоящей духовной музыки, например «God save», «Wie sie so sanft ruhen»¹⁵ и проч.

Есть ли различие между мирским и духовным? Или сама полярность нашего богословия еще ветхозаветна? Иудаизм прямо противоположен христианству и подобно ему лежит некоторым образом в основе всякого богословия.

К морали ведет Истинный Дух Божий. Моралистом является Иоанн.¹⁶ Такие монастырские церкви, как наши, пригодны только для *ecclesia pressa*,¹⁷ а не для *ecclesia triumphatrix*.¹⁸ Настоящий готический храм истинно религиозен. (Греческие храмы.)

85. Культура энтузиазма. Аудитории, пожалуй, противоположны театру, если считать, что театр предназначен возбуждать энтузиазм — воспитывать и сосредотачивать сердце и душу.

86. О выражении — разные вероучения.

87. (Протестантское богослужение — это непрерывный апофеоз Библии — благая весть о том, что Библия существует.)

(Проповедовать религию по расписанию недопустимо, отсюда преимущество обычая квакеров — вставать и говорить по вдохновению.)

Существует много видов проповеди — одни поэтичны, другие догматичны или, лучше сказать, научны, третьи сердечны, четвертые — вдохновенны.

(Проповедь протестантского священника должна быть, собственно говоря, музыкальной пьесой, в частности — вариацией, но может быть экзегезой или гомилией.)

Молитва и благословение — главные религиозные акты нашего богослужения, которое может быть музыкальным, научным или теологическим.

Нессир и Зулима, Признания прекрасной души и Тоска по родине¹⁹ суть настоящие легенды или проповеди.

(Легенда = Благая весть.)

88. Солдаты носят пестрые мундиры, ведь они — *цветы* государства, *энтузиасты* в миру. Оксиды.

Священники — чистый углерод — легко горючей, светопроводящей, синтетической природы — теплой и едкой — близко родственной кислороду.

89. В государстве частное право и собственность должны быть исторически засвидетельствованы. Если что-либо не является несомненной собственностью кого-либо, то является собственностью государства. Государство, как и брак, должно получить церковную санкцию — это союз личностей. Все свое имущество частное лицо получает от *государства*. Подати — вмененный налог — жалованье государства.

90. Почему-то до сих пор не обратили должного внимания на связь похоти, религии и жестокости, их внутреннее родство и общую тенденцию.

91. Кто бы что ни говорил, но именно внешняя обработка — мелодия стиля — есть то, что втягивает в чтение и делает книгу увлекательной. «Годы учения Вильгельма Мейстера» — мощное доказательство магии повествования, вкрадчивости гладкого, приятного, простого и разнообразного языка. Кто так овладел слогом, может рассказывать о всяких пустяках, и мы почувствуем их обаяние и шарм — духовное единство есть истинная душа книги, благодаря которой она кажется личной и трогательной. Бывают односторонние и многосторонние — индивидуальные и общие души, видимо, к последнему разряду относится душа в «Вильгельме Мейстере», которую вполне можно назвать душой хорошего общества.

92. (Шлегели, толкуя о нарочитости и искусственности шекспировских произведений, упускают из виду, что искусство принадлежит природе и является как бы самосозерцающей, самоподражающей и самообразующей природой. Искусство хорошо развитой природы не имеет ничего общего с надуманностью и резонерством.) Шекспир — это не расчет и не наука, а могучая, феерическая душа; его новаторские произведения словно творения природы несут на себе печать мыслящего духа. Даже последний тонкий наблюдатель обнаружит в них новые аналогии с бесконечным организмом мироздания, встретится с идеями будущего, породнится с высшими силами и чувствами человечества. Они символичны и многозначны, просты и неисчерпаемы, как и те. Потому нет большей бессмыслицы, чем утверждать, что они являются произведениями искусства в том ограниченном, механическом смысле слова.

93. Все наши влечения — не что иное, как практическая религия. Сердце — своего рода религиозный орган. Может

быть, высшим порождением продуктивного сердца является небо.

(Когда сердце, отрешившись от всех единичных предметов, ощущает само себя, превращает себя в идеальный предмет — возникает религия. Все единичные влечения соединяются в одно целое, чудесный объект которого — высшее Существо, Божество, тогда истинный страх Божий заключает все наши ощущения и влечения. Этот природный Бог рождает нас, говорит с нами, пестует нас, спит с нами, питается нами, сам питает нас, зачинается и рождается нами — коротко говоря, становится бесконечным материалом нашей деятельности и нашего страдания.

Когда таким Богом мы делаем возлюбленную, возникает *практическая религия*.)

94. О человеческом бессмертии *en masse* — о жизни и мышлении *en masse* — соборность, множественность есть наша сокровенная сущность, и, возможно, каждый человек как-то соучаствует в моем мышлении и деятельности, а я подобным образом соучаствую в мышлении других.

95. Католицизм в каком-то смысле уже является практической религией. А философия Фихте представляет собой не что иное, как практическое христианство.

96. Бессвязные рассказы²⁰ — однако ассоциативные, как сны. Стихи — просто благозвучные, полные красивых слов — однако бессмысленные и бессвязные, понятные лишь в некоторых строфах, словно обломки разнородных вещей. Истинная поэзия обладает аллегорическим смыслом в целом и оказывает только косвенное воздействие, как и музыка и т. п. — Природа — чисто поэтична, она — жилище чародея, физика, ребенка — кладовая и сокровищница.

97. Странно, что внутренний мир человека созерцался до сих пор так убого и трактовался так пошло. Так называемая психология — еще одна личина, вытеснившая из святилища божественный лик. Как мало еще физика использовалась для души, а душа — для внешнего мира. Рассудок, фантазия — разум — таков убогий каркас той Вселенной, которая заключена в нас. Об их чудесных смещениях,²¹ сочетаниях, переходах умалчивают. Никому не пришло в голову отправиться на поиски новых, еще безымянных сил — проследить их взаимоотношения. — Кто знает, какие чудесные соединения, какие чудесные рождения ожидают нас во внутреннем мире.

98. В физике повелось вырывать отдельные феномены из контекста и рассматривать их изолированно. Каждый феномен есть звено бесконечной цепи, которая содержит *все феномены*.

Больше нельзя заниматься естествознанием по главам — по предметам, оно (континуум) должно стать *историей* — органическим растением — деревом, животным или человеком.

99. Играть — экспериментировать со случайностью.

100. Государство проповедуется у нас слишком мало. Должны существовать провозвестники государства, проповедники патриотизма. — Сейчас многие друзья государства находятся с ним в безобразных, почти враждебных отношениях.

101. Искренняя любовь к безжизненной вещи вполне возможна, как и к растению, животному, природе и самому себе. Когда у человека появляется подлинное внутреннее Ты — возникает высшее духовное и чувственное общение, становится возможной самая бурная страсть. — Гениальность

есть, вероятно, не что иное, как результат такого внутреннего множества. Тайны этого общения изучены еще очень мало.

102. Я убежден, что посредством холодного, технического рассудка и спокойного морального чувства можно скорее достигнуть *истинных откровений*, нежели посредством фантазии, которая, по-видимому, просто уводит в царство призраков, этот антипод настоящего неба.

103. Буква подобна храму или монументу, но без значения она мертва — (О превращении духа в букву.) Бывают вдохновенные историки буквы — филологические *антиквары*. (Антиквар, в сущности, есть рестовратор буквы — ее воскреситель. Польза буквы.)

104. Природа есть не что иное, как прошедшее в чистом виде — бывшая свобода, а потому — лучшая почва для истории.

105. Что формирует человека, как не *история его жизни*? Следовательно, выдающегося человека ничто так не формирует, как мировая история. Некоторые люди охотнее живут в прошлом или будущем, нежели в настоящем.

Но и настоящее совершенно непонятно без *прошлого* и без высокой образованности; насыщение продуктами высшего порядка, высшей духовностью минувшего и настоящего и усвоение оных — источники человеческих прозрений, без которых историк, как творческий, идеалистический интерпретатор исторических фактов, не может обойтись в отличие от грамматического и риторического *рассказчика*.

Историк должен стать оратором. — Он *благовествует*, ибо история есть Благая весть.

106. Особая прелесть республики состоит в том, что в ней все выражается намного свободнее. Добродетели и пороки,

нравственное и безнравственное, дух и пошлость, талант и убожество проявляются намного сильнее, и потому климат республики подобен тропическому за исключением регулярности осадков.

107. Странно, что до сих пор так мало внимания обращали внимания на то, что при *плавлении* увеличивается *специфическая* тяжесть.

Вместе с миром возникает вождение — стремление к плавлению или тяжести.

Удивительная реализация сравнения, например, любовь сладка, поэтому ей свойственно все, что свойственно сахару.

О *философии* и *изложении* таковой. *Исторические конструкции*. Нет ничего поэтичнее, чем *переходы* и смешения гетерогенных вещей.

Преимущества *перспективы* — правильного распределения — экономности в поэзии.

По-настоящему грубой и пошлой прозы фактически еще не существует.

Смешение грубого, плоского, шаблонного с благородным, высоким, поэтическим.

Язык доктора Лютера. Лессинг.

108. Для истинно религиозного человека греха не существует.

**<ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ, МЕДИЦИНСКИЕ
И МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ>
<июль 1799—январь 1800>**

109. Темны и бессмысленны все имена, которые не имеют дефиниции или сами не несут смысл, например углерод, кислород и т. п. Физика до тех пор не выйдет на правильный путь, пока не возьмется за дело фантастически — про-

извольно, но в то же время строго и лаконично. Спасения можно ждать только от истинной философии, *creatio rationalis*.²²

110. Не являются ли космические тела окаменелостями? Быть может, ангелов?

111. Общие утверждения в естествознании не имеют силы. Они должны получить *практическую, техническую, реальную* форму, шаг за шагом развивая и конструируя, как алгоритм технической работы.

Современная физика очень бедна — наша физика говорит только о всеобщих элементах природы, о всеобщих действительных понятиях или природных силах — она есть реальная метафизика или логика. Растения, животные, созвездия, люди — уже составные природные продукты — высшие природные сущности. Природа — церковь бесконечных природных существ. Все ограничено, а потому и человеческая наука должна определяться временем и пространством. Высшим для человека является понимание, какое знание соответствует его ступени, продолжительности и образу жизни. Он не станет поощрять в себе нездоровую тягу к знаниям, предпочитая ей гармонию остальных сил и задатков.

Наука не является единственным предназначением человека, человек должен быть человеком — его предназначением является человечество, тенденция к универсальности является неотъемлемым качеством настоящего ученого. Но никогда человек, словно какой-нибудь фантазер, не должен искать чего-то неопределенного — фантазма — идеала. Он должен переходить от одной конкретной задачи к другой. Незнакомая возлюбленная, пожалуй, обладает магической прелестью. Стремление к неизвестному — неопределенному — крайне опасно и вредно. Нельзя стяжать откровение силой.

Истинно идеалистический путь физика²³ — объяснить, как из составного и связанного произошло элементарное и

раздробленное, но не наоборот. Государство никогда не возникнет из первобытности, но государство может впасть в первобытное состояние. Природа возникла через вырождение. Тяжесть объяснима из чувственности — но не чувственность из тяжести, электричества и проч. Возникновение тяжести объяснимо из мыслей. Первая глава физики принадлежит миру духов. Природа необъяснима статически, но только динамически — в движении к моральному состоянию.

Когда-то природы не будет — она постепенно перейдет в духовный мир. Может, неизбежные естественные законы ошибочны и в высшей степени противоестественны?

Все происходит по законам, и ничего не подчиняется им. Закон есть простое, легко обозримое соотношение — мы ищем законы из удобства. Есть ли у природы определенная воля или нет никакой? Я полагаю — и да, и нет — в ней есть все.

112. Животный магнетизм.²⁴ (Опыты с Юлией.)

Гетерогенез различных органов тела через поглаживание и т. п.

Действие лекарств — <...>

Можно ли научить одно тело чудесным образом воздействовать посредством мыслей, веры и т. д. на другое.

113. Одно явление неизбежно ведет к другим явлениям, как и один эксперимент — к множеству экспериментов. Природа есть нечто целое, в которой единичная часть никогда не познаваема до конца. Настоящий естествоиспытатель исходит из какой-то точки и постепенно, шаг за шагом, углубляется в безмерность, тщательно связывая и сопоставляя единичные факты. (...)

114. Гальванизм²⁵ — пожалуй, не что иное, как *внутренний свет*. След ощущения в аноргическом²⁶ царстве.

Камни и вещества — высшее, истинный хаос — человек.

115. Подобно тому как мыслящий экспериментатор ищет мысли или идеи, т. е. законы в природе, философ стремится развить из единства законов или системы идей богатое содержание. Следуя своим гипотезам, они могут совершать самые блестящие открытия.

116. Соединение многих веществ образует органические вещества, соединение многих сил — живые силы. Множество сокращений — ощущения, множество впечатлений — мысли, множество мыслей — идеи — и т. д.

Множество людей — гениев.

Множество животных — людей.

Множество растений — животных.

Множество веществ — растения.

Множество стихий — вещества.

117. Раздражение или деятельность можно производить путем простой перестановки звеньев цепи. Все есть звено цепи. Появление нового звена отражается на остальных — отсюда деятельность, однако искомая степень раздражения или деятельности в каждом звене — разная.

Гальванизм бесконечно много разъясняет в животной экономике, например, в вопросе о запорах и испражнениях — двойной раздражимости.

Для меня важно установить — каким образом душа производит ощущения. Она, видимо, вызывает их просто по ассоциации. Если обычные ассоциации не помогают, она прибегает к необычным, например, при возбуждении половых органов.

118. В образовании мысли соучаствуют, пожалуй, все части тела. Но и они — результаты цепной реакции, отсюда необходимое воздействие перемены мыслей — чужих мнений — метких афоризмов — внезапных озарений на телесное состояние. Душа даже в страхе и смятении стремится то к новому, то к старому — одним словом, к чему-то иному.

Даже испуг может воздействовать благотворно.

119. Браун ясно осознал и показал, что наша медицина, равно как и наша политика, глубоко заблуждается, относясь к человеческому телу, как к простой абстракции. Тело есть бесконечная цепь, состоящая из индивидов.

Все силы являются исключительно локальными силами.

Наступит время, когда система Брауна²⁷ будет применима на практике. Она целиком идеалистична.

120. Имеет ли язык свой тон в дисканте, басы и теноре? Собственный такт — основной тон — полифонию и темп? Не являются ли разные виды стиля разными инструментами?

121. (...) *Всю землю следует созерцать как Одну усадьбу — и учиться экономике у нее.*

Государства должны, наконец, осознать, что достижение всех целей возможно только благодаря *общим усилиям*.²⁸

Системы альянсов. Приближение к *универсальной монархии*. (...)

122. Всякое притяжение происходит благодаря раздражению. Нас притягивает то, что возбуждает.

Магнитная стрелка не указывала бы на север, если бы могла объединить полюса. Направление всякой незамкнутой, незавершенной цепи.

Математические фрагменты

123. Собственно говоря, математика есть одно большое уравнение для других наук.

Она является для них тем, чем логарифмы²⁹ являются для нее. Понятие математики — это понятие науки как таковой.

Все науки должны, следовательно, стать математикой.

Современная математика — это специальный эмпирический инструментарий, не более.

Она есть средство субституции для удобства редукции — вспомогательное средство мышления.

Ее понятие в качестве необходимого постулата предполагает, что применяться она может универсально.

Математика — достовернейший свидетель идеализма природы.

Она основана на внутренней гармонии и симпатии универсума.

Числа, подобно знакам, словам и явлениям, суть изображения *kat exochen*.³⁰

Их соотношения — это соотношения в мире. Чистая математика есть созерцание рассудка как универсума.

Чудеса, как сверхъестественные факты, антиматематичны — но подобных чудес не бывает, а то, что именуется таковыми, можно понять только благодаря математике, ибо для математики чудес не существует.

Настоящая математика — это стихия мага.

В музыке она является в чистом виде, как откровение — творческий идеализм.

Здесь она обретает легитимность как небесная посланница *kat anthron*.³¹

Всякое наслаждение музыкально, а потому — математично.

Высшая жизнь есть математика.

Бывают великие математики, которые не умеют считать.

Можно быть отменным вычислителем и ничего не смыслить в математике. Истинный математик — энтузиаст *per se*.³² Математики без энтузиазма не бывает.

Чистая математика есть религия.

Путь к математике лежит через божественное откровение.

Математики — вот единственно счастливые люди. Математик знает все. А если не знает, то *может* узнать.

Когда приходит знание, деятельность замирает. Состояние знания есть эвдемония, блаженный покой созерцания — небесный квиетизм.

Родина математики — Восток. В Европе же она выродилась в голую технику.

Кто прикасается к математической книге без благоговения и читает не как Слово Божие, тот ее не поймет.

<ШТУДИИ И ПЛАНЫ> <ЯНВАРЬ—АПРЕЛЬ 1800>

124. Чисто комические характеры, как в старинной комедии, следует рисовать ярко и грубо — изысканные нюансы прозаичны. В сфере поэзии все решительнее — любая функция выше и жизненнее, выделяется красочностью.

125. Поэты — изоляторы поэтического тока и одновременно его проводники.

126. «Годы учения Вильгельма Мейстера» насквозь прозаичны и современны. Романтическое в этом романе гибнет, а вкупе с ним поэзия природы и все чудесное — речь идет об обыденных, человеческих вещах, — природа и мистика преданы полному забвению. Это опоэтизированная мещанская семейная история, в которой все чудесное громогласно объявлено вымыслом и фантазмом. Художественный атеизм — таков дух этой книги.

Слишком много экономики — поэтический эффект достигается с помощью прозаического, дешевого материала.

127. С Мейстером случается то же, что с алхимиками — они ищут многого, а ненароком находят *большее*.

Странно, что будущее в его положении предстало перед ним в образе *театра*. Вильгельму суждено стать эконо-

мом с помощью *экономической* семьи,³³ в которую он вступает.

128. Звуки, душевные настроения — холод стимулирует секрецию мыслей — бурю страсти — движение влечения. *Внутренний воздух* — внутренняя вода и свет.

Что такое поэзия, как не внутренняя живопись и музыка, но преобразованная душевной природой.

Посредством поэзии, словно специальным механическим инструментом, стараются создать внутренние настроения, картины или созерцания — а может, *духовные танцы* и проч.

Поэзия = искусство возбуждать душу.

129. Сходство священной истории со сказкой в высшей степени примечательно — вначале колдовство, потом чудесное примирение — и т. д. Исполнение условия проклятия — безумие и колдовство очень похожи. Колдун — это художник безумия.

130. Элементы романа.

Борьба поэзии с прозой.

Новый и старый мир.

История самого романа.

Расточительность и проч.

Пассивная природа героя романа. Он — орган поэта в романе. Покой и экономия стиля. Поэтическое толкование и созерцание жизненных происшествий.

131. Поэзия никогда не должна быть основным содержанием, но всегда чудом.

Следует изображать только то, что вполне обозримо, ясно ощутимо и целиком подвластно — например, изображая *сверхчувственное*.³⁴

11 февраля 1800 г.

132. Драматическое изложение в отдельных независимых главах. Неудобства рассказа, развивающегося хронологически.

133. Особый исторический смысл и такт. Специфический дух каждого происшествия.

134. Гитара или реликвии романтической эпохи.³⁵ Цикл романсов Новалиса.

135. Против «Годов учения Вильгельма Мейстера».³⁶ В сущности, это досадная и вздорная книга, претенциозная и манерная — при всей внешней поэтичности абсолютно непоэтичная по духу. Сатира на поэзию, религию и т. д. Из соломы и опилок состряпана похлебка, образ богов. Все превращается в фарс. Экономика — истинная природа этой книги, ее итог.

Так или иначе, Гёте преодолевал сопротивление материала.

Поэтическая машинерия.

Фридрих отгесняет Мейстера от Филины и толкает его к Наталье. «Признания» должны успокоить читателя — после огня, безумств и дикостей первой половины третьей части.

Интриганство, болтовня и кривлянье в конце четвертой книги выдают аристократический замок и бабье царство — все вызывает досаду и неловкость.

Аббат — опасный субъект, тайный контроль которого назойлив и нелеп. Башня в замке Лотарио полностью ему противоречит.

В финале искренне радуешься, что все наконец закончилось. В целом «Годы учения Вильгельма Мейстера» — это дворянский роман или паломничество за дворянским дипломом.

Собственно говоря, «Вильгельм Мейстер» — второй «Кандид»,³⁷ направленный против поэзии.

Поэзия — арлекин этого фарса. В сущности, дворянство только проигрывает оттого, что причислено к поэзии, а поэзия — оттого, что представлена дворянством.

Он делает муз комедиантками, вместо того чтобы сделать комедианток музами. Трагично только то, что в это общество он впутывает Шекспира.

Авантюристы, комедианты, метрессы, торгаши и филистеры — вот население этого романа. Кто примет его близко к сердцу, больше романов читать не станет. Герой тормозит введение экономического Евангелия. Театр марионеток вначале. Финал напоминает последние часы в парке прекрасной Лили.³⁸

136. Мои рассказы и романтические работы очерчены еще слишком резко и жестко — только грубые штрихи и контуры — всё голо и неразвито; им не хватает нежности и округлости — полноты и проработанности — полутонов — плавных переходов — своего рода осанки — покоя в движении — индивидуальной завершенности и отстраненности — пластичности и богатства стиля — слуха и слога для прелестных периодов и пассажей.

137. История сама себя создает. Она возникает только тогда, когда прошлое соединяется с будущим. Но пока история не зафиксирована в тексте или законе, она не будет ни полезной, ни значительной.

Люди слишком небрежно относятся к своим воспоминаниям.

138. Сочинение о «Вильгельме Мейстере». Мои идеи на эту тему, собранные в мещанском романе.

139. Романист создает поэзию посредством событий и диалогов, рассуждений и описаний, а лирический поэт — ощущений, мыслей и образов.

Все сводится, следовательно, к способу, искусству отбора и соединения.

140. В мещанском романе: об общении, поведении во время болезни, расточительности молодежи, одежде, привычках, развлечениях, женской сфере, браке и проч., о девизе: Америка здесь или нигде и проч.

141. Поэзия есть *изображение души* — внутреннего мира в его целостности. Уже ее медиум — слово — намекает на него, ибо оно есть внешнее откровение внутреннего царства силы. Как скульптура — откровение внешнего мира, а звуки — музыки. Если поэзия пластична, то она производит обратный эффект — но есть и музыкальная поэзия, которая вызывает в душе разнообразную игру движений.

142. Природа обладает художественным инстинктом, поэтому хотеть различить природу и искусство — болтать попусту. У поэта они отличаются разве что разумностью и бесстрастием, в то время как другие люди только в аффекте непроизвольно становятся музыкально-поэтическими или вообще *интересными* явлениями.

143. Комедия и трагедия очень выигрывают и достигают настоящей поэзии благодаря тонкой символической связи. Серьезность радостна, а шутка — серьезна.

144. Изображение души, как и природы, должно быть самостоятельным, самобытно всеобщим, объединяющим и творческим. Не какова она есть, а какова может и должна быть.

145. Не пестрые краски, веселые звуки и теплый воздух восхищают нас весной, а тихий и вещий дух упования, предчувствие череды радостных дней и природного расцвета, предвкушение высших, вечных цветов и плодов и темная симпатия к миру, который, раскрываясь, общается с нами.

146. В нашей душе все сопрягается своеобразно, приятно и живо. Совершенно чужеродные вещи соплагаются благодаря месту, времени, странному подобию, ошибке или какой-либо случайности. Так возникают причудливые единства и странные сочетания — одно напоминает обо всем, обозначает многое, само обозначается и призывается многим. Разум и фантазия причудливо объединяются во времени и пространстве, и можно утверждать, что всякая мысль, всякое явление нашей души составляет индивидуальное звено в высшей степени самобытного целого.

147. Гамлет — *сатира* на современную цивилизованную эпоху, в каком-то смысле выражение английской национальной ненависти к Дании. За этим кроется триумф доблестной Норвегии. Виттенбергский университет — весьма важная деталь, Гамлет должен быть героем, а он — *ученый* и т. д.³⁹ Франция здесь вполне уместна. Возвышенные идеи освещают и возвышают все целое. Безумие Офелии и дух отца — поэтические явления.

148. Христианская религия замечательна еще и потому, что, не взирая на образованность человека, так решительно притязает на его добрую волю и истинную природу, усматривая ценность только в них одних.

Она противостоит науке, искусству и *наслаждению в собственном смысле*. Исходит из обычного человека. Она одушевляет большую часть всего ограниченного на земле и есть тот свет, который светит во тьме.

(Она — росток всякой демократии. Высший факт популярности. Кажется, что непоэтическая внешность, сходство с современной бытовой картиной *только взяты ею взаймы*. Она трагична и все-таки бесконечно нежна — истинная драма — смешение трагедии и комедии. Греческая мифология, видимо, предназначена для более образованных людей — следовательно, полностью противоположна христианству. Пантеизм — это третий путь.)

18 апреля 1800 г.

149. Предметы, о которых любят толковать в наших городах, в сущности, не более чем провинциальные новости. Равное благосостояние, положение, образование и умеренность порождают известную монотонность. Погода, городские новости, газеты, сенсации и сплетни, светские слухи, мода, естественно, новости из резиденции, частные дела и набор светских острот — вот, о чем говорят. Мировые проблемы никого не волнуют и возбуждают скуку.

Пожалуй, в республиках с этим лучше, ибо здесь государство является главным делом каждого гражданина, который чувствует, что его личное бытие, потребности, деятельность и взгляды сопряжены с бытием, потребностями, деятельностью и взглядами мощного и обширного общества, его маленькая жизнь — с огромной жизнью. Он развивает и упражняет фантазию и рассудок с помощью великих предметов, невольно отвлекаясь на фоне этого гигантского целого от собственной персоны.

150. Дар различения, чистое разделительное суждение должно применяться к людям с величайшей осторожностью, ибо способно смертельно уязвить и возбудить ненависть.

С одной стороны, его ненавидят за то, что расстаться с заблуждением, которое всех устраивало, всегда болезненно,

а с другой — из-за чувства совершенной несправедливости, ибо даже самое остроумное суждение вторгается в природу вещи, дробит неделимое, отрывает от среды, истории, почвы, природы и, выпячивая какую-то часть, забывает о значении явления внутри большого целого.

Именно смещением унижающей истины и оскорбительной ошибки оно так ранит.

Поэзия исцеляет раны, наносимые рассудком.⁴⁰ Она сложена из элементов как раз противоположных — возвышающей истины и приятной иллюзии.

151. Христианская религия есть религия подлинного сладострастия. Грех — великий раздражитель божественной любви. Чем большим грешником ощущает себя человек, тем большим христианином он является. Безусловное соединение с Божеством является целью греха и любви. Дифирамбы — истинно христианские произведения.

<ФРАГМЕНТЫ И ШТУДИИ> <ИЮНЬ — ОКТЯБРЬ 1800>

152. Настоящая романтическая проза — абсолютно непредсказуемая, чудесная, с неожиданными перипетиями — зигзагами — глубоким драматизмом. В малых сочинениях тоже.

153. Совершенно понятно, почему в конце все становится поэзией — не становится ли мир в конце душой?⁴¹

154. О Боге следует говорить только очень простым, вечным и романтическим языком.

155. Деловые операции тоже можно осуществлять поэтически. Без глубокого поэтического размышления такое пре-

вращение осуществить невозможно. Древние это прекрасно понимали. Как поэтично они описывают травы, механизмы, дома, приспособления и т. п.

Известная архаичность стиля, правильная организация и композиция материала, осторожный намек на аллереорию, некая причудливостъ, благоговение и удивление, которые просвечивают в слоге — таковы существенные черты этого искусства, которые весьма пригодились бы мне в мещанском романе.

156. (...) Еще не хватает романтического порядка и осмысления. Предельно простой стиль, однако чрезвычайно смелые, наподобие романсных драматические зачины, переходы, периоды — то диалог, то монолог, затем рассказ, затем рефлексия, затем образ и так далее. Точный слепок души, где ощущение, мысль, созерцание, образ, беседа, музыка и проч., быстро и непрерывно чередуясь, выстраиваются светлыми, ясными рядами.

157. Вдохновение обретаеся в непрерывном и свободном размышлении. Если нет времени на созерцание, свободную медитацию, спокойное обдумывание и рассмотрение предмета в разном настроении, то засыпает даже самая бурная фантазия и внутреннее богатство исчезает. Ничто не приносит такой пользы поэту, как беглое рассмотрение многих предметов мироздания, их свойств, а также некоторых наук.

Я сейчас слишком мало читаю и слишком мало медитирую. Снова займусь химией, физикой, географией, историей. Старинными хрониками и т. п. Дон Кихот — Шекспир — Гёте — Тик — Боккаччо.⁴²

* * *

158. Риттер хочет найти подлинную мировую душу природы. Он хочет научиться читать видимые и осязаемые литеры и объяснить тезис о существовании высших духовных сил.

Все внешние процессы должны быть поняты как символы и следствия внутренних процессов. Неполнота первых должна стать органом для вторых и необходимость предположения личного начала как последнего мотива — результатом любого эксперимента.

159. Стения — воспаление. Астения — паралич.⁴³ За воспалением всегда следует косвенная астения, за астенией — косвенная стения. Раздражение есть умноженное существование — возвышение и умножение чувственно различаемой деятельности. (...)

160. (...) Здоровье держится на конфликте многообразных специфических раздражений и расслаблений. То, что возбуждает желудок, может ослаблять ум.

161. Есть только Одна болезнь и потому Одно универсальное лекарство. Посредством чувственности и ее органов — нервов — болезнь входит в природу. С ней появляется свобода, произвол, а стало быть, и *грех*,⁴⁴ нарушение природной воли, причина всякого зла. Болезни мускулов проистекают только из-за деспотии нервов. Нравственный человек должен тоже иметь свободную природу — упрямую, своевольную, самобытную природу. Если животная жизнь — флогистический процесс,⁴⁵ то болезни — это антифлогистические процессы — перебои в горении. Их разнообразие свидетельствует как раз о том, что они возникают в личности. Болезнь есть разлад между органами. Общее заболевание почти всегда становится локальным, а локальное переходит в общее.

Бренность, дряхлость — свойство природы, связанной с духом. Оно свидетельствует о деятельности и универсальности, о возвышенной личностности духа.

162. Все природные силы составляют только Одну силу. Жизнь природы — это процесс окисления. Всякое раздра-

жение окисляет, является проводником окисления. Мертвая материя есть флогистон.

Тяжесть — раскисляющая сила.

Специфическая тяжесть планет. Их окисляемость. Родство с кислородом противоположно тяжести — окисляемость.

В самой материи заключена основа жизни — игра тенденций окисления и раскисления.

Игра эфира, космоса и тяжелых тел.

163. Окисление — уменьшение персональности.

Флогистон = дух.

Духу присущ *покой*.

Тяжесть берет начало в духе.

Бог отлит из бесконечно плотного металла — самое телесное и тяжелое существо.

Окисление происходит от дьявола.

Жизнь — это болезнь духа — страстная деятельность.

Уничтожение воздуха есть восстановление Царства Божия.

Болезни усиливаются вместе с чувствительностью.

Впечатление — в той же мере окисление, как воспроизведение или раздражение. Высшие виды окисления.

Кислород действует окисляющее и раскисляющее одновременно, всякое окисление сопровождается раскислением.

Продукт раскисления осаждается в животном теле, продукт окисления впитывается и усваивается. Так возникает движение изнутри наружу и обратно. Оксиды организуются, диоксиды дезорганизуются. Нарушения раскисления суть косвенные нарушения окисления.

Кислоты производят диоксид кислорода, следовательно, показаны при воспалительных заболеваниях, вызывающих жесткое дыхание.

164. (...) Старинная идея симпатии и параллелизма планет и металлов. Пожалуй, магнитный шарик желает вращаться и быть маленькой Землей.

Целебная сила природы близко родственна способности к воспроизведению, поэтому чувствительным людям сильно рассчитывать на нее не стоит.

Чем благороднее человек, тем искусственнее его сохранение. Изучение медицины становится долгом и необходимостью.

Применение пяти чувств раскисляет нервы и мышление, поэтому сон, покой или движение — мускульная работа их восстанавливают.

Очевидно, что, если мускулы бездействуют, они окисляются за счет соков, которые, лишившись кислорода, вызывают астению в самих мускулах.

Очевидно, что в душе тоже возникает некий вид возбудимости и чувствительности — большая или меньшая предрасположенность к болезням. Нравственность, сопротивляемость, энергия интеллектуального существа и религиозность становятся необходимы болезненному человеку, но они действуют на него благотворнее, чем на любого другого. Что может соответствовать вере и нравственной энергии в телесном мире?

Все силы — процессы, действия. Все силы непрерывно производят самих себя.

Чем выше сила, тем более личной она является.

Мир как объект есть результат бесконечного соглашения, а наша внутренняя множественность — основание мирозерцания. (...)

165. Система морали должна стать системой природы. Все болезни подобны греху тем, что они — трансценденции. Все наши болезни являются феноменами повышенной чувстви-

тельности, которая хочет перейти в высшие силы. Пожелав стать Богом, человек согрешил.

Болезни растений — анимализации, болезни животных — рационализации, болезни камней — вегетации.

Пожалуй, каждому растению соответствует камень и зверь.

Реальность симпатии. Параллелизм природных царств.

Животные — умершие растения и т. п.

Теория метемпсихоза.

Использование минеральных субстанций — почв, металлов. Различие между болезнями и ранениями — одно может возникнуть из другого и, видимо, должно из него возникнуть.

Космические тела образуют четвертое царство — каменное.

Химизм: через промежуточные элементы, возможно, акустика переходит в механику.

Любую болезнь можно назвать душевной.

166. Из всех растений деревья, пожалуй, самые аристократичные, ибо их бесчисленные индивиды весьма опосредованно укоренены в почве и представляют собой уже как бы растения на растениях.

Чувства у животных — листья и цветы у растений. Цветы — аллегории сознания или ума. Высший уровень размножения является целью высшего цветка — высшее сохранение. У людей — это орудие бессмертия — прогрессивного размножения — личностного начала. Поразительные следствия для обоих царств.

167. Чем больше стихотворение связано с личностью, странством, временем, индивидуальностью, тем ближе оно к центру поэзии. Стихотворение должно быть абсолютно неисчерпаемо, как человек или афоризм.

Чем был параллелизм восточной поэзии?

Сказанное выше о стихотворении, справедливо и для романа.

Если Бог стал человеком, Он может стать камнем, растением, животным, стихией, и, может быть, будущее спасение природы произойдет именно так?

Индивидуальность в природе бесконечна. Данная теория воскрешает надежды, что универсум есть личность.

Мысли о том, что древние называли симпатией. (...)

Весьма вероятно, что в природе тоже имеется чудесная мистика чисел. Так и в истории — все исполнено смысла, симметрии, намеков и странных соответствий. Бог может открыть себя в математике, как и в любой другой науке? (...)

168. О возможной мифологии (свободном мифотворчестве) христианства и его земных метаморфозах. Бог как врач, как священник, как женщина, друг и т. д. Все благо мира есть непосредственное действие Бога. Бог может явиться в образе любого человека. Христианство можно изучать целую вечность — все становится только возвышеннее, многограннее и великолепнее.

169. Идея философии — мистическая традиция. Вообще, философия — задача *знать*. Неопределенная наука наук — мистерия порыва к познанию — своеобразный дух всех наук, который поэтому может быть выражен только образно или практически — в совершенном выражении специальной науки.

Поскольку все науки взаимосвязаны, философия никогда не будет завершена. Только когда система наук будет завершена, философия станет вполне зримой.

Мистичностью философии объясняется, почему каждый человек ищет в ней что-то свое и почему истинная философия никогда не могла быть изложена.

Предпосылкой Шеллинговой философии природы является ограниченное понятие природы и философии.

Чем же является философия природы Шеллинга на самом деле?

Система морали с большим правом претендует быть единственно возможной философской системой.

Философия выразима только практически, как и гениальное творчество, описать ее вообще невозможно.

Упрощение и комбинация наук — превращение всех наук в Одну — является философской задачей, абсолютным требованием вождения к знанию.

170. Болезни, несомненно, составляют *важнейший предмет человечества*, ибо болезней бесчисленное множество, и каждому человеку так много приходится бороться с ними. Искусством использовать болезни мы в совершенстве еще не овладели. Очевидно, что они — интереснейший стимул и материал для размышления и деятельности. Здесь можно собрать богатый урожай, особенно, как мне кажется, на интеллектуальной ниве — в области морали, религии и, Бог знает, в какой чудесной области еще.

Не суждено ли мне стать пророком этого искусства?

Болезнь отличает человека от животных и растений — человек рожден для страдания. Чем он беспомощнее, тем восприимчивее к морали и религии.

171. Природа начинает, скажем так, с абстрактного. Природа, как и математика, основывается на абсолютно необходимой гипотезе. Природа движется от *a priori ad postgius* — по крайней мере, для нас. Личное начало ей противоположно. Она — сдержанный процесс олицетворения. Чем сдержаннее, тем ближе к природе. Универсальное изложение христианства. Любовь — непременно *болезнь*, отсюда чудесное значение христианства.

Христианство — всецело историческая религия, переходящая в естественную религию — мораль — и искусственную — поэзию и мифологию.

Счастье — талант по отношению к истории или судьбе. Предчувствие событий является *пророческим*, счастье — интуитивным *инстинктом*. (Древние справедливо причисляли счастье к человеческим талантам.) Существует интуитивная радость. Роман возник из-за ущербности истории. Он предполагает в поэте и читателе интуитивное или историческое предчувствие и страсть. Он стремится не к какой-то там внешней цели, а заключает ее исключительно в себе самом.

История всегда останется незавершенной. (...)

Роман — это, так сказать, *свободная история* — мифология истории. (Под мифологией я понимаю свободный поэтический вымысел, многообразно символизирующий действительность и т. д.)

Возможна ли мифология природы? (...)

172. Нравственное чувство — это чувство абсолютной творческой способности, продуктивной свободы, бесконечной личности, микрокосма, своего рода имманентной божественности.

173. В добродетели локальная и темпоральная личность исчезает. Добродетельный человек как таковой уже не исторический индивид — но сам Бог.

174. Странно, что в природе все резкое, хаотическое, асимметричное, грубое не вызывает отвращения, а в произведении искусства, наоборот, потребна мягкость, методичность, гармония, правильность и непротиворечивость. Без этого отличия искусство никогда бы не возникло. Именно оно сделало искусство необходимым и выявило сущность такового.

175. Идеал совершенного здоровья интересен только с научной точки зрения. Болезнь есть способ *индивидуализации*. Здесь, как и в человеческих душах, действует тот же закон, что и в изобразительном искусстве по отношению к дорифо-

ру или канону.⁴⁶ Этот закон действует везде — в музыке, зодчестве, декоре и т. д.

176. В романе (у которого, кстати, есть сходство с английским садом) каждое слово должно быть поэтическим. *Никакой банальной природы* и т. д.

177. Диалог. Театр.

Театр — саморефлексия человека в действии. Безумие — счастье — случайность — карта мира.

178. Трактовка *истории*. (Бога как разумного человека в романе и драме.)

Изображение Христа как человека средних способностей.

Вторая часть — для воспитания человеческого рода.⁴⁷

Боль должна быть, в сущности, обычным состоянием, а радость тем, чем сейчас являются боль и нужда.

179. Поэт имеет дело с одними понятиями. Описания и т. п. он заимствует лишь в качестве знаков понятий. Существует поэтическая музыка и живопись — последнюю часто путают с поэзией, например тиковскую и, пожалуй, гётевскую.

180. В настоящих поэмах нет никакого иного единства, кроме душевного. Азбука или компендий иногда могут казаться поэтическими произведениями. Поэзия = откровение души — деятельной (продуктивной) индивидуальности.

181. Чудесность математики.

Она есть *письменный инструмент*, который можно совершенствовать до бесконечности — главное доказательство симпатии и тождества природы и души.

Ткацкие станки в знаках.

Расписные инструменты.

182. Мораль, если ее понимать правильно, является естественной средой обитания человека. Она внутренне едина со страхом Божиим. Наша чисто нравственная воля есть воля Божия. Исполняя таковую, мы просветляем и расширяем сферу нашего собственного бытия, как если бы мы поступали по своей собственной воле и внутренней природе. Подлинным злом в мире является грех. Все беды происходят от него. Кто понимает природу греха, тот понимает добродетель и христианство, себя самого и мир. Без этого понимания к заслуге Христа нельзя приобщиться, нельзя соучаствовать во втором, более высоком творении.

183. Все произвольное, случайное, индивидуальное может стать нашим орудием в мире. Лицо, звезда, местность, старое дерево и т. п. могут открыть новую эру в нашем внутреннем мире. В этом и состоит великий реализм фетишизма.

184. Эстетика никак не связана с поэзией.

185. В исторических хрониках Шекспира не утихает борьба между поэзией и непоэзией. Обыденное предстает острым и раскованным — если великое чопорно и печально. Низкая жизнь постоянно противопоставляется высокой — то трагедийно, то пародийно, то контрастно. История изображается в этих пьесах так, как поэт ее видит. История растворена в диалогах. Фактически история наизнанку, и все же такая история, какой она должна быть, — пророческая и синхроническая. Любая драма похожа на романс. Ясно — просто — необычайно — поэтическая игра в чистом виде, без определенных целей.

Великие романсы в форме разговоров.⁴⁸ Великие и малые предметы, объединенные поэзией.

Искусство приятного отчуждения — сделать предмет чужим, однако знакомым и притягательным — это романтическая поэтика.

Есть специальное чувство поэзии — поэтическое настроение в нас. Поэзия всегда есть нечто личное и поэтому не поддается описанию или определению. Кто не знает и непосредственно не чувствует, что такое поэзия, тот никогда этого не поймет. Поэзия есть поэзия. С речевым (языковым) искусством она не имеет ничего общего.

186. Моральные воззрения Фихте являются самой правильной теорией морали. Мораль не говорит ничего определенного — это совесть — судья без закона. Она повелевает непосредственно, но всегда конкретно. Она есть решительность как таковая. Правильное представление о совести. Законы абсолютно противоположны морали.

187. Поэтическое чувство имеет много общего с мистическим. Это чувство самобытного, личного, неизвестного, таинственного, сокровенного, необходимо-случайного. Оно изображает то, что изобразить невозможно. Оно видит невидимое, чувствует сверхчувственное и т. п. Критика поэзии абсурдна.

Трудно даже решить, а иного решения не существует, является ли нечто поэзией или нет.

Поэт бесчувственен к внешнему миру, зато все происходит внутри него. Он в прямом смысле субъект и объект — душа и мир. Поэтому хорошее стихотворение бесконечно и вечно. Поэтическое чувство близкородственно пророческому и религиозному, чувству прорицания вообще. Поэт упорядочивает, соединяет, придумывает, отбирает и понятия не имеет, почему именно так, а не иначе.

188. Чувство здоровья, хорошего самочувствия, удовольствия является непременно личным, случайным и если зависит от

внешних обстоятельств, то только косвенно. Поэтому искать его бесполезно, и, может быть, в этом реальная причина всех мифологических олицетворений.

189. (Довольно странно, что греческая мифология была так независима от религии. Кажется, что создание искусства до религии и бесконечно возвышенный идеализм самой религии были для греков инстинктом. Религия являлась главным предметом человеческого искусства. Искусство казалось божественным, а религия — художественной и человеческой. Художественное чувство было чувством, которое произвело религию. Божество открывало себя через искусство.)

190. Болезни, особенно хронические, — это годы, отпущенные на то, чтобы научиться жить и воспитать душу. Их нужно использовать, проводя ежедневные наблюдения. Не требует ли жизнь от образованного человека постоянно учиться? Образованный человек живет всецело ради будущего. Его жизнь — это борьба; наука и искусство хранят его и направляют к цели.

Чем больше человек научается жить не мгновеньями, а годами и т. д., тем благороднее он становится. Когда торопливая суэта, мелочная возня сменяются большой, спокойной, простой и обширной деятельностью, приходит великое терпение. Религия и нравственность — оплот нашего бытия — торжествуют все больше.

Угнетение природы есть воспоминание о высшей родине и высшей природе, более родственной нам.

191. Наши элементы инстинктивно стремятся к раскислению. Жизнь есть принудительное окисление.

192. Мученики — религиозные герои. Вероятно, у каждого человека свои годы мучений. Христос — великомученик

человеческого рода. Через него мученичество обрело бесконечный смысл и стало священным. О! Если бы я имел чувство мученичества!

193. Может быть, сам дьявол, отец лжи, только необходимое приведение? Обман и иллюзия противостоят истине, добродетели и религии.

Свободной воле противостоят каприз, произвол раба, суеверие, прихоть, извращение, самодурство. Отсюда возникает заблуждение.

Для Бога дьявола не существует, но для нас он, к сожалению, весьма действенное измышление. Царство демонии.

Мой долг быть радостным и спокойным.

194. Мир есть система необходимых предпосылок — прошедшее, своего рода предшествование — прелюдия вечности.

Принципы, мысли и цели принадлежат финалу вечности — необходимому будущему и образуют систему необходимых следствий. Из действительного и идеального мира происходит современный мир, в котором смешаны прочный и текучий, чувственный и интеллектуальный мир.

195. Кто обладает чувством случайности, может использовать любую известную случайность для определения неизвестной — с равным успехом читать судьбу не только по расположению звезд, но и по песчинкам, полету птиц, фигурам.

196. Роман следует рассматривать совершенно так же, как и романс. Пожалуй, поэтику можно представить как комбинацию подчиненных искусств, например метрики, лингвистики, искусства иносказания, шутки и остроты; если данные искусства хорошо сочетаются и применяются со вкусом, то продукт будет назван стихотворением.

Хотя привычнее именовать стихотворением только выражение высшего, подлинно оригинальный вымысел в условных рамках. На каждой последующей ступени образования поэтика становится все более значительным инструментом, а стихотворение — все более высоким продуктом.

Некоторые стихотворения кажутся поэзией только поэтически настроенному человеку, хотя не являются ею ни сами по себе, ни по авторской интенции.

197. Довольно странно, что в поэтических творениях любой ценой стремятся избежать поэтической иллюзии, и ничто так не порицается, как следы фантазии, вымышленного мира (например, в «Короле Джоне» диалоги королей друг с другом и с горожанами на бранном поле и у городских стен, и т. д.).⁴⁹

Видимо, это можно объяснить произвольным стремлением к чему-то высокому; однако именно поэтому попытки преждевременно схватить таковое неуклюжи и нецелесообразны, так как только дерзкий и правильный рисунок нами же выдуманных предметов и историй способен вложить свободную душу в иллюзорную копию мира.

198. Поэт должен уметь представлять себе чужие мысли, составлять из них любые последовательности и всевозможные фразы. Как композитор, воображая, комбинируя и сочетая звуки разных инструментов, как бы вдыхает в них жизнь, как художник, мастера и создавая красочные образы, произвольно изменяет, komponует, множит и создает типичное и индивидуальное, так и поэт облекает говорящий дух вещей и действий в разнообразные одежды, виртуозно работая с языком, одушевляет их особенным и оригинальным смыслом. Беседы, письма, речи, описания, признания, рассказы он наполняет подробностями, обстоятельствами и тысячей персонажей, а потом переносит на бумагу. Он должен уметь повествовать занимательно и значитель-

но, а само повествование будет вдохновлять его говорить и писать.

199. История — практическая мораль и религия, а также практическая *антропология* в общем смысле. Отсюда чудесное соответствие между историей и нашим предназначением — христианством и моралью.

Мы несем не только грехи наших предков, но и их добродетели, следовательно, люди живут больше в прошлом и будущем и меньше — в настоящем.

200. Не знание как таковое делает нас счастливыми — но его качество и субъективные свойства. Совершенное знание — это убеждение, только оно приносит счастье и удовлетворение. Мертвое — живое знание.

201. В чем состоит сущность поэзии, собственно говоря, определить невозможно. Она бесконечно сложна и одновременно проста. Прекрасное, романтическое, гармоничное — таковы частные ее определения.

202. К радости, печали, веселью, грусти равнодушен как разумный человек, так и истинный поэт. (Светлая, разумная серьезность.)

Песни, эпиграммы и проч. являются для поэзии тем же, чем арии, контрдансы и т. п. для музыки. Сонаты и симфонии и т. д. — истинная музыка.

Поэтому и поэзия должна быть просто произведением разума — искусства — *выдумки* — фантазии! и т. д.

Шекспир для меня темнее, чем греки. Юмор Аристофана я понимаю, а Шекспира — далеко не всегда. Шекспира я понимаю еще убого.

Если юмор претендует на поэтичность, он должен быть непременно ненатуральным, замаскированным.

В театре тоже тиранствует принцип подражания природе. Он — мерило драматических достоинств. Древние понимали его лучше. У них все было *поэтичнее*. Наш театр совсем непоэтичен — к поэзии приближаются только оперетта и опера, и то не актерами, а действием.

* * *

203. Царство поэта — это мир в фокусе его времени. План и исполнение должны быть поэтическими, т. е. обладать поэтической *природой*. Он ничего не отвергнет — духовно амальгамирует каждую часть и превратит ее в целое. Он должен изображать как всеобщее, так и особенное — всякое изображение реализуется *через* противопоставление, и свобода соединения снимает с него все ограничения. Поэтическая натура — природа, у нее природные свойства. Несмотря на всю индивидуальность, она интересна для всех. Какой прок в описаниях, которые не согревают дух и сердце, — безжизненные описания безжизненной природы. Если они не в состоянии выразить игру душевных переживаний, то пусть хотя бы будут символическими, как сама природа. Либо природа —местилище идей, либо душа —местилище природы. Этот закон справедлив как для целого, так и для части. Поэта нельзя считать эгоистом, он — явление для самого себя, представляющий пророк природы, тогда как философ — природный пророк представления. Для одного превыше объективность, для другого — субъективность. Один — голос Вселенной, другой — голос простейшей единицы — принципа; поэт — стих, философ — проза. Либо различие соединяет бесконечное, либо многообразие соединяет конечное.

Поэт изрекает вечную истину, он неизменен в *круговороте* природы. Философ меняется в вечно неизменном бытии. Вечно неизменное бытие можно изобразить только в изменчивом. Вечно изменчивое — только в неизменном —

целом — настоящем мгновении. До и после — это только образы. Реальна она одна.

Всякое поэтическое изображение должно быть либо символическим, либо трогательным. (Трогательно — то, что аффицирует.) Символическое аффицирует опосредованно — пробуждает собственную деятельность, раздражает и возбуждает, трогательное — трогает и волнует непосредственно. Первое есть действие духа, второе — страдание природы, первое идет от иллюзии к бытию, второе — от бытия к иллюзии. Первое — от представления к созерцанию, второе — от созерцания к представлению.

Некогда поэт мог быть всем для всех — круг был еще так узок, человеческие знания, опыт, обычаи, характеры весьма схожи — такой непритязательный человек в эпоху простых, но более сильных притязаний возвышал людей над ними самими к чувству высшего достоинства и свободы. (...)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «...назидательная книга»: Новалис планировал написать книгу религиозного содержания.

«Духовные песни»: цикл песен, созданный в последний период творчества. По свидетельству Л. Тика, некоторые из них были уже написаны летом 1799 г.

«Молитвы за Ю(лию)»: Юлия фон Шарпантье — невеста Новалиса, с которой он обручился в конце 1798 г.

² Посредством жертвы Христа Бог примирился с человеком. Примирение есть очищение от греха, преодоление человеческой разорванности. Лютер отмечает, что примирение произошло по инициативе Бога и не является результатом человеческих заслуг. Только страдание и крестная смерть Христа заслужили милосердие Бога. Через понятие заслуги Христос становится посредником между Богом и человеком.

Идею о том, что все Евангелия восходят к одному первоисточнику, высказал Г. Э. Лессинг. Здесь Новалис имеет в виду, однако, не исторический первоисточник, а объединение всех Евангелий

в одной Духовной книге. С другой стороны, возможность создания многих Евангелий, выражающих индивидуальный духовный опыт. Ср. также фр. 39.

«Союз с Тиком, Шлегелем и Шлейермахером»: все трое — участники йенского кружка романтиков. Л. Тик (1773—1853) — писатель, поэт и переводчик. Фр. Шлегель (1772—1829) — писатель, литературовед, философ, лингвист и переводчик. Ф. Шлейермахер (1768—1834) — проповедник, богослов, философ, филолог, переводчик.

³ «Религия неизвестного Бога в Афинах»: Ср. Деян. 17, 22—23: (22) И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. (23) Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам.

⁴ «Из логической предпосылки Фихте»: Новалис интерпретирует здесь воззрение на логику Фихте и на связь логики с наукоучением, высказанное в § 6 «О понятии наукоучения»: «... наукоучение необходимо — не как ясно продуманная, систематически установленная наука, но как природная склонность; логика же — искусственный продукт человеческого духа в его свободе. Без первого вообще не было бы возможным никакое знание и никакая наука; без последней все науки были бы только позднее выполнены. Первое — исключительное условие всякой науки; последняя — в высокой мере благодетельное изобретение, чтобы облегчить научный прогресс» (*Фихте И. Г. О понятии наукоучения* // *Фихте И. Г. Сочинения*: В 2 т. СПб., 1993. С. 47).

⁵ Леса́ж Жорж Луи (1724—1803) — швейцарский физик. Учился в колледже в Женеве, в медицинской школе в Базеле. Был учителем математики в Женеве. Работы посвящены механике и молекулярной физике. В 1784 г. построил механическую теорию тяготения (теория Лесажа). Новалис читал книгу Шеллинга «Идеи философии природы», в которой есть глава «Несколько замечаний о механической физике господина Лесажа».

⁶ Иоганн Вильгельм Риттер (1776—1810) — немецкий химик, физик, философ-романтик. Сделал ряд важнейших открытий в области электрохимии и ультрафиолетового излучения. Ему принадлежит открытие ультрафиолетовой части электромагнитного спектра. «Риттер — рыцарь, — говорил Новалис, обыгрывая

фамилию друга (нем. Ritter — рыцарь), — а мы только пажи». Новалис читал книгу Риттера о гальванизме (1798) и лично познакомился с ним в 1799 г.

⁷ Гемстергейс (1721—1790) — нидерландский философ; представитель мистически-поэтического неоплатонизма. По Гемстергейсу, материя является «застывшим духом». Гемстергейс поддерживал тесную связь с католическим кругом княгини Голицыной в Мюнстере, к которому принадлежали также Якоби и Гаманн. Его эстетические воззрения оказали большое влияние на раннюю романтику. Оsn. произв.: «Lettre sur la sculpture», 1769; «Lettre de Diodes a Diotime sur Patheisme», 1787. Новалис особенно интересовался этическим учением Гемстергейса о «моральном органе».

⁸ О виртуозности в любой деятельности, в частности религии, говорил Ф. Шлейермахер, автор книги «О религии. Речи к образованным людям, ее презирающим» (1799). Новалис критикует Шлейермахера с этических позиций за эстетизм религиозного чувства.

⁹ «Уничтожение греха»: Ср. Первую Духовную Песнь:

«Грех сгинул, как мираж бесследный, / Преобразился каждый шаг; / При нас подарок заповедный, / Сокровище небесных благ.» (Новалис. Духовные песни // Новалис. Генрих фон Офтердинген / Пер. В. Б. Микушевича. М., 2003. С. 157). В последних фрагментах Новалис говорит о связи греха и спасения. (Ср. фр. 151: Грех — великий раздражитель божественной любви.)

¹⁰ Подобный перечень содержит так называемый Паралипоменон к «Генриху фон Офтердингену».

¹¹ Английский историк Э. Гиббон (1737—1794) в своем главном трактате «История упадка и падения Римской империи» (1776—1788) объясняет зарождение и распространение христианства в Римской империи политическими и социальными причинами.

¹² Знак, метка, признак (санскр.). В индуизме основной неантропоморфный символ Шивы. В большинстве случаев представляет собою вертикально поставленный цилиндр с закругленной или полусферической вершиной. Считается, что лингам представляет собой фаллос.

¹³ Понятия наивное и сентиментальное введены в эстетику Ф. Шиллером в сочинении «О наивной и сентиментальной поэзии» (1795—1796). Новалис интерпретирует эти понятия по-своему.

¹⁴ Первое издание «Парамифий» И. Г. Гердера (1785) Новалис имел в своей библиотеке.

¹⁵ «God save»: первые строки национального британского гимна «God save our Lord, the King» (1743), «Wie sie so sanft ruhen» — зачин религиозной песни «Der Gottesacker» (1780).

¹⁶ Имеется в виду Иоанн Креститель, последний пророк Израиля и предтеча Иисуса Христа.

¹⁷ Гонимая Церковь (*лат.*).

¹⁸ Торжествующая Церковь (*лат.*).

¹⁹ «Нессир и Зулима в пересказе Рафаэля», автором анонимно опубликованного в 1782 г. произведения был Й. Г. Якоби (1740—1814). «Признания прекрасной души» образуют Шестую книгу романа И. В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». Имеется в виду роман И. Г. Юнг-Штиллинга «Ностальгия», вышедший в Марбурге в 1794—1796 гг.

²⁰ «Бессвязные рассказы»: с точки зрения романтиков, поэтическое произведение должно быть символом, т. е. выражать бесконечное в конечном. Согласно теории фрагмента бесконечное можно выразить в конечном только фрагментарно. Здесь действует закон обратной пропорции. Чем фрагментарнее, бессвязнее явление, тем глубже выражаемый им смысл.

²¹ О смешении разных свойств души речь пойдет в сказке Клингзора в романе «Генрих фон Офтердинген».

²² Умозрительное творчество (*лат.*).

²³ «...идеалистический путь физика»: Новалис, как и Ф. В. Й. Шеллинг, пользуется здесь телеологическим объяснением явлений природы, согласно которому более сложное и более высокое онтологически предшествует простому и низкому и объясняет таковое.

²⁴ Животный магнетизм или месмеризм — теория немецкого врача и астролога Ф. Месмера. Месмер полагал, что люди способны производить и накапливать магнитную энергию, а также использовать ее на расстоянии. Такую энергию он называл флюидом. Он полагал также, что правильное распределение флюидов может привести к исцелению, неправильное — к болезни. Флюиды могут передаваться посредством чувства от врача к пациенту. В 1776 г. Месмер применил животный магнетизм в медицинских целях, положив начало гипнозу. Теория животного магнетизма была популярна среди натурфилософов, а также романтических поэтов — Э. А. По и Э. Т. А. Гофмана. Известно,

что Новалис проводил месмерические опыты со своей невестой Юлией фон Шарпантье.

²⁵ Гальванизм — отрасль учения об электричестве. Название гальванизм произошло от имени итальянского анатома Луиджи Гальвани (1737—1798), опыты которого впервые указали на новый для его времени случай возбуждения электричества. Гальвани заметил, что препарированные ноги лягушки, находясь вблизи электрической машины, всякий раз приходили в движение, когда из машины была извлекаема искра, а мускулов и нервов в то же время касались металлическим предметом. Явление гальванизма получило название животного электричества, которое указывало на взаимосвязь процессов живой и неживой природы.

²⁶ Неорганический. Этот термин употреблял также Ф. Гёльдерлин.

²⁷ Джон Браун (1735—1788) — шотландский врач, создатель учения о раздражимости. Новалис переносит учение о раздражимости на внутренние процессы в душе.

²⁸ Идея о новом объединении европейских государств содержится в эссе Новалиса «Христианский мир или Европа».

²⁹ Логарифмом положительного числа N по основанию ($b > 0$, $b \neq 1$) называется показатель степени x , в которую нужно возвести b , чтобы получить N . Учение о логарифмах, созданное в XVI в., способствовало решению многих математических проблем.

³⁰ По преимуществу (*греч.*).

³¹ Человеку (*греч.*).

³² По сути как таковой (*лат.*).

³³ Имеется в виду семья в замке Лотарио из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера».

³⁴ Ср. рассуждения Клингзора из романа «Генрих фон Офтердинген»: «Не только всякий поэт вынужден довольствоваться своим природным даром, не смея притязать на большее... для самого человеческого творчества существует известный предел живописуемого, за которым искусство теряет необходимую насыщенность и отчетливость, расплываясь в зыбкой, призрачной небыли» (Новалис. Генрих фон Офтердинген. М., 2003. С. 70).

³⁵ Гитара и лютя — типичные «романтические» музыкальные инструменты. На гитаре играет Матильда, а на лютне — сын лесника из сказки купцов в романе «Генрих фон Офтердинген».

³⁶ Новалис, критикуя Гёте за отсутствие поэтического содержания в романе, все же признает за ним высокое искусство художника. Это особенно видно, если сопоставить этот фрагмент со следующим.

³⁷ Роман Вольтера «Кандид или оптимизм» (1759) был переведен на немецкий язык в 1776 г. Для Новалиса Кандид, который после многочисленных странствий решил возделывать свой сад, является примером превращения романтика в мещанина.

³⁸ «Парк Лили» — стихотворение И. В. Гёте, в котором речь идет об укрощении дикого медведя прекрасной феей Лили.

³⁹ В противовес мещанству в романе Гёте Новалис превозносит поэзию у Шекспира. Если «Кандид» воспринимается Новалисом как сатира на религию и романтизм, то «Гамлет» — как сатира на современность и мещанство. «Гамлет» в переводе Л. Тика вышел в свет в 1798 г. Виттенберг — город, в котором преподавал Мартин Лютер, для Шекспира — символ свободомыслия.

⁴⁰ «Поэзия исцеляет раны, наносимые рассудком»: В сказке Клингзора в романе «Генрих фон Офтердинген» Сказка (олицетворение романтической поэзии) противостоит Писцу, олицетворяющему рассудок.

⁴¹ Ср. замечание Новалиса по поводу композиции романа «Генрих фон Офтердинген»: «Изображение мира как изображение великой души». Одушевление как форма романтизации — художественный метод Новалиса.

⁴² Роман Сервантеса «Дон Кихот» был переведен Л. Тиком в 1799—1801 гг. Фр. Шлегель включил в своем «Разговоре о поэзии» (1799) Дон Кихота, Шекспира, а также новеллы Боккаччо в канон романтической поэзии, в которой чудесное смешивается с обыденным, а абсолютной мир предстает в пестрых и многозначительных фрагментах. Большую статью, посвященную поэзии Боккаччо, «Новость о поэтических произведениях Джованни Боккаччо» Фр. Шлегель написал в 1801 г.

⁴³ Стения и астения — термины физиологической теории Джона Брауна.

⁴⁴ Рассуждения о болезни, грехе и духе возникли под влиянием собственной болезни. Для Новалиса болезнь — это следствие человеческой свободы, своего рода «плата за свободу». Болезнью тела человек расплачивается за нарушение природной воли, за своеволие. Однако болезнь — это также самопознание, переход в новое, более высокое состояние. (Ср. фр. 165: «Болезни... транс-

ценденции... Болезни растений — анимализации, болезни животных — рационализации, болезни камней — вегетации». 175: «Болезнь есть способ индивидуализации».)

⁴⁵ Флогистон (от греч. φλογιστός — горючий, воспламеняемый) — в истории химии гипотетическая «сверхтонкая материя», «огненная субстанция», якобы наполняющая все горючие вещества и высвобождающаяся из них при горении. Термин введён в начале XVIII в. Иоганном Бехером и Георгом Шталем в 1703 г. для объяснения процессов горения. Флогистон представляли как невесомую жидкость, улетучивавшуюся из вещества при сжигании. Новалис, как последователь теории Лавуазье, использует это обозначение в переносном смысле. Животная жизнь подвержена флогистическому процессу, окислению, горению, который приводит ее к постепенному угасанию. Болезнь нарушает равномерное горение и есть антифлогистический процесс. Дух оказывает сопротивление окислению, равномерному горению. Сбой в горении — метафора рефлексии (ср. фр. 163).

⁴⁶ Дорифор (копьеносец) — одна из самых знаменитых статуй античности, работа скульптора Поликлета, воплощающая так называемый Канон Поликлета, была создана в 450—440 гг. до н. э. Иногда эту статую так и называли — «Канон Поликлета», вслед за одноименным теоретическим трактатом его создателя. Поликлет вывел закон идеальных пропорций человека, которые находятся друг с другом в цифровом соотношении.

⁴⁷ Новалис планировал продолжить трактат Г. Э. Лессинга «Воспитание человеческого рода».

⁴⁸ «Великие романсы в форме разговоров»: романс — лиро-эпический жанр, возникший в Испании. Основные темы романсов — борьба с маврами, испанская история, подвиги рыцарей, любовь. Из романсов произошли рыцарские романы. Испанское romance (романс) и французское romanesque (романный, т. е. странный, фантастический) являются этимонами понятия романтизм. О близости понятий романс и роман Новалис говорит в 196-м фрагменте: «Роман следует рассматривать совершенно так же, как и романс».

В «Разговоре о поэзии» Фр. Шлегель писал о романсе: «Форма и строй поэзии, отныне вновь ставшей искусством, были применены к авантюрному материалу рыцарских книг, и так возник итальянский romanzo, первоначально предназначенный для чтения в обществе и явно или незаметно превративший старые чудесные

легенды в гротеск благодаря легкому налету светской остроты и других духовных приправ. Однако даже у Ариосто, который, как и Боярдо, расцвел гоманзо новеллами и в духе своего времени украсил его прекрасными цветами древности, а в стансах достиг высокого изящества, — даже у Ариосто гротеск выступает лишь эпизодически, а не как целое, которое едва ли заслуживает такого названия. Благодаря этому преимуществу и своему ясному уму он возвышается над своим предшественником. Богатство ясных образов и счастливое смешение шуточного с серьезным делают его образцовым мастером легкого рассказа и чувственных фантазий. Попытка с помощью достойного предмета и классического языка поднять гоманзо до уровня античной эпопеи, считая его самым великим произведением искусства для нации и особенно для ученых благодаря аллегорическому смыслу, — попытка эта, сколь бы часто она ни предпринималась, оставалась только попыткой, не достигавшей своей цели» (Шлегель Фр. Эстетика. Философия. Критика. В 2 т. Т. 1. М., 1983. С. 377).

⁴⁹ В драме Шекспира «Король Джон» действие 2-го и 3-го актов происходит под стенами Анжера. История изображается с помощью разговоров королей (Джона и Филиппа), а также горожан.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Л. Вольский. «Фрагменты» Новалиса: поэтическое познание универсума</i>	<i>5</i>
Фрагменты и штудии до 1797 года	53
Смешанные фрагменты. 1797—1798 годы	85
Вера и любовь и политические афоризмы. 1798 год	121
Фрагменты и штудии. 1797—1798 годы	143
Из «Всеобщего черновика». 1798—1799 годы	185
Естественнонаучные штудии. 1798—1799 годы	201
Фрагменты и штудии. 1799—1800 годы	262

НОВАЛИС
(Фридрих фон Харденберг)

ФРАГМЕНТЫ

Редактор издательства *М. В. Орлова*
Художник *П. Палей*
Компьютерная вёрстка *О. В. Новиковой*

Подписано к печати 04.08.2014.
Формат 60 × 84 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура «Palatino Linotype».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18.6. Уч.-изд. л. 15.3.
Тип. зак. № 1349

Издательство «Владимир Даль»
199044, Санкт-Петербург, 5 линия, д. 20, литер А

ООО «ИПК «Береста»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, 28

Фрагменты

Новалис

Фрагмент — основная форма романтической философии, ибо выразить бесконечное в конечном, по мнению романтиков, можно только фрагментарно. Поэтому фрагментарность стала основным приемом романтического мышления.

Книга содержит фрагменты, написанные главным представителем йенского романтизма — Новалисом (настоящее имя — Фридрих фон Харденберг, 1772—1801). Два цикла — «Цветочная пыльца» и «Вера и любовь, или Король и королева» — были опубликованы при жизни Новалиса, остальные — посмертно. Большинство фрагментов переведено на русский язык впервые.

«Мы ищем во всем безусловное, а находим лишь обусловленности».

«Эти фрагменты — литературные семена. Если даже некоторые колосья засохнут — какие-то все равно взойдут».

Новалис

